

А. В. КУЗЬМИН

В ПРИБРЕЖНЫХ ВОДАХ

Александр Васильевич
КУЗЬМИН

В О Е Н Н Ы Е   М Е М У А Р Ы

ВИЦЕ-АДМИРАЛ
А. В. КУЗЬМИН

В ПРИБРЕЖНЫХ ВОДАХ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1967

Литературная запись П. И. ПРОШИНА

Кузьмин А. В.

K89 В прибрежных водах. М., Военное издательство, 1967.

288 с. 75 000 экз. 67 коп.

«Маленькие корабли одерживают большие победы» — так говорили во время войны о наших торпедных катерах. Десятки вражеских транспортов, миноносцев, сторожевиков пошли на дно от ударов советских катерников.

Вице-адмирал А. В. Кузьмин командовал бригадой торпедных катеров сначала на Севере, а затем на Балтийском море. Он пишет об отважных людях, которые на своих стремительных кораблях в любую погоду выходили в море, настигали и топили врага.

Читатель узнает не только о подвигах, но и о том, как жили и учились моряки, как обретали опыт и мастерство молодые командиры.

1-12-2-7

76-67

9(c)27

Часть

П Е Р В А Я

З
А
ШЕСТЬДЕСЯТ
ДЕВЯТОЙ
ПАРАЛЛЕЛЮ

НА ДЕЙСТВУЮЩИЙ ФЛОТ

В марте 1944 года меня вызвал командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев. Спешно еду в штаб.

Командующий, как всегда, выглядит хмурым. Насупились густые черные брови, резко контрастирующие с серебристыми коротко подстриженными волосами. Глубокие морщины у уголков рта.

Но я уже знаю, что за этой внешней суровостью скрывается большая человеческая отзывчивость. Иван Степанович всегда внимательно выслушает тебя, во всем разберется. Не помню ни одного случая, чтобы он повысил голос, отругал кого-нибудь. Провинившегося не спешит наказывать. Вникнет в суть дела, обдумает все и тогда уже примет решение.

Запомнились учения летом 1942 года. Наши торпедные катера отрабатывали атаку свободно маневрирующих миноносцев. Поначалу все было хорошо. «Противника» обнаружили на предельной дистанции. Вовремя поставили дымовые завесы, под прикрытием которых ринулась в атаку ударная группа катеров. Но командир отряда капитан-лейтенант Александр Симонов, увлекшись «боем», не учел, что сильный ветер сносит дымзавесу в сторону «противника». Катер на полном ходу влетел в клубы дыма и... врезался в борт одного из миноносцев. Удар был настолько силен, что миноносец получил пробоину. О катере и говорить нечего: нос ему смяло почти до машинной переборки. Всех, кто был наверху, сбросило в море. К счастью, никто не пострадал.

Я выделил один из катеров для оказания помощи

попавшему в беду экипажу, а остальным приказал продолжать «бой».

Атака была успешной. Все выпущенные торпеды прошли точно под целями. Но на душе у меня было неспокойно. Что ни говори, а один катер выведен из строя на довольно продолжительное время. И случилось это на глазах командующего Дальневосточным фронтом генерала армии Апанасенко, человека очень строгого. После учения я с тяжелым сердцем отправился на доклад в штаб флота.

К моему удивлению, И. С. Юмашев, спокойно выслушав меня, скупно, но с похвалой отозвался о действиях бригады. А о капитан-лейтенанте Симонове сказал:

— Он явно ошибся в расчете сноса дымовой завесы. В этом немалая доля и твоей вины. Видимо, мало или плохо учил. Но атаковал Симонов лихо, как в настоящем бою. Оказавшись в беде, позаботился прежде всего о подчиненных. А за смелость и самоотверженность грешно наказывать.

В это время в кабинет вошел генерал армии Апанасенко. Я представился.

— Так вот он какой, командир бригады! Маленький! А я надеялся увидеть богатыря. Ну, давай знакомиться, — и, улыбаясь, протянул руку. — Ты слышишь, атака ваша мне понравилась. Как конница, лавой идете. Я смотрел и, признаться, любовался...

По привычке старого конника генерал сопровождал каждую фразу энергичным взмахом руки, будто шашкой рубил. Я смотрел на его улыбающееся лицо. И кто это выдумал, что он безрассудно строг!

Это счастье — служить в подчинении у таких вдумчивых и мудрых начальников.

И сейчас Иван Степанович Юмашев хмурит свои густые смоляные брови, а глаза улыбаются. Говорит сидящему за столом члену Военного совета генерал-лейтенанту береговой службы С. Е. Захарову:

— Ну так как же мы поступим, Семен Егорович? Накажем этого упрямца или поздравим? Я ведь ему уже раза три отказывал в просьбе о переводе на действующий флот, а он все свое... И добился-таки! Воевать едет! По правде говоря, хотел бы я оказаться на его месте...

Юмашев крепко жмет мне руку. Оказывается, получен приказ наркома о моем назначении на должность

командира формирующейся на Северном флоте бригады торпедных катеров.

— На сборы — день-два, — предупреждает командующий. — Можешь забрать с собой трех-четырех командиров отрядов и звеньев. Кого именно — сам выбери. Но только трех-четырех. Не больше. За этим я прослежу, а то дай тебе волю, так ты полбригады увезешь. А нам хорошие люди и здесь нужны.

— Да, — вступил в разговор член Военного совета, — у нас здесь, судя по всему, катерники тоже без дела не останутся. — Он тоже подошел ко мне, пожал руку. — Поздравляю. Ну как, доволен?

Еще бы! Кто из тихоокеанцев в ту пору не рвался на действующий флот?

А Юмашев уже дает советы, как лучше начать службу на новом флоте. Предупреждает о трудностях: все-таки Север!

— А в тебе мы уверены. У нас твоя бригада вот уже четыре года в числе лучших соединений флота. Думаю, и на Севере чести нашей тихоокеанской не уронишь!..

Давно я готовился к этому дню. С самого начала Великой Отечественной войны следил за боевыми делами своих друзей на других флотах. Опыт лучших торпедников мы тщательно изучали, использовали в своей учебе. В 1943 году добился, чтобы в качестве стажера послали меня на Черноморский флот посмотреть своими глазами, как воюют катерники под командованием капитана 1 ранга А. М. Филиппова и капитана 2 ранга В. Т. Проценко. С обоими командирами бригад быстро нашел общий язык. Ведь мы давние товарищи, и тот и другой в свое время служили на Тихоокеанском флоте.

Но одно дело изучать боевой опыт других, а другое — воевать самому. Причем на новом, незнакомом морском театре.

Волновало и то обстоятельство, что на Северном флоте мне предстояло служить под руководством нового командующего — молодого и энергичного адмирала А. Г. Головки.

Впервые мне довелось встретиться с Арсением Григорьевичем еще в Военно-морском училище имени Фрунзе; когда я поступал туда, он учился уже на последнем курсе. Позже, в 1933 — 1936 гг., на Дальнем Востоке я

командовал звеном катеров в бригаде, командиром которой был Ф. С. Октябрьский, а начальником штаба — А. Г. Головки. В разгар испанских событий он ушел волонтером в далекую страну. Был там советником командира республиканской военно-морской базы. Вернулся оттуда с первой боевой наградой — орденом Красного Знамени. Следующая моя встреча с Арсением Григорьевичем состоялась в 1940 году. Он командовал тогда Краснознаменной Амурской флотилией. Как-то он побывал у нас на бригаде. Рассказал о войне в Испании. С большой теплотой отзывался о мужественных советских волонтерах-катерниках, в частности о Сергее Александровиче Осипове.

И вот теперь мне снова предстояло не только встретиться, но и служить с А. Г. Головки, ставшим уже крупным военачальником. И. С. Юмашев предупредил меня, что, несмотря на все трудности по формированию бригады и освоению новой боевой техники, А. Г. Головки много времени на подготовку экипажей и катеров к бою не даст.

— Знаю я его! — сказал Юмашев. — Арсений Григорьевич сам любит делать все доброту, но быстро и от подчиненных того же требует. Да и боевая обстановка там сейчас такая, что времени на особую раскочку нет.

На бригаде уже стало известно о моем переводе на Северный флот. Офицеры, старшины, матросы ловили меня на кораблях, на улице, дома с одной и той же просьбой: возьмите с собой воевать! Я понимал искренность этого стремления. И будь моя воля, я бы всех взял с собой. Но сделать этого не мог. Зато старшие лейтенанты Иван Решетько, Арсений Ефимов, Иван Антонов, главный старшина Павел Паршиков, которых, пользуясь разрешением командующего флота, я выбрал в попутчики, ходили именинниками.

Сдав бригаду начальнику штаба капитану 3 ранга Н. Ф. Кухте, я выехал к новому месту службы. Взял с собой жену и сына. И. С. Юмашев не возражал против этого. А жена решительно заявила, что не расставались мы во время всех предыдущих переездов и теперь должны ехать вместе. «А то, что там война — не страшно!

Я окончила курсы медсестер. Там мои руки тоже, глядишь, пригодятся».

Поезд из Владивостока в Москву шел тогда что-то около двух недель. Пользуясь тем, что у нас было отдельное купе, я захватил с собой набор карт, лоцию Баренцева моря. Часами сидел над ними. Да, условия Заполярья особые. Суровое и бурное море, сильные приливо-отливные течения, многомесячная полярная ночь и приходящий ей на смену круглосуточный полярный день... Придется к этому привыкать.

В Москве я был принят заместителем наркома ВМФ адмиралом П. С. Абанькиным и начальником оперативного отдела Главного морского штаба адмиралом В. Л. Богденко. От них узнал, что в состав формируемой на Северном флоте бригады должно войти около 60 торпедных катеров, в том числе и поставляемые нам союзниками торпедные катера типа «Хиггинс» и «Воспер». Но сколько таких катеров мы получим, никто точно сказать не мог. Американцы и англичане доставляли нам торпедные катера на транспортах и танкерах. А гитлеровцы часто нападали на конвои, нанося им иногда значительный урон.

— Сейчас все силы, — сказал адмирал Абанькин, — должны быть направлены на то, чтобы скорее сколотить экипажи уже переданных бригаде торпедных катеров и, не теряя времени, наращивать удары по кораблям противника в Варангер-фиорде. Тут нам дорог каждый день!

С этим напутствием я и выехал из Москвы.

Добираться до Мурманска в ту пору приходилось круглым путем, через узловую станцию Обозерская (железная дорога Ленинград — Мурманск была перерезана немцами). Где-то в районе Кандалакши к нашему поезду прицепили несколько платформ с зенитными орудиями и пулеметами, возле которых деловито хозяйничали девушки-зенитчицы. Почувствовалась близость фронта. Проводники подробно проинструктировали пассажиров, как следует поступать в случае налета вражеской авиации. Правда, воспользоваться их добрыми советами нам, к счастью, не пришлось.

В Мурманске поезд остановился у разбитого перрона, по соседству с которым сиротливо стоял старый пассажирский вагон, заменявший сожженный вражескими бомбами вокзал. Встретил нас командир отряда старший лейтенант Колотий — невысокий, плотный, цыганского типа молодой человек. Я знал его заочно, по печати. На боевом счету катерника Дмитрия Колотия к тому времени был уже не один потопленный вражеский корабль. Меня немного насторожили его чуть-чуть развалистая походка, небрежно надетая полузастегнутая «канадка», лихой казацкий чуб, выбившийся из-под фуражки. Вид далеко не уставной! Но вот он привел нас на катер, поднялся на мостик — и преобразился: подтянулся, посуровел. Несмотря на частые снежные заряды, Колотий вел катер на большой скорости. Казалось, сресся со штурвалом, с кораблем. Уверенно летел он в мутной пелене. Не оставалось сомнений, что бравада, бросившаяся в глаза при первом знакомстве, — чисто внешняя, напускная. На самом же деле передо мной настоящий моряк, боевой катерник!

Осев на корму и раскидывая по бортам густые белопенные «усы», катер мчался по Кольскому заливу. Холодный шквалистый ветер сек щеки, временами швырял в лицо пригоршни мокрого снега. Когда снежный заряд рассеивался, глазам открывались угрюмые прибрежные сопки с проступающими тут и там ржавыми изломами гранита. Миновали небольшой островок. И снова суровые скалистые берега.

Минут через сорок катер сбавил ход. Мы вошли в небольшую бухту. На причале среди встречающих я увидел старого знакомого — капитана 2 ранга В. А. Чекурова. Нам довелось служить вместе на Дальнем Востоке. Потом он переучился на подводника. Служил в Главном морском штабе. Но старая любовь оказалась сильнее. И теперь нам вновь предстояло служить и работать вместе: Чекурова назначили начальником штаба новой бригады торпедных катеров Северного флота.

Для базирования наших торпедных катеров отвели типичную северную факторию. На берегу бухты, окруженной гранитными скалами, несколько двух- и трехэтажных жилых домов да приземистые одноэтажные зда-

ния столовой, ремонтных мастерских и различных складов. У деревянного свайного причала, оставшегося в наследство от прежних хозяев фактории, тесно прижавшись друг к другу, стояло около двух десятков торпедных катеров.

— Доживаем здесь последние дни, — сообщил В. А. Чекуров, когда, осмотрев свое хозяйство, мы остались вдвоем в кабинете. — Для бригады сейчас спешно строится новая база. Там нам будет попросторнее...

Валентин Андреевич коротко рассказал мне о делах североморских катерников.

Первые торпедные катера пришли в Заполярье незадолго до начала Великой Отечественной войны. Мало кто верил тогда, что в трудных условиях постоянно бурного Баренцева моря от них будет какой-то прок. Но североморские катерники — лейтенанты Александр Шабалин, Георгий Паламарчук, Дмитрий Холодный, капитан-лейтенант Георгий Светлов, младший лейтенант Павел Хапилин и другие — не сомневались, что их небольшие, но грозные корабли с честью будут служить советскому народу и тут, в Заполярье. И доказали это. Уже осенью 1941 года, в тяжелую пору второго наступления егерей фашистского генерала Дитла на Мурманск, североморские катерники за две атаки потопили миноносец и три транспорта, открыв свой славный боевой счет, который начал беспрерывно расти. Вот и незадолго до моего приезда они потопили четыре фашистских корабля — миноносец, два сторожевика и транспорт. В этом бою особенно отличился Александр Шабалин, торпедировавший за одну атаку два сторожевых корабля. Мужественно действовали в бою командиры и экипажи всех других катеров. При сближении с немецким миноносцем лейтенант Георгий Паламарчук был тяжело ранен, но нашел в себе силы довести атаку до победного конца. Потом к штурвалу встал боцман Колобов, сумевший в темноте полярной ночи благополучно довести катер до главной базы флота.

Когда Паламарчука выносили с катера на пирс к санитарной машине, он, скрывая боль, еще шутил с подчиненными:

— Что это вы, орлы, головы повесили? Топить корабли врага умеете, а улыбаться вроде бы разучились...

Теперь самый факт создания бригады свидетельствовал о том, что торпедные катера заняли достойное место в боевом строю Северного флота.

Утром следующего дня я отправился в Полярное (ныне город Полярный) к адмиралу А. Г. Головки.

Арсения Григорьевича я не видел с 1940 года. Он заметно изменился. Густую волнистую шевелюру на висках посеребрила седина. От усталых глаз по лицу разбежались лучики морщин. Но, как и прежде, Головки был непоседлив, быстр в словах и движениях. Во время нашей беседы он, вдруг что-то вспоминая, вызывал к себе людей, звонил по телефону, не забывая то и дело прихлебывать горячий крепко, «по-морскому», заваренный чай, который всегда стоял на столе. Было видно, что в напряженной, кипучей, требующей то и дело каких-то решений жизни воюющего флота адмирал чувствовал себя уверенно.

Со времени подписания приказа о моем назначении на должность командира бригады не прошло и двух недель, но Головки тем не менее встретил меня вопросом:

— Где это ты задержался?

Я напомнил, что добирался сюда с Дальнего Востока.

— Ну хорошо, садись. Приехал с семьей? Самоуправство, конечно, но простительное. Сейчас пришло время, когда нам тут нет оснований беспокоиться о безопасности своих семей. Вот только Сашке (моему сыну было тогда 10 лет) негде будет учиться. А почему бы не послать его в нахимовское училище? Пусть продолжает кузьминский морской род! Да, захвати-ка, пока не забыл, будущему моряку... — И Арсений Григорьевич протянул кулек с яблоками.

Из ближайших задач, стоявших перед нашей бригадой, адмирал особенно подчеркнул две: как можно быстрее перейти в строящуюся для нас базу и, главное, активнее включаться в повседневную боевую жизнь флота.

Я было посетовал на недостатки формирования: вместо моряков-специалистов присылают, например, шоферов, хотя у нас не автополк, а бригада торпедных катеров.

— А ты подумал, где набрать нам столько подготовленных катерников? Шоферы хотя бы с моторами знакомы. Чего не знают — научите! Но учите не только на берегу. Воюйте и учитесь! Договорились? Ну и хорошо. Пойдем обедать...

В кают-компани Арсений Григорьевич познакомил меня с членом Военного совета вице-адмиралом Александром Андреевичем Николаевым, начальником политуправления флота генерал-майором Николаем Антоновичем Ториком, его заместителем полковником Михаилом Александровичем Юдиным, начальником штаба флота контр-адмиралом Михаилом Ивановичем Федоровым и начальником оперативного управления капитаном 1 ранга Александром Михайловичем Румянцевым (с ним у нас потом установилась прочная дружба на многие годы). Обед проходил в очень непринужденной обстановке. Чувствовалось, что все собравшиеся здесь люди по-настоящему уважают друг друга, живут и работают дружно. За столом Н. А. Торик сказал, что начальником политотдела нашей бригады будет назначен его помощник по комсомолу майор Мураневич. Жаль его отпускать. Но он давно уже просится на самостоятельную работу и очень хочет плавать.

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

Дня через два-три у нас в базе появился молодой майор. Это был Мураневич. Мне Андрей Евгеньевич сразу понравился своей скромностью и откровенностью.

— До сих пор я служил на берегу, — сказал он, — и тут, на торпедных катерах, мне нужно многому учиться, чтобы не выглядеть среди всех остальных белой вороной. Постараюсь, чтобы период этой учебы был возможно более коротким.

Он сразу же с головой ушел в работу. В любое время суток Мураневича можно было встретить то в землянках, беседующим с матросами и старшинами, то в учебных классах (он не только контролировал других, но и сам учился), то на катерах. И довольно скоро майор стал капитаном 3 ранга, причем о переаттестации Евгения Андреевича я ходатайствовал с чистой совестью. Он действительно стал настоящим моряком. Это помогло ему еще теснее сблизиться с людьми.

Нам повезло не только с начальником политотдела. Политуправление флота очень вдумчиво отнеслось к подбору политработников. Секретарем партийной комиссии нам рекомендовали капитан-лейтенанта П. Е. Онищика — старого члена партии, бывалого моряка, участника штурма Зимнего и гражданской войны. Из политработников дивизионов хочется вспомнить капитан-лейтенанта Якова Вышкинда. Его нельзя было удержать на берегу, если в море выходил хотя бы один катер дивизиона. Он делил с моряками все тяготы штормовых походов и опасности жарких боев.

Скоро у нас стала выходить своя многотиражная га-

зета с динамичным, как и положено на торпедных катерах, названием: «В атаку!» Ее редактор Н. И. Мосеев оказался газетчиком изобретательным, вдумчивым. Не беда, что газета была невелика. Редактор ухитрялся втискивать в каждый номер разнообразный и интересный материал. Вокруг многотиражки создавался большой и работоспособный актив. Мосеев добился, что в газету охотно писали и командиры, и рядовые матросы. Да случалось, заставлял не раз еще переделывать заметку. Ведь написать кратко, но хорошо и интересно — дело нелегкое. Не удивительно, что катерники всегда ждали выхода очередного номера своей «Атаки».

Обстановка в ту пору на бригаде была довольно сложной. Шло формирование экипажей катеров. Начальник отдела комплектования флота полковник П. Г. Ворона руководствовался правилом, что-де «все советские люди хороши», и направлял к нам бойцов и сержантов из морской пехоты, из строительных частей — отовсюду, где только оказывался какой-нибудь резерв. Но такое «комплектование» нас не устраивало. Мы стремились к тому, чтобы в каждом экипаже было хотя бы несколько человек, способных с первых же дней обеспечить должный уход за материальной частью. Заботились мы и о том, чтобы на каждом катере было непременно два-три коммуниста, которые стали бы ядром будущей партийной группы. Так как отдел комплектования не желал брать в расчет эти наши соображения, у нас с ним довольно часто возникали споры, для решения которых мне приходилось обращаться за помощью в штаб флота, а Мураневичу — в политуправление. И, как правило, мы получали там необходимую поддержку.

Немало хлопот было и с комплектованием офицерского состава. Наряду с коренными североморцами Александром Шабалиным, Георгием Паламарчуком, Василием Лозовским, Борисом Павловым, Алексеем Киреевым и другими, уже имеющими немалый опыт войны в Заполярье, на бригаду пришли тихоокеанцы Анатолий Кисов, Василий Федоров, Василий Быков, Иван Антонов. Это были тоже достаточно подготовленные катерники, однако Северный морской театр был для них совершенно незнаком. Третью, довольно значительную группу, составляли выпускники военно-морских училищ 1941—1942 гг., служившие до сих пор в частях Красной

Армии. Неведомо как узнавали они о формировании бригады, и буквально со всех фронтов слали письма с просьбой о переводе. Причем у каждого из них так велико было стремление попасть на флот, что, дослужившись в армии уже до сравнительно больших званий, они соглашались перейти к нам даже на лейтенантские должности. Добивались перевода к нам на бригаду также бывшие катерники, оказавшиеся к тому времени по ряду причин на берегу в различных частях и учреждениях Северного флота.

В один из первых приездов в Полярное я неожиданно встретил в штабе флота бывшего сослуживца по Дальнему Востоку капитана 3 ранга В. Н. Алексеева. Я хорошо знал Владимира Николаевича и его семью. Отец его, Н. А. Алексеев, — старейший большевик, был делегатом III съезда РСДРП. Хорошо знал В. И. Ленина, был вместе с ним в эмиграции в Лондоне, принимал участие в издании «Искры». После Великой Октябрьской социалистической революции Николай Александрович работал в Сибири, а потом в различных партийных и советских организациях в Москве, куда был переведен по предложению Владимира Ильича. А два его сына — старший Александр и младший Владимир — стали моряками. Окончив мореходное училище, Владимир Николаевич плавал штурманом на торговых судах. Затем был призван в Военно-Морской Флот. В 1938 году я был начальником штаба, а он, в звании старшего лейтенанта, штурманом бригады торпедных катеров. В 1940 году Алексеев был направлен на учебу в академию. С начала войны мы с ним не переписывались. Не до того было. И вот неожиданная встреча в коридоре штаба Северного флота: оказывается, он служит здесь офицером связи. Как ни упрямились его начальники, нам все же удалось перетянуть Владимира Николаевича на бригаду. Он был назначен командиром дивизиона.

Немало забот доставляло нам получение новых катеров.

Как я уже упоминал, наряду с отечественными торпедными катерами в боевой состав бригады входили

также катера типа «Хиггинс» и «Воспер», поставляемые нам союзниками. В общем-то на эти катера нельзя было пожаловаться. Они обладали приличной для того времени скоростью и автономностью. На них было установлено довольно сильное вооружение: два спаренных «кольт-браунинга» калибром 12,7 мм и один 20-миллиметровый «эрликон». Было чем постоять за себя в бою и с самолетами, и с катерами противника. Но, не забыв снабдить каждый из передаваемых нам катеров томиками Библии на русском языке, союзники, однако, не присылали торпед для установленных на этих катерах четырехтрубных аппаратов. Приходилось эти аппараты снимать и ставить наши двухтрубные. Мощность одновременного торпедного удара каждого из катеров сокращалась вдвое, но что поделаешь!

Довольно существенным недостатком «хиггинсов» и «восперов» было также то, что их моторы «Паккард-1200 НР» нужно было довольно долго прогревать, прежде чем давать нагрузку на винт. Нарушение этого требования неминуемо вело к заклиниванию муфт и плавке подшипников.

Чтобы быстрее овладеть оружием и боевой техникой новых катеров, необходимо было учиться. На бригаде был создан, как шутили катерники, «университет». Первую половину дня моряки проводили на катерах или в мастерских, а после обеда, захватив учебники и тетради, — в классах, на теоретических занятиях по специально разработанным программам. По каждому разделу этих программ проводились зачеты, экзамены — все, как и положено в учебном заведении.

«Ректором» нашего «университета» был флагманский инженер-механик инженер-капитан 2 ранга А. М. Рихтер — светлый шатен, с тонкими чертами лица. Довольно свободно владея итальянским языком (до войны он пробыл некоторое время в Италии, принимая там изготовленные по советским заказам моторы), Андрей Михайлович частенько коротал свободное время с томиком стихов полюбившегося ему Сольваторе Розе. Но как только дело доходило до моторов и всего прочего из большого и сложного хозяйства инженер-механика, обычная мягкость и деликатность Рихтера сменялась непреклонной твердостью. Голос приобретал властный металлический оттенок. Любого из катерников, не сдав-

шего очередного экзамена, он попросту не допускал на корабль. Случалось, что на Рихтера обижались. Называли за глаза бюрократором. Однако в конце концов все поняли, что именно эта непримиримость флагманского инженер-механика помогла нам потом не допустить ни одного случая отказа материальной части в море.

Замечу кстати, что после войны А. М. Рихтер был удостоен Государственной премии за участие в разработке оригинального малогабаритного дизеля.

Наши отечественные торпедные катера, в частности «Д-3», нравились нам больше иностранных. После установки моторов новой марки они развивали такую же скорость, как «хиггинсы», а были чуть ли не вдвое меньше их по тоннажу, и потому намного превосходили в маневренности. Низкий силуэт, малая осадка и надежная система глушителей делали наши «Д-3» незаменимыми для действий у побережья противника. Моторы же «хиггинсов» ревели так, что их было слышно за семь километров. Уже одно это являлось настолько существенным недостатком, что мы вынуждены были обратиться за помощью в один из ленинградских институтов. Оттуда приехала группа инженеров, и в их числе Ольга Петрова. Женщина-инженер не была диковинкой и в те годы. Но вот женщина — военный инженер, да еще специалист по авиационным моторам, встречалась не часто. Присматривались к ней с любопытством. Кое-кто не верил в ее силы. Но скептики были жестоко посрамлены. Наши гости за короткий срок сумели создать простую, но в то же время очень надежную конструкцию глушителей, делавших работу моторов «хиггинсов» почти бесшумной. И наибольший творческий вклад в разработку этой конструкции внесла как раз Ольга Петрова. Она же помогла быстро наладить изготовление этих глушителей на местном заводе. Ольга Петровна была награждена орденом. Наши катерники не раз вспоминали ее добрым словом.

Надо сказать, что, несмотря на тяжелые военные условия, мы все же старались не терять связи с учеными. К нам часто приезжали преподаватели академий и военно-морских училищ. Бывали у нас, в частности, такие крупные военные ученые, как профессор контр-адмирал

Павлович, один из наиболее авторитетных специалистов по торпедным катерам капитан 1 ранга Нествед и другие. Польза тут была обоюдная. Катерники охотно делились с учеными всем новым из своего боевого опыта, и те использовали это в своей преподавательской и научной деятельности. Гости, знакомясь с нашей повседневной жизнью, в свою очередь давали полезные рекомендации, помогавшие нам лучше воевать.

Очень полезной была наша встреча с преподавателем Высших офицерских классов ВМФ капитаном 2 ранга М. Д. Дмитриевским — автором одного из методов торпедной стрельбы.

Михаил Дмитриевич провел с командирами катеров несколько семинаров, выходил с ними в море, практически демонстрируя свой метод.

Часто бывали у нас и представители различных управлений Главного морского штаба. Они помогали нам успешнее перенимать все лучшее из практики боевого использования торпедных катеров на других флотах. С особым интересом мы слушали вице-адмирала Н. М. Харламова, рассказавшего нам о боевых действиях торпедных катеров союзников в известной Нормандской операции, в которой он участвовал как начальник советской военной миссии в Англии.

Пристально следили мы за действиями вражеских катерников. Каждую их операцию мы изучали, чтобы знать приемы противника, его сильные и слабые стороны.

Упорно учились командиры катеров. Мы заботились о том, чтобы как можно скорее привить им необходимые качества — боевую инициативу и особую «катерную» быстроту мышления. Не случайно на флоте бытует афоризм, что «командир должен мыслить со скоростью своего корабля». Время торпедной атаки измеряется минутами, а то и секундами. Командир катера обязан быстро принимать правильные решения. Малейший просчет может привести к неудаче в бою, а то и к гибели. И мы неустанно тренировали офицеров как на берегу, так и в море.

Противник сумел, по-видимому, как-то «пронюхать» о формировании нашей бригады. Над нами все чаще ста-

ли показываться самолеты-разведчики. Но мы не придавали этому особого значения. И как знать, чем бы все кончилось, не получи мы вовремя доброго предупреждения.

В конце апреля 1944 года к нам в базу прибыл Народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов.

Н. Г. Кузнецова — несколько уже грузноватого к тому времени, но по-прежнему очень деятельного и энергичного — сопровождали адмирал А. Г. Головкин, член Военного совета вице-адмирал А. А. Николаев, новый начальник штаба Северного флота контр-адмирал В. И. Платонов и представитель оперативного управления Главного морского штаба, тогда еще капитан 1 ранга, В. Ф. Зозуля. Я представился. Николай Герасимович узнал меня.

— А, тихоокеанец! Ну как, акклиматизировался? Почувствовал себя уже помором?..

С Н. Г. Кузнецовым мне довелось впервые встретиться еще в стенах Военно-морского училища имени Фрунзе. Для нас, юнцов, только-только надевших бескозырку и синий матросский воротничок, курсанты-выпускники, как Николай Герасимович, были предметом тайного обожания и мальчишеской зависти. Вторая встреча с Кузнецовым была на Тихом океане: после возвращения из Испании, где он был советником, его назначили командующим флотом. В Заполярье мы встретились в третий раз.

Ознакомившись со всем, что нами было сделано по формированию бригады, а также с планами на ближайшее будущее, Нарком в общем остался доволен. Но, увидев около двадцати торпедных катеров, стоявших борт к борту у причала, Николай Герасимович посуровел:

— Совсем не думаешь о противнике, сгрудил катера у одного причала. Лучшей цели для бомбежки врагу и не приснится. Рассредоточь...

Перешли в нашу новую базу. Тут картина была и того хуже. Нарком повторил примерно то же, что и раньше, однако значительно медленнее и с заметным ударением на букву «о». Это было давно известным признаком того, что Николай Герасимович сердится не на шутку.

Хотелось сослаться на строителей, которые медлят с возведением пирсов. Но понял, что это плохая отговорка.

Проводив наркома, мы сделали все возможное, чтобы рассредоточить катера и повысить готовность зенитных средств.

И вовремя. Через несколько дней группа «фокке-вульфов» неожиданно перевалила через гору. Спасибо нашим зенитчикам: они были наготове. «Фокке-вульфы» наткнулись на плотный огонь пушек и пулеметов. Наспех сбросив бомбы, они поспешили убраться восвояси.

Базировавшиеся вместе с нами моряки охраны водного района (ОВР), решившие, видно, что указание наркома относится только к нашей бригаде, оплатились за это. У них были потоплены один большой и два малых охотника.

У нас потерь не было. Правда, на двух катерах близкими разрывами сорвало со стеллажей стокилограммовые глубинные бомбы. Падая, они пробili верхнюю палубу. Но катера за несколько часов были снова введены в строй.

Выслушав мой доклад об исходе боя с немецкими самолетами, Арсений Григорьевич сказал, что он только что говорил с Москвой и нарком спросил, какие потери у Кузьмина.

Да, подзатыни мы немного с рассредоточением катеров, плохо пришлось бы нам!

Хотя бригада еще не закончила формирования, мы начали выходить на боевые дела. Уже в конце марта группа торпедных катеров под командованием капитана 3 ранга Коршуновича совершила смелый рейд в Маккаурсан-фиорд и потопила стоявшие там на рейде транспорт и танкер противника. Это была первая победа вновь созданной бригады. В апреле мы провели еще несколько групповых атак малых конвоев в Петсамовуоно и близ Варде, уничтожив в общей сложности три сторожевых корабля, две самоходные баржи и повредив транспорт и сторожевой катер противника.

В мае 1944 года формирование бригады было закончено и мы перешли в свою новую базу. Губа, где стояли

теперь наши катера, была очень удобная. Она имела узкий, малоприметный выход в Баренцево море. Узкие глубоководные внутренние бухты, трудно просматривавшиеся с воздуха из-за окружавших их высоких обрывистых скал, надежно прикрывались артиллерийскими батареями. Несмотря на трудности военного времени, здесь сравнительно за короткий срок были построены плавучие причалы, эллинг для подъема катеров на время ремонта корпуса, столовая, лазарет, пекарня, ремонтные мастерские и более тридцати добротных землянок, в которых разместились моряки.

Всем хороша база, но от противника далеко. Вот если бы на берегу Варангерфиорда нам обосноваться...

Готовясь к нападению на Советский Союз, гитлеровская Германия сосредоточила в Норвегии и Финляндии сухопутные, морские и воздушные силы, значительно превосходящие наши. И не только численно. Основную часть вражеской пехоты, к примеру, составляли горноегерские дивизии, укомплектованные по преимуществу тирольцами. Привыкшие к горным условиям, они к тому же успели накопить немалый опыт военных действий в горах во время боев в Греции и Северной Норвегии. Отдавая приказ о наступлении, командующий лапландской группировкой немецко-фашистских войск генерал-полковник Дитл наметил точные сроки захвата Полярного, Мурманска и всего советского Заполярья.

Но наша 14-я армия, подкрепленная быстро сформированными бригадами морской пехоты, перечеркнула все расчеты Дитла. Мужеством и беспредельной отвагой наших бойцов и командиров егери были остановлены на полпути к Мурманску.

На приморском участке фронта противник рвался во что бы то ни стало овладеть полуостровами Средний и Рыбачий, дабы обеспечить свой контроль над Кольским заливом. Однако и тут гитлеровцев ждала неудача. Они были остановлены на перешейке, соединяющем полуостров Средний с материком. Линией фронта стал горный хребет Муста-Тунтури.

Уже при первой встрече адмирал Головкин приказал

мне в самое ближайшее время побывать на полуострове Рыбачьем в Северном оборонительном районе и посмотреть Пумманский залив.

— Место очень выгодное для передовой маневренной базы. Но до сих пор у нас катеров было мало. Другое дело сейчас, когда формируется бригада. Теперь вы в Пумманках будете, словно кость в горле гитлеровцев. Наведайся-ка туда.

Даже неискушенный в военных делах человек, взглянув на карту, мог без особого труда понять, почему командующий флотом так настаивал на создании маневренной базы торпедных катеров в Пумманском заливе. Разделяя полуострова Рыбачий и Средний, залив этот выходит в Варангер-фиорд — район оживленных коммуникаций противника. Не имея на севере Финляндии и Норвегии не только железных, но и сколько-нибудь приличных шоссейных дорог, гитлеровцы вынуждены были морем доставлять подкрепления и снаряжение для своей северной группы войск. Морским же путем они вывозили из Финляндии (район Колосйоки) никелевую, а из Киркенеса — железную руду, в которых Германия очень нуждалась. Если для перехода торпедных катеров в этот район из нашей основной базы нужно было затрачивать около трех часов, то из Пумманок до Петсамо было всего тридцать минут хода, до порта Варде — чуть больше часа, до Бек-фиорда, в глубине которого находится порт Киркенес, — около двух часов и до порта Вадсе — столько же. Это означало, что при обнаружении вражеского конвоя в водах Варангер-фиорда наши торпедные катера, базировавшиеся на Пумманки, имели полную возможность быстро атаковать его. А если конвой шел в Петсамо с запада, то даже не один раз.

Североморские катерники уже давно доказали все преимущества базирования в Пумманском заливе. Но раньше лишь в пору полярной ночи заходили сюда два-три торпедных катера. Теперь, сформировав бригаду, мы могли держать в Пумманках до 20 и более катеров. В этих условиях наша маневренная база тут действительно становилась «костью в горле» у гитлеровцев.

В конце марта мы с В. А. Чекуровым отправились на Рыбачий. В светлое время суток полуостров казался пустынным. Только доносящийся порой со стороны Муста-Тунтури приглушенный грохот артиллерийских и минометных залпов напоминал, что и тут идет война. Однако с наступлением темноты все резко менялось. На малоприметных дорогах появлялись машины и подводы, доставлявшие все необходимое для большого гарнизона, державшего оборону на Муста-Тунтури. Шли подразделения морских пехотинцев на смену товарищам, находившимся на переднем крае. Неутомимые санитары доставляли в тыловые госпитали раненых. И все это до первого луча солнца. Потом вновь наступали безлюдие и тишина — все укрывалось под снегом в землянках.

В одной из таких землянок, напоминавших внутри хороший дом из нескольких комнат, мы и встретились с командованием Северного оборонительного района. Командующего СОР генерал-майора Е. Т. Дубовцева — человека спокойного, мягкого и предупредительного — я знал еще по Дальнему Востоку. Он служил там комендантом сектора береговой обороны. На Северный флот Ефим Тимофеевич прибыл незадолго до меня, сменив на посту командующего СОР героя обороны Ханко и Рыбачьего генерал-лейтенанта С. И. Кабанова.

В беседе участвовал начальник штаба СОР капитан 1 ранга Д. А. Туз — высокий, седеющий офицер, в каждом слове и движении которого чувствовалась та особая щеголеватость, которая приобретает человек за долгие годы службы в штабах.

Начались воспоминания о милом сердцу Дальнем Востоке. Потом речь пошла о том, ради чего, собственно, мы с Валентином Андреевичем сюда и приехали — о маневренной базе наших катеров в Пумманках. Командование оборонительного района обещало обеспечивать нас информацией об обстановке и охранять стоянку катеров от вражеской авиации.

Побывали мы и в самих Пумманках. Там оказался небольшой пирс, прилепившийся к северному берегу полуострова Средний — более высокому по рельефу местности, нежели Рыбачий. Если такая стоянка и могла как-то устроить два-три катера, время от времени заходивших сюда прежде, то, разумеется, никак не годилась для базирования больших групп торпедных кате-

ров. Мы договорились с Е. Т. Дубовцевым, что его саперы построят здесь новые пирсы, а также землянки для наших людей, склады и другие необходимые помещения. Все это должно было быть готовым к началу полярного дня, то есть к концу мая.

Однако первые наши торпедные катера пришли в Пумманки уже в апреле.

«Поле боя» для нас стал Варангер-фиорд.

„СВОБОДНАЯ ОХОТА“

В первое время после организации бригады среди офицеров часто можно было слышать слова: «засада», «блокадный дозор».

Засада — привычный для североморских катерников тактический прием. В темное время суток катера выходили в залив Мааттивуоно (губа Малая Волоковая), занимали позицию на подходах к захваченному гитлеровцами порту Лиинахамари, ложились в дрейф и, затаившись, ждали. Когда показывался вражеский транспорт или конвой, устремлялись в атаку. От командиров катеров тут требовалось умение предельно быстро оценивать обстановку. Ведь корабли противника обнаруживались, как правило, на расстоянии не более сорока кабельтовых (кабельтов — 0,1 морской мили — 185 метров). Чтобы не упустить цель, нужно было тотчас заводить моторы и как можно быстрее приближаться к противнику.

Гитлеровцы, разумеется, далеко не каждую ночь вводили и выводили свои корабли из Лиинахамари. Зачастую наши катера простаивали в Мааттивуоно попусту. И все же этот тактический прием был для катерников Северного флота основным с начала Великой Отечественной войны и вплоть до организации бригады. Более 90 процентов всех атак проводилось ночью из засад. Диктовалось это, с одной стороны, нехваткой торпедных катеров (на 1 января 1942 года в составе Северного флота было всего 5 катеров, на 1 января 1943 года — 8, на 1 января 1944 года — 11), а с другой — скудностью разведанных о передвижении конвоев противника. В первые годы войны наша воздушная разведка была слаба. Ожидая в своей базе сообщений о появлении вражеских судов в заливе Маатти-

вуono от береговых постов, торпедные катера не успевали подойти сюда вовремя: противник либо уже вводил корабли в Лиинахамари, либо они покидали залив и выходили в Варангер-фиорд. Тактика засад была, таким образом, в значительной мере вынужденной. Однако к чести североморских катерников нужно сказать, что, умело используя и постоянно совершенствуя этот тактический прием, они даже малыми силами наносили врагу чувствительные удары.

Но это вовсе не означало, что мы не видели недостатков тактики засад. Наиболее существенным из них была ограниченность боевой деятельности торпедных катеров блокадой только ближайших баз противника, в частности порта Лиинахамари. К сравнительно дальним базам гитлеровцев в Варангер-фиорде торпедные катера до 1944 года наведывались редко. Поэтому с организацией бригады мы все настойчивее переходили к новому тактическому приему, названному «блокадным дозором». Смысл его состоял в том, что торпедные катера (теперь уже не в одиночку или звеньями, а группами в шесть и более единиц) выходили в засады к Бек-фиорду, в глубине которого расположен Киркенес, а также к портам Вадсе и Варде. И чем больше становилось у нас торпедных катеров, тем такие походы с целью блокады дальних портов противника проводились все чаще.

А число катеров в боевом строю бригады росло довольно быстро. В первое время оно вообще лимитировалось по существу только временем, необходимым для комплектования и обучения экипажей.

Подготовка экипажа — дело хлопотное. Прежде чем катер будет допущен к участию в боевых действиях, каждый матрос и старшина должен хорошо изучить оружие и боевую технику своего заведования, а весь экипаж — выполнить целый ряд дневных и ночных торпедных атак, учебных стрельб по самолетам и т. д. На все это требуется время. И немалое. Раньше, как правило, уходила на это целая летняя кампания.

В условиях войны учеба осложнилась. Нам не так-то просто было найти даже место для отработки курса подготовительных торпедных и артиллерийских стрельб. Самым подходящим для этой цели был Кильдинский плес, находившийся под защитой береговых батарей. Однако и тут зенитные стрельбы зачастую приходилось

проводить не по мишеням, а по настоящим «мессершмиттам» и «фокке-вульфам».

Несмотря на трудности, мы все же готовили экипажи новых катеров не за летнюю кампанию, а максимум за месяц-полтора. Сказывался энтузиазм моряков, а также некоторые организационные мероприятия, неукоснительно проводимые штабом бригады. Мы, например, подсаживали на уходящие в блокадный дозор катера второй комплект, если можно так сказать, основных специалистов: мотористов, комендоров, торпедистов. Тут был, конечно, определенный риск: в случае гибели такого катера мы теряли фактически два экипажа. Но это был риск оправданный. Плавание в качестве дублеров, участие в атаках вражеских кораблей было для молодежи отличной школой.

Для быстрой подготовки офицеров мы, вопреки официальным штатам, ввели должности помощников командиров катеров. Назначались на эти должности, в частности, те из офицеров, кто пришел на бригаду из армии. Выходя в море, они непосредственно в бою учились у более опытных командиров. Каждый такой поход стоил доброго десятка обычных теоретических занятий на берегу. И не удивительно, что, получив свой катер, вчерашние помощники командиров, вместе со старшинами и матросами, уже поплававшими какое-то время дублерами, быстро вводили новый корабль в боевой строй.

В тактику блокадных дозоров мы также внесли некоторые изменения.

Учитывая, что полученные нами торпедные катера имели сравнительно большую дальность плавания, мы стали обязывать командиров, уходящих в дозор, не надеяться на случайную встречу с противником, не лежать в дрейфе, как это бывало прежде, но активно искать вражеские корабли, находясь все время в движении в назначенном участке вражеских коммуникаций, иначе говоря, действовать примерно так же, как экипажи торпедоносцев и истребителей-бомбардировщиков, вылетающие на «свободную охоту». Не ломая голову над выбором названия этого нового тактического приема боевого использования торпедных катеров, позволившего еще больше расширить зону блокады вражеского побережья, мы воспользовались термином наших боевых друзей — летчиков.

Первое время катера выходили на «свободную охоту» только ночами. Но с наступлением весны ночи становились короче, пришлось прихватывать и светлое время суток. Была тому и еще одна причина.

Командующий поставил перед нашей бригадой не совсем обычную задачу: добыть «морского языка». Штабу флота нужны были подробные сведения об обстановке в Киркенесе, Варде и других вражеских портах, а также о режиме плавания в их прибрежных водах. А добыть такие сведения можно, только пленив команду вражеского судна или подобрав из воды кого-то из членов экипажа торпедированного корабля. С командирами катеров мы провели упражнение на тему: «Действия экипажа торпедного катера при захвате мотобота или сторожевого катера противника в его водах». Из разведчиков 181-го отдельного разведотряда отобрали абордажные команды. Проводили с ними специальные тренировки и подсаживали на выходящие в море катера.

Для выполнения задачи, поставленной комфлотом, сформировали три сводных отряда. Командирами их назначили капитан-лейтенантов Василия Лозовского, Ивана Решетько и Василия Федорова.

Среди многих интересных мыслей о военно-морском флоте и его людях, высказанных адмиралом С. О. Макаровым в его книге «Рассуждения по вопросам морской тактики», есть и такая: «Миноноска имеет ту физиономию, которую имеет ее командир, и когда надо дать поручение, то прежде всего выбирается подходящий командир, а не подходящий миноносец». При выборе и назначении командиров сводных отрядов катеров, перед которыми ставилась задача по захвату «морского языка», мы руководствовались как раз этим правилом.

Василий Михайлович Лозовский — высокий, крупный, никогда не унывающий весельчак — начал войну командиром катера-охотника. В суровую пору 1941—1942 гг. имя Лозовского стало широко известным на Северном флоте. Экипаж охотника под его командованием потопил вражескую подводную лодку, высаживал разведчиков за линией фронта и, нередко под огнем противника, принимал их на борт своего катера.

Незадолго до формирования бригады Василий Михайлович перешел с охотников на дивизион торпедных

катеров. Большие скорости, лихие атаки, постоянная необходимость принимать смелые решения — все это как нельзя лучше соответствовало его широкой русской натуре.

С И. Я. Решетько — стройным светловолосым украинцем, страстным спортсменом (он не один год был у нас капитаном футбольной команды), я познакомился еще в 1932 году, когда после окончания училища служил командиром торпедного катера на Черном море. Решетько был тогда рядовым мотористом. Потом пошел учиться и стал офицером. Спустя несколько лет мы вновь встретились и служили на Дальнем Востоке. Оттуда вместе приехали на Северный флот. Здесь он в первых же боях вновь зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

О Федорове я расскажу позже.

Получив одно и то же задание — добыть «морского языка», — моряки трех отрядов начали негласное соревнование. Сменяя друг друга, катера чуть ли не каждый день выходили в море, тщательно обшаривая Варангер-фиорд от Петсамо до Варде.

Некоторые из выходов на «свободную охоту» заканчивались дерзкими атаками.

В ночь на 7 апреля торпедные катера старших лейтенантов А. Кисова и Н. Дербеденева под командованием заместителя начальника штаба бригады капитан-лейтенанта Г. Рубашенко обнаружили и атаковали конвой в составе четырех транспортов и более десятка кораблей охранения.

Рубашенко оказался в положении командира звена в этом бою, можно считать, случайно. На катере А. Кисова он переходил из нашей основной базы в Пумманки. В пути было получено извещение штаба оборонительного района о появлении вражеского конвоя. Разве можно упустить такой случай? Как старший по званию и должности, капитан-лейтенант взял на себя общее командование и повел катера на поиск целей.

Команды кораблей конвоя, прикрываясь дымзавесами, чувствовали себя в безопасности. Воспользовавшись беспечностью гитлеровцев, капитан-лейтенант Рубашенко сумел скрытно сблизиться с целями. Лишь в самый

последний момент враг обнаружил наши катера. Пытаясь спасти транспорты, сторожевые катера противника устремились в контратаку. Но было уже поздно. Первым с короткой дистанции выпустил две торпеды по главному транспорту старший лейтенант Кисов. Спустя минуту торпедировал свою цель старший лейтенант Дербеднев. Атакованный им транспорт водоизмещением до шести тысяч тонн разломился надвое и затонул на глазах наших моряков. Умело маневрируя, Кисов и Дербеднев сумели довольно легко оторваться от преследования.

Наш успех в этом бою мог бы быть еще большим. К западу и северо-западу от места боя находились еще два звена наших катеров. С помощью радиофона капитан-лейтенанту Рубашенко нужно было бы навести их на обнаруженный конвой. Тогда боевые трофеи бригады за эту ночь наверняка не ограничились бы двумя потопленными транспортами. Но этого сделано не было.

Спустя двое суток, в ночь на 9 апреля, на «свободную охоту» вышли две группы катеров. Звено под командованием старшего лейтенанта Д. Колотия получило задание нести дозор у выхода из Бек-фиорда. Вторая группа, в составе четырех катеров (командиры старшие лейтенанты П. Романов, И. Желваков, Б. Павлов и лейтенант П. Клименко) под общим командованием капитана 3 ранга С. Коршуновича, должна была вести поиск в районе от мыса Скальнес до острова Варде.

С утра в этот день задул юго-западный ветер, усилившийся к вечеру до 5 баллов. Видимость даже днем не превышала 30—40 кабельтовых. Но мы все же не отменили намеченного выхода.

Ночь у нас на КП проходила в напряженном ожидании. То один, то другой из офицеров штаба заглядывал к радистам, но те, не отрываясь от приемников, только пожимали плечами. Ни от Колотия, ни от Коршуновича никаких радиogramм не было. Уже начинал брезжить рассвет, а катера все не возвращались. Наконец, когда наше ожидание достигло предела, с поста СНИС сообщили, что в Пумманский залив вошли два катера. Прибыв на КП, Колотий сообщил, что конвоя не встретил и возвратился в базу с торпедами. Спустя некоторое время в Пумманки возвратились еще три катера из группы капитана 3 ранга С. Г. Коршуновича. Сергей Гри-

горьевич доложил, что они обнаружили и атаковали конвой. Потоплены танкер и сторожевой корабль. Из наших не вернулся на базу катер лейтенанта Клименко. Успешно атаковав крупнотоннажный танкер, Клименко вошел в дымовую завесу, и больше его не видели.

— Глядишь, еще вернется. Чапает где-нибудь на одном моторе, — высказал предположение кто-то из офицеров.

Хорошо, если бы это было так.

Я пригласил участников боя к себе на КП. Коршунович и командиры катеров рассказали о событиях минувшей ночи.

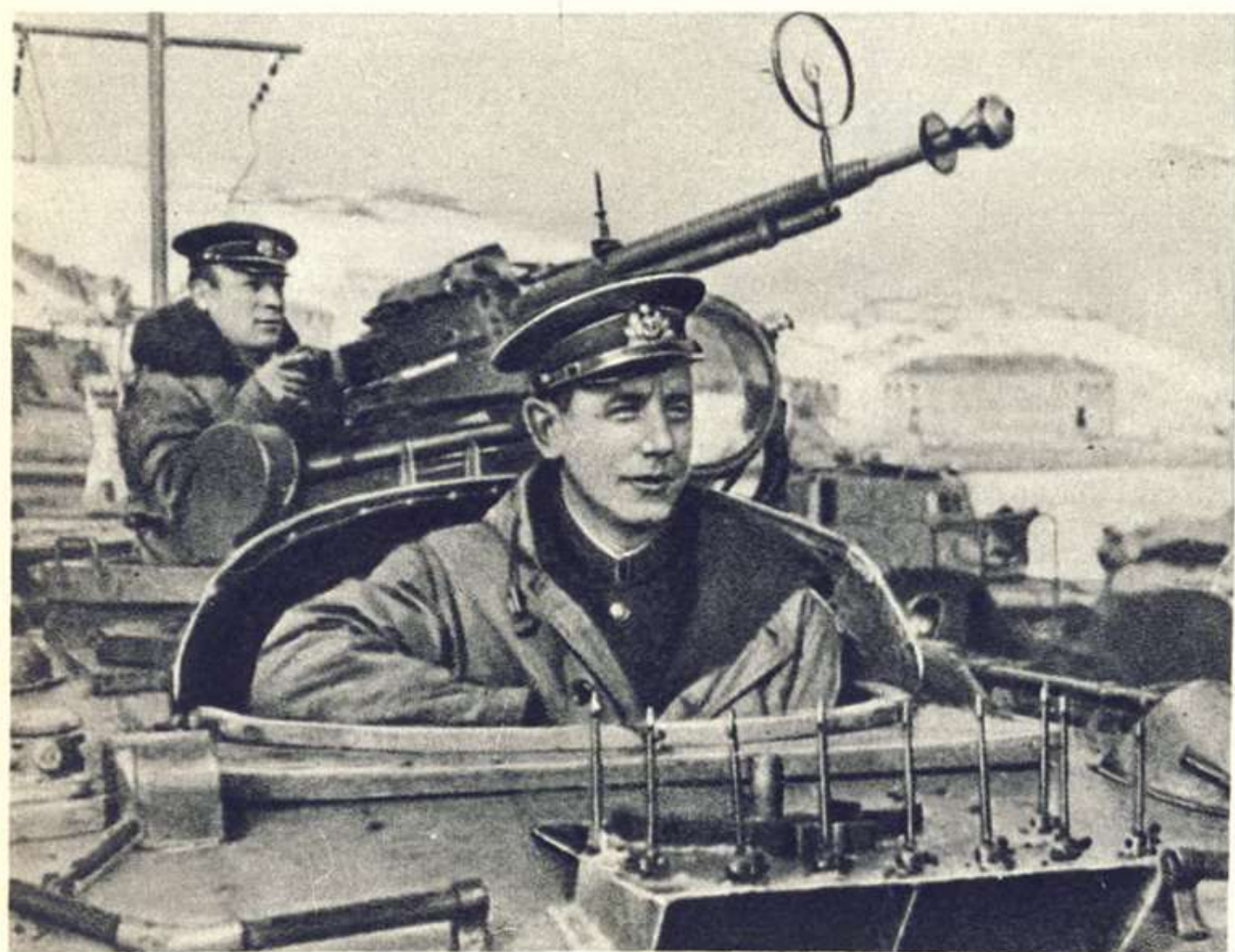
Пройдя к северу до мыса Скальнес и не обнаружив целей, Коршунович повернул отряд на обратный курс, держа катера в строю кильватера. Через 30 минут после поворота, в 00 часов 50 минут, на дистанции 20—25 кабельтовых (напомню: кабельтов — 185 метров) был обнаружен конвой в составе танкера и двух транспортов, шедших в охранении четырех сторожевых кораблей и шести катеров.

Коршунович, находясь на головном катере старшего лейтенанта Романова, дал сигнал к атаке. Катера начали развертывание. Романов, стремясь увеличить курсовой угол на избранный для атаки танкер, повернул влево на 25—30 градусов. Катер Клименко вступил к нему в строй правого уступа. Желваков, намереваясь осуществить охват головы конвоя, увеличил ход и вырвался вправо. А Павлов начал выходить на выгодную позицию для атаки концевого транспорта.

Корабли охранения открыли огонь. Трассы снарядов и пуль натянулись на пути торпедных катеров плотной цветной паутиной. Чтобы прорваться к танкеру, Романову и Клименко пришлось сначала атаковать вставший на их пути сторожевой корабль. Оба почти одновременно выпустили по одной торпедой. Над ночным морем прогрехотал взрыв. Сторожевой корабль отправился на дно. Не сбавляя хода, катера устремились в новую атаку. Первым с короткой дистанции свою вторую торпеду выпустил по танкеру Романов и, отвернув влево, начал постановку дымовой завесы. Но танкеру как-то удалось увернуться. Тогда атаку повторил Клименко. Его торпе-

Командование бригады (слева направо): В. А. Чекуров,
А. В. Кузьмин, А. Е. Мураневич

В. И. Шленский

И. Я. Решетько

В. П. Федоров

Саша Ковалев

В. М. Лихоманов

да попала в цель. После взрыва танкер запылал огромным костром. С катера Романова наблюдали, как, успешно завершив атаку, катер Клименко скрылся в дымовой завесе.

Менее удачно действовал в этом бою старший лейтенант И. М. Желваков. Выйдя, как задумал, в голову конвоя, он оказался под сосредоточенным огнем четырех кораблей охранения. Стало ясно, что тут прорваться к транспорту на дистанцию залпа не удастся. Желваков вынужден был прикрываться дымзавесой и отойти. После этого ему следовало бы запастись терпением и повторить прорыв к избранной для атаки цели несколько позже. Но командир катера поступил иначе. Уйдя вперед по генеральному курсу конвоя, он решил атаковать из засады.

Между тем стало светать. В 2 часа 2 минуты катер, подойдя к мысу Кибергнес, был обнаружен и обстрелян немецкой батареей. Желваков вынужден был отойти в открытое море. Тут ему как будто повезло: удалось встретиться с миноносцем и сторожевым катером, шедшими с севера на помощь атакованному конвою. Несмотря на артиллерийский и пулеметный обстрел, старший лейтенант предпринял несколько попыток сблизиться и атаковать миноносец. Но тот, ловко маневрируя, всякий раз оставлял катер на острых курсовых углах. Понимая, что в этих условиях его торпеды вряд ли поразят цель, старший лейтенант вынужден был отказаться от дальнейших атак и отойти. Первый бой для Желвакова и его подчиненных оказался неудачным.

Встретившись в точке рандеву, Романов, Павлов и Желваков стали поджидать Клименко. Однако ожидание оказалось напрасным. Когда уже совсем рассвело, три торпедных катера, опасаясь атак вражеской авиации, вернулись в базу.

На разборе боя мы похвалили его участников за инициативу и настойчивость. В конечном итоге именно эти качества обеспечили победу. Но не умолчали и о недостатках, допущенных как командирами катеров, так и капитаном 3 ранга Коршуновичем. Поиск конвоя лучше было бы проводить идя не кильватерной колонной, а в строю разомкнутого уступа. Это обеспечивало

возможность надежного просмотра большого района, а при обнаружении конвоя — немедленный выход в атаку сразу всех катеров.

Снова, как и в бою 7 апреля, выявились недостатки в организации связи. Скованный запретом на открытые переговоры, Коршунович не сумел навести на обнаруженный конвой для его окончательного разгрома находившееся в море звено катеров старшего лейтенанта Колотия.

Стало очевидно, что действующая система радиопереговоров, как между катерами в море, так и между ними и нашим КП, не выдерживает критики. И штаб бригады сделал из этого надлежащие выводы. Мы переняли опыт летчиков и перешли на систему открытых переговоров с момента обнаружения противника, ибо ТУС (таблица условных сигналов), а тем более кодирование радиogramм не позволяли оперативно руководить боем.

Упрекнули мы командиров и за то, что они старались уничтожить цель одной торпедой, приберегая вторую для новой атаки. В данном случае бережливость превращается в порок, так как фактически вдвое уменьшает вероятность поражения цели. Нашим правилом должно быть: при атаке вражеских кораблей торпед не жалеть!

За обычными делами и заботами этого дня никого не покидала мысль о судьбе экипажа катера лейтенанта Клименко. Встречаясь с моряками, я ловил на себе вопрошающие взгляды: нет ли каких новостей? Что можно было им ответить...

Еще утром попросив командующего ВВС флота специально послать в район минувшего боя самолет-разведчик, я сам, с трудом сдерживая волнение, ждал телефонного звонка.

Генерал-лейтенант авиации А. Х. Андреев позвонил часа через три.

— Разведчик вернулся, — сообщил он. — Доложил, что внимательно осмотрел весь Варангер-фиорд. Прошел вдоль побережья от Петсамо до Варде.

— И ничего?..

— Да, от катера твоего никаких следов. Надо полагать, погиб. Ничего, брат, не поделаешь. Война!..

Что ж, война действительно без жертв не бывает. Это истина старая. И все же с ней трудно смириться.

Вечером позвонили из штаба флота. Гитлеровцы, оказывается, сообщили по радио об атаке конвоя нашими торпедными катерами. О своих потерях они, разумеется, умолчали, но зато похвастались, что в этом бою потоплен советский торпедный катер.

Теперь уже не оставалось сомнений: экипаж катера лейтенанта Клименко погиб. Погиб в первом же своем бою!..

Петр Клименко, закончив в 1942 году Каспийское военно-морское училище, воевал на Волге, под Сталинградом. Потом его перевели на Северный флот. Служил в ОВР. К нам на бригаду пришел в начале марта — всего лишь месяц назад. Держался очень скромно. Не кичился своим боевым прошлым. Напротив, охотно перенимал все лучшее из опыта старых катерников. И все на бригаде успели по достоинству оценить трудолюбие лейтенанта, его настойчивость в учебе. Не случайно П. Клименко в числе первых пришедших к нам офицеров стал командиром торпедного катера.

Много лет спустя, летом 1964 года, мне довелось познакомиться на одном из черноморских крейсеров с капитаном 1 ранга Н. Г. Григорьевым. Припомнили дни минувшей войны. Оказалось, Николай Григорьевич хорошо знал Петра Клименко. Они вместе жили в Краснодаре. Вместе учились в средней школе № 26. Григорьев рассказал, каким хорошим и верным другом был Петр. Как мечтал он стать военным моряком.

А тогда, вечером 8 апреля 1944 года, беседуя перед самым выходом в море, я спросил лейтенанта Клименко, готов ли сам он и его подчиненные к бою.

— Так точно, товарищ капитан первого ранга. Можете быть уверены, что свой долг мы выполним.

Что же, Петр Клименко и его экипаж выполнили свой воинский долг перед Родиной до конца: в первом же бою они смело и мужественно атаковали и выпустили торпеды по двум вражеским кораблям. Не их вина, что этот бой стал для них и последним.

Должно быть, потому, что катер лейтенанта Клименко был первой боевой потерей бригады, это по-особенному остро переживал весь личный состав. Катерники

рвались в бой, чтобы отомстить гитлеровцам за гибель товарищей.

В числе первых свой вклад в грозный расчет с врагом внесли капитан-лейтенант В. П. Федоров и экипажи катеров лейтенантов В. М. Лихоманова и В. И. Шленского.

Василия Панфиловича Федорова, как и многих из нас, перевели на Северный флот с Дальнего Востока. На Тихоокеанском флоте он был начальником штаба отдельного дивизиона торпедных катеров. Трудно сказать, как это случилось, но, служа в течение нескольких лет на одном флоте, мы так с ним там и не встретились. Познакомились уже в Заполярье. Василия Панфиловича назначили на должность командира 1-го дивизиона. Спокойный, даже несколько медлительный в словах и движениях, Федоров чувствовал себя на берегу явно не в своей тарелке. Ходил мрачный. Брюзжал по поводу, а зачастую и без повода. Но стоило только Василию Панфиловичу выйти в море, как его словно подменяли. Он был по-хорошему скрупулезен в поиске врага. От обнаруженного корабля или конвоя, при самом яростном сопротивлении, не отступался, пока не наносил торпедного удара.

Так было и в этом бою.

Мы получили сообщение о возможном выходе конвоя из Лиинахамари. В Мааттивуоно его должны были обстрелять наши береговые батареи. (Так оно и случилось. Артиллеристы уничтожили тогда транспорт противника.) Нам было приказано выслать звено торпедных катеров и довершить разгром конвоя в случае, если тому удастся прорваться в море. Такая задача и была поставлена перед Федоровым и командирами катеров Лихомановым и Шленским. Взяв на борт абордажные команды — вдруг да посчастливится захватить «морского языка»! — звено вышло в море. Федоров держал свой брейд-вымпел на катере Лихоманова.

Большую часть ночи катера ходили вдоль побережья от залива Петсамовуоно до Бек-фиорда и обратно. Конвоя не было. Только в 2 часа 17 минут близ залива Суоловуоно на дистанции 15—20 кабельтовых с головного катера были обнаружены пять сторожевых катеров противника, ставивших дымзавесу. Это было верным признаком, что где-то тут пробирается конвой. Федоров, не

меня курса и скорости, продолжал идти на сближение. Через несколько минут гитлеровцы обнаружили наши катера. В небо взлетела ракета. Тут же к пяти первым сторожевым катерам подошли еще три. Имея четырехкратное численное превосходство, немцы попытались окружить наши катера. На какое-то время это удалось. Завязался ожесточенный бой. Обстреливая друг друга, катера, случалось, сближались на 40—50 метров. Трудно пришлось нашим катерникам, однако Лихоманову и Шленскому все же удалось прорвать окружение и уйти в море.

Два наших катера против восьми немецких! Кроме того, в непосредственном охранении транспортов шло еще несколько боевых кораблей. Превосходство в силах на стороне противника было такое, что нашим катерникам, казалось бы, не оставалось ничего другого, как только возвратиться в базу. Однако ни капитан-лейтенант Федоров, ни лейтенанты Лихоманов и Шленский даже в этих условиях не собирались отказываться от атаки. Оторвавшись от преследования, они предприняли вторую попытку прорваться к конвою, теперь зайдя со стороны берега. И вновь неудачно. Из дымовой завесы, прикрывавшей транспорты, навстречу нашим катерам опять вышли немецкие сторожевые катера. Недавно прервавшийся бой разгорелся с новой силой. О его напряженности и о суматохе, возникшей среди гитлеровцев, свидетельствует хотя бы такой факт. Старшина 2-й статьи С. Тучин, пулеметчик с катера лейтенанта Шленского, послал меткую очередь в моторный отсек одного из вражеских сторожевых катеров. Тот, потеряв ход, беспомощно закачался на волнах. Тут же из дымзавесы выскочили еще три катера противника. Не разобрав что к чему, они открыли огонь по... собственному катеру и благополучно потопили его.

Спустя некоторое время капитан-лейтенант Федоров в третий раз повел звено на прорыв к немецким транспортам. И вновь корабли охранения конвоя кинулись в контратаку. Однако и новая неудача не обескуражила командира дивизиона. Трижды не удалось прорваться к конвою — значит, нужно попробовать в четвертый, в пятый раз, но все же непременно разрядить свои торпедные аппараты по заслуживающим того целям. Вот

только прорываться к транспортам: нужно не так, как прежде.

...В селе Ивановка, Одесской области, вот уже много лет живет И. Я. Ярошенко. Нынешний степенный сельский учитель, человек самой мирной профессии, Иван Яковлевич во время войны был лихим катерником. В составе экипажа Александра Шабалина участвовал в потоплении шести вражеских кораблей. Потом служил на катере Виктора Лихоманова. На бригаде Ярошенко пользовался доброй славой не только отличного радиста, настоящего мастера своего дела, но еще и умелого организатора, деятельного комсомольского заводицы. Расстались мы с Иваном Яковлевичем в начале 1945 года, когда меня перевели с Севера на Балтику, а встретиться вновь довелось лишь спустя 20 лет. Припоминая все пережитое за войну, Ярошенко рассказал, в частности, и некоторые подробности боя 22 апреля 1944 года. Привожу этот рассказ так, как мне удалось его записать:

«Трижды пытались мы той ночью пробиться к вражескому конвою у Суоловуоно, да все не удавалось. Каждый раз на пути оказывались немецкие сторожевые катера. Было их против двух наших торпедных катеров вчетверо больше, так они, пользуясь этим, смело лезли в контратаки.

Однако не всегда, как говорит пословица, только сила побеждает: где сноровка, а где и уловка. Так и тогда произошло. Встретившись в третий раз с немецкими сторожевыми катерами, командир дивизиона капитан-лейтенант Федоров, не принимая боя, приказал отходить в сторону Рыбачьего. Второй торпедный катер, с бортовым номером «15», держался у нас по корме на видимости, метрах в 50—60. Но командир дивизиона несколько раз повторил Шленскому по радиофону приказание об отходе, словно бы и не слыша, что тот сразу же ответил, что все понял. Делалось это неспроста. Создавалось впечатление, что ничего, дескать, у нас тут с атакой не получится, поэтому, пока еще не поздно, надо уходить подобиру-поздорову домой. И немцы на эту удочку клюнули. Какое-то время они еще гнались за нами. Обстреливали. Потом, поверив, должно быть, в то, что они отбили у русских охоту к атакам, возвратились обратно к транспортам.

А мы прошли прежним курсом еще мили две-три. Развернулись и, сделав немалый крюк, вновь пошли к Суоловуоно. Но теперь заходили к конвою уже с кормы так, чтобы немецкие сторожевые катера остались мористее нас». — (Тут воспоминания И. Я. Ярошенко хочется дополнить одной примечательной, на мой взгляд, подробностью: к моменту этой четвертой по счету попытки прорыва наших катерников со времени обнаружения вражеского конвоя не минуло еще и часа!) — «Отсюда нас гитлеровцы, видно, никак не ждали. Во всяком случае, под прикрытием их же собственной дымовой завесы мы без помех догнали конвой и тут разошлись: наш катер, зайдя от берега, всадил обе свои торпеды в груженный по самую ватерлинию транспорт, а лейтенант Шленский отвернул вправо, чтобы выйти на выгодный курсовой угол для атаки по второму транспорту, да на пути у него оказался сторожевой корабль. Он-то обе торпеды с этого катера в борт и получил!..

То ли потому, что артиллеристы со сторожевого корабля, до того как на дно пойти, успели несколькими трассами показать место, где Шленский находился, то ли потому, что этот катер был несколько мористее нашего, но только на него первого немецкие сторожевые катера всей своей стаей и навалились. Мы, как это всегда было, своих друзей в трудный час одних не оставили.

Вот горячая схватка-то была!.. У нас даже разведчики из абордажной команды и те, укрывшись за надстройками, стреляли из автоматов по немецким катерам. А сходились мы с ними порой так близко, что еще немного — и ручные гранаты можно было бы в дело пускать. Я тоже в рубке у себя не высидел и, не снимая с головы наушников — у меня к ним как раз на такой случай длинный шнур был наращен, — вышел на верхнюю палубу: готовил и подавал коробки с лентами пулеметчику Федору Иванову. Он в тот раз, помнится, более полутора десятка этих коробок по врагу расстрелял.

Немцы делали все, чтобы зажать нас в «треугольник». У них это был излюбленный прием: зайти своими катерами с кормы да с обоих бортов и прижимать нас огнем к берегу. Выбраться из этого «треугольника» бывало нелегко. Однако и на этот раз уловке врага был противопоставлен наш североморский прием: по приказанию Федорова оба катера сразу обрушили огонь сво-

их пушек и пулеметов по немецким катерам с одного борта. Эта сторона «треугольника» распалась. Воспользовавшись минутным замешательством противника, мы успели выскочить в образовавшуюся щель и, форсируя скорость, пошли в сторону Рыбачьего.

Враг потерял в ту памятную апрельскую ночь еще два своих корабля вместе с их экипажами. Но и у нас были потери. После возвращения в базу похоронили мы в братской могиле одного из разведчиков да моего дружка-радиста с «пятнадцатого» Леню Трунова. В госпиталь пришлось отправить штурмана дивизиона капитан-лейтенанта Виноградова, лейтенанта Шленского, старшину 2-й статьи Малякшина и мотористов Косулина, Ткаченко, Громова».

От себя могу лишь добавить к рассказу Ивана Яковлевича, что все моряки обоих катеров получили правительственные награды, а Федорову, Лихоманову и Шленскому, кроме того, по ходатайству штаба бригады были досрочно присвоены очередные воинские звания.

ЕСТЬ „МОРСКОЙ ЯЗЫК“ И НЕ ОДИН..

Штаб флота между тем настойчиво продолжал напоминать нам: нужен «морской язык»!

Спустя шесть дней после боя у Суоловуоно мы получили сообщение воздушной разведки, что в полдень на траверзе мыса Нордкин замечен вражеский конвой: семь транспортов в сопровождении более двух десятков кораблей охранения шли со скоростью около десяти узлов (18,5 километра в час) курсом на восток. По предварительным расчетам операторов, где-то около полуночи конвой мог войти в пределы Варангер-фиорда. До наступления темноты за движением немецких кораблей следили наши самолеты-разведчики. Конвой несколько раз атаковывали бомбардировщики и торпедоносцы. Но ночью погода испортилась. Над морем забушевали снежные заряды. Самолеты вынуждены были оставаться на аэродромах, а для нас ухудшение погоды было даже на руку: облегчало скрытый подход к конвою. Получив задание на поиск в районе от мыса Стурре-Эккерей и выше к северу, в море вышли три звена торпедных катеров под общим командованием капитан-лейтенанта В. Лозовского.

Довольно долго мы не получали никаких вестей о ходе поиска. Наконец из приемника, настроенного на волну Лозовского, послышался знакомый голос Василия Михайловича: «Вперед, орлы! Круши!»

Мы, было, решили, что торпедные катера атаковали конвой, уже изрядно потрепанный нашей авиацией. Но оказалось, что вблизи мыса Кибергнес были обнаружены две десантные баржи, шедшие в сопровождении че-

тырех сторожевых катеров, как видно, из Киркенеса в Варде.

Выскочив из очередного снежного заряда, Лозовский заметил эти баржи на дистанции менее 30 кабельтовых и, не раздумывая (вот когда сказалось умение мыслить со скоростью своего корабля), передал на катера свое знаменитое: «Круши!»

Атака — она продолжалась всего 1 минуту 45 секунд — была настолько внезапной и стремительной, что корабли охранения барж и береговая батарея противника (видимость вне зарядов достигала сотни кабельтовых — более 18 километров) открыли огонь только тогда, когда пять наших катеров уже выпустили торпеды. Командир последнего, шестого, торпедного катера капитан-лейтенант В. Чернявский, выйдя из заряда, увидел уже только одну десантную баржу. Да и та, осев на корму, медленно погружалась в воду. Досадуя на отсутствие цели для своих торпед, экипаж Чернявского завязал артиллерийский бой со сторожевыми катерами и подбил один из них. Тут снова напал снежный заряд. Воспользовавшись этим, Лозовский передал по отряду команду на отход в базу. Обычно очень подробно докладывающий о каждом походе, Василий Михайлович на этот раз был немногословен. Как потом выяснилось, его смущали два обстоятельства: во-первых, посланный на поиск конвоя, он атаковал случайно оказавшиеся на его пути легкие суда и, во-вторых, на потопление двух десантных барж было потрачено десять торпед. Овчинка-де выделки не стоит. И Лозовский готовился выслушать не очень приятные слова. Но напрасно. И не потому, что победителей не судят. Бывало, мы судили и победителей. Причем довольно строго. Но в данном случае для этого не было оснований. Атаковав десантные баржи, Лозовский поступил правильно. И десяти потраченных торпед они стоили. Быстроходные десантные баржи типа «Зибель», широко используемые врагом на всех морских театрах войны, были, нужно отдать должное, очень удачно спроектированы. Скромные по водоизмещению, они в то же время располагали вместительными трюмами, были достаточно мореходны, хотя и имели небольшую осадку. Ко всему этому, «зибели» несли очень сильное артиллерийское вооружение. В их спардечной надстройке размещалась целая бата-

рея орудий универсального калибра. Два последних качества — небольшая осадка и сильное артиллерийское вооружение — делали быстроходные десантные баржи (сокращенно БДБ) для торпедных катеров особенно крепким орешком. И в боях с ними торпед жалеть не следовало. Такое же мнение высказал при разборе этого боя и адмирал Головко.

Если одобрение командующего флотом вернуло хорошее настроение Лозовскому, то еще один участник этого боя — капитан-лейтенант В. В. Чернявский все еще очень болезненно переживал свое возвращение на базу с неизрасходованными торпедами.

Виктор Васильевич пришел к нам из армии, куда был направлен сразу после окончания военно-морского училища. В 70-й отдельной морской бригаде командовал огневым взводом 76-миллиметровых пушек, затем батареей. Дорос до заместителя командира отдельного артиллерийского дивизиона. А в 1944 году, будучи уже капитан-лейтенантом, добился перевода к нам в бригаду на должность командира торпедного катера. Немалый боевой опыт, жизненная зрелость (год, проведенный на фронте, стоил в этом отношении нескольких мирных лет), сравнительно высокое воинское звание — все это как-то выделяло Чернявского среди других пришедших к нам офицеров. И вдруг возвращение в базу с невыпущенными торпедами, когда другие катера разрядились по целям!

А тут еще случилось так, что на следующий день, выйдя в море, он снова вернулся с неизрасходованными торпедами...

Весь апрель и начало мая в Варангер-фиорде дул 4—5-балльный ветер, разгоняя высокую волну. Средняя температура держалась в пределах 3—7 градусов ниже нуля. Небо плотно затягивали облака. Нависая низко над морем, они часто извергали густые снежные вихри, закрывая все вокруг непроглядной мглой. С мостика нельзя было порой рассмотреть даже форштевня своего корабля. Но через 15—20 минут, растратив свою буйную силу, снежный заряд проходил, и горизонт снова прояснялся. Плавать в этих условиях было очень нелегко. Но мы не жаловались. Такая погода не миловала и

гитлеровцев, лишая их возможности поднимать в воздух свою авиацию — наиболее опасного противника торпедных катеров. Немногое могли рассмотреть в мутной пелене и немецкие посты наблюдения, расположенные, как правило, на прибрежных скалах. Снежные заряды становились как бы нашими союзниками в борьбе с врагом.

Так случилось и на этот раз.

Три наших торпедных катера под общим командованием капитан-лейтенанта Колотия уже около двух часов пробыли в море, не встретив ни одного корабля противника. Спускаясь от Стуршера к полуострову Стурре-Эккерей, Колотий заметил приближающийся снежный заряд. А почему бы не воспользоваться им да не зайти под его прикрытием в Инребухту — якорную стоянку вражеских кораблей? Глядишь, там и найдется какая-либо приличная цель! Как только снежная карусель надежно закрыла торпедные катера от береговых наблюдательных постов, Колотий, пройдя еще несколько кабельтовых прежним курсом, подал команду к повороту «Все вдруг» на 90 градусов.

Когда заряд прошел, катера были уже внутри бухты. Огляделись. Прямо по корме только что снялись с якоря два сторожевых корабля и катер противника. Не теряя времени, Колотий распределил цели: флагманскому катеру Александра Лощилина атаковать головной сторожевой корабль, Петру Сиренько — концевой, Виктору Чернявскому — прикрывать их огнем.

Атака наших катеров из глубины их же собственной бухты на какое-то время ошеломила гитлеровцев. Однако спустя несколько секунд сторожевые корабли и катера открыли огонь. Тут же к ним присоединилась еще и береговая батарея.

Не успев как следует разобраться в обстановке, лейтенант Лощилин посчитал, что сторожевые корабли противника идут курсом 280 градусов (а на самом деле они шли курсом 100—120 градусов), и, выпустив торпеды, как ему казалось, по головному, в действительности попал в концевой корабль. Развалившись на две части, тот быстро затонул. Вынужденный из-за ошибки Лощилина изменить объект атаки, Петр Сиренько несколько замешкался и попал в беду: 45-мм снаряд угодил в таранный отсек его катера. Там начался пожар.

Несмотря на это, Сиренько продолжал сближаться с целью. Торпедный катер разошелся со сторожевым кораблем в ста метрах, однако выпустить торпеды из-за повреждения аппаратов старший лейтенант не смог.

Выскользнувший из-под удара Сиренько сторожевой корабль начал преследовать Чернявский. В это время вновь налетел снежный заряд. Видимость сократилась до полкабельтова. В снежной круговерти капитан-лейтенант около четверти часа гонялся за сторожевиком, ведя артиллерийский бой. Снежный заряд должен был вот-вот пройти, и тогда представлялась возможность нанести по противнику торпедный удар уже наверняка. Но тут Чернявский услышал по радиофону голос Петра Сиренько. Старший лейтенант докладывал командиру группы, что у него заглохли моторы. Не удалось еще погасить пожар в таранном отсеке.

Как ни велико было желание капитан-лейтенанта завершить трудную схватку со сторожевым кораблем, он все же поспешил на помощь товарищу. Снежный заряд скоро прошел. Видимость резко улучшилась. Надежно прикрыв поврежденный катер дымовой завесой, Чернявский, искусно маневрируя, в течение долгих 13 минут принимал огонь береговой батареи на себя. А когда на катере Петра Сиренько сумели вновь запустить моторы, капитан-лейтенант обеспечил его благополучный отход в Пумманки.

На разборе в штабе бригады действиям самого Чернявского и его подчиненных была дана самая высокая оценка. Нам, кстати сказать, стало известно, что утром следующего дня после этого боя наши самолеты обнаружили на отмели у мыса Наверснесет вражеский сторожевой корабль. Имелись все основания считать, что это был тот самый сторожевик, за которым гонялся Чернявский: маневрируя в снежном заряде, он потерял ориентировку и вылез на мель, где его и добились наши штурмовики. Но все это было для капитан-лейтенанта слабым утешением. Второе подряд возвращение в базу из боя с невыпущенными торпедами вывело Виктора Васильевича из обычного душевного равновесия. И я вполне разделял озабоченность начальника политотдела этим обстоятельством.

Глубоко ошибаются (немногие, к счастью) военачальники, которые считают «копание в психологии»

(под этим термином они подразумевают душевное состояние своих подчиненных) занятим чуть ли не вредным. «Мое дело приказывать, — рассуждают они. — Дело подчиненных — выполнять эти приказы. И всякие переживания тут ни при чем».

Нет, нельзя безразлично относиться к настроению человека, идущего в бой. Если он чем-то подавлен, если у него почему-то пропала уверенность в себе — где уж тут ждать инициативы, смекалки! Тем более это относится к офицеру-катернику. Скоротечность и напряженность каждого боя требуют от него умения с полуслова понимать старшего начальника, организующего бой, самому быстро и правильно оценивать постоянно изменяющуюся обстановку, предвидеть действия противника и быть способным принять смелое, иногда даже дерзкое решение, гарантирующее достижение победы. Поэтому мы постоянно заботились о хорошем настроении не только офицеров, но старшин и матросов. Многие из них в то время, скажем, не получали писем. Родные и близкие либо погибли, либо остались на территории, временно оккупированной гитлеровцами. Это очень угнетало людей. И политотдел бригады специально обращался к шефам с просьбой, чтобы девушки начали переписку с этими моряками. Теплые слова приветия, забота и внимание воодушевляли бойца, помогали воевать.

Не имея возможности в ту пору повидать Чернявского, я послал ему записку (недавно стало известно, что записка эта сохранилась и находится теперь в фондах музея Северного флота). В ней я писал: «Невыпуск торпед не должен огорчать Вас, Виктор Васильевич. Истинная смелость не в безрассудной отваге, а в точном и грамотном выполнении приказа с учетом конкретно сложившейся обстановки. А тут Вас не в чем упрекнуть...»

На катере у капитан-лейтенанта побывал начальник политотдела. Все это в какой-то мере помогло Чернявскому успокоиться и успешно выполнить свою задачу в ближайшем бою.

В тот день три торпедных катера — старшего лейтенанта Б. Павлова, старшего лейтенанта Е. Шкутова и

капитан-лейтенанта В. Чернявского, под общим командованием капитан-лейтенанта И. Решетько, вышли из Пумманок на «свободную охоту». На обычном в таком случае предварительном инструктаже командир отряда определил, что при встрече с одиночным вражеским кораблем и возможностью захвата «морского языка» Шкутов должен будет ставить дымзавесу, комендоры Павлова — вести, если нужно, огонь по противнику, а экипаж Чернявского пойдет на абордаж.

Обходя по часовой стрелке — от Петсамо к Варде — вражеское побережье, катера в условиях проходящих зарядов обнаружили у мыса Квальнес судно — трехсоттонный дрифтер-бот, совершавший, как потом выяснилось, переход из Тромсе в Киркенес.

Наконец-то представился благоприятный случай захватить «морского языка», который был так необходим штабу флота! И капитан-лейтенант Решетько умело им воспользовался. По его команде вражеское судно было окружено. К нему быстро пришвартовался катер Чернявского. На палубу дрифтер-бота перескочили вооруженные автоматами комендор коммунист старшина 2-й статьи Василий Зимовец и боцман старшина 2-й статьи Иван Зорин.

Все это происходило так близко от берега, что с наших катеров были хорошо видны стоявшие на маленькой пристани люди.

По торпедным катерам и захваченному судну из района Реней-Зунда открыла огонь тяжелая батарея противника. Получив в борт несколько осколков, дрифтер-бот загорелся. Сняв с горящего судна команду, капитан-лейтенант Чернявский, поторапливаемый командиром отряда, отошел от бота. Катера легли на курс к Пумманкам. И вдруг старшина 2-й статьи Зорин доложил, что на палубе гибнувшего судна показалась женщина. Пока катер Чернявского стоял у борта, она пряталась где-то во внутренних помещениях. А теперь, опершись на мачту, жестами просила не покидать ее.

Для нас враг остается врагом, пока он держит в руках оружие. А с женщинами, стариками и детьми мы вообще не воюем. Потому-то, немало рискуя, капитан-лейтенант Чернявский развернул свой катер на обратный курс. Маневрируя меж высоких всплесков от снарядов вражеской батареи, он вновь подошел к охвачен-

ному пламенем дрейфтер-боту. И те же коммунист Зимовец и боцман Зорин перенесли к себе на борт раненную в ногу женщину. На переходе радист матрос Гетельман, исполнявший по совместительству обязанности санитаря, старательно припоминая все, чему его учили врачи, оказал раненой необходимую медицинскую помощь.

Спустя несколько часов пленные были доставлены в Полярное. Хорошо зная обстановку в захваченных немцами норвежских портах, члены команды дрейфтер-бота сообщили штабу флота очень важные и ценные сведения. Наши хлопоты, связанные с выполнением задания достать «морского языка», полностью оправдались.

Позже, примерно в декабре 1944 года, мне довелось прочитать заметку о захвате дрейфтер-бота нашими катерами в газетке, издававшейся гитлеровцами, не помню точно, то ли в Киркенесе, то ли в Варде. Хорошо зная, что обстреливала и подожгла судно фашистская тяжелая батарея из района Реней-Зунда, эта газетка писала: «..вблизи мыса Квальнес русскими торпедными катерами был обстрелян и подожжен почтовый дрейфтер-бот».

Что же, на эту очередную фашистскую клевету можно было ответить словами Козьмы Пруtkова: «Единажды солгавший — кто тебе поверит!»

СРАЖАТЬСЯ ДО КОНЦА

Самым, пожалуй, памятным и наиболее драматическим событием весны 1944 года для нас был майский бой экипажей катеров старших лейтенантов Анатолия Кисова и Ивана Желвакова с двумя сторожевыми кораблями, несколькими катерами и тремя самолетами противника.

В тот день меня по какому-то делу вызвали в Полярное. Едва переступив порог приемной командующего флотом, я услышал из распахнутой двери кабинета голос Арсения Григорьевича:

— Иди скорее сюда. Слушай! Твои орлы ввязались в драку и, судя по всему, нелегкую...

С КП адмирала можно было включиться в волну любой радиостанции, действующей на флоте. Благодаря этому Арсений Григорьевич, не выходя из кабинета, постоянно был в курсе всего, что делается на море и в воздухе. Вот и на этот раз, не получив еще с КП бригады доклада о бое катеров, командующий флотом уже знал о нем. А судя по доносящимся из динамика возбужденным голосам, татаканью «эрликонов» и «кольт-браунингов» бой был трудным.

— Кто там? — Арсений Григорьевич кивнул головой в сторону динамика.

— Полагаю, что старшие лейтенанты Кисов и Желваков. У них на это время запланирован переход в Пуманки.

— А, тихоокеанцы... Самовольничают?

— Почему же! Обнаружили противника и атакуют.

— Ишь ты! Они наверняка и не знают, что имеют в лице комбрига такого искусного адвоката. Ну хорошо.

Подключайся в сеть и руководи своими забияками. Они просили подослать им истребители. В штабе у тебя все еще никак не решатся побеспокоить по этому поводу вышестоящее начальство. Так я уже распорядился. Андреев доложил, что «яковлевы» в воздухе.

А. И. Кисов и И. М. Желваков — тихоокеанцы, пришли на бригаду почти одновременно.

Анатолий Иванович последние несколько месяцев 1943 года так настойчиво просил о переводе с Тихого океана на любой из действующих флотов, что я специально обращался по этому поводу к адмиралу И. С. Юмашеву. Тот сначала не соглашался, но потом все же дал «добро». Кисов был откомандирован в Москву, в распоряжение отдела кадров. А когда в начале марта 1944 года я прибыл на Север, то, к немалому моему удовольствию, встретил его тут. Оказывается, приехав в Москву, Анатолий Иванович был направлен на курсы. Но, узнав о формировании бригады торпедных катеров на Северном флоте, упросил направить его в Заполярье.

Ивана Михайловича Желвакова я тоже хорошо знал по тихоокеанской бригаде. Там с ним в начале 1943 года произошла неприятная история. Сменившись с боевого дежурства, Желваков неосторожно бросил на стол кобуру с заряженным пистолетом. Прогремел выстрел. Пуля насмерть поразила боцмана. Хотя это была и случайность, но убийство человека не могло остаться безнаказанным. Желвакова судили. Он признал свою вину и просил о самом строгом наказании. Его, разжаловав в рядовые, направили в Заполярье в штрафной батальон. Иван Михайлович отвагой в бою заслужил помилование. Приехав на Северный флот, я узнал, что Желваков уже восстановлен в офицерском звании и служит штурманом на одном из тральщиков. Причем служит хорошо. По просьбе Ивана Михайловича мы походатайствовали о его переводе к нам, на бригаду. И старший лейтенант, распрощавшись с тральщиком, снова встал за штурвал торпедного катера.

Оба молодые, задорные, постоянно рвущиеся в бой, Кисов и Желваков любили выходить в море вместе. И мы охотно шли навстречу этому их желанию.

Вот и на этот раз они вышли вдвоем из нашей главной базы в Пумманки. Минуя северо-западную оконечность полуострова Рыбачий, примерно на траверзе мыса Вайталаhti, заметили справа, у берегов противника, дым кораблей. Отказаться от возможной атаки было не в их характерах. И друзья пошли навстречу врагу. С дистанции 70—80 кабельтовых определили, что идут два сторожевых корабля и несколько катеров. Несмотря на численное превосходство противника, старшие лейтенанты начали атаку, элементарную по замыслу и трудную по исполнению.

Осторожные люди могут, пожалуй, квалифицировать действия Кисова и Желвакова не столько смелыми, сколько безрассудными. Но вспомним адмирала С. О. Макарова, который в период русско-турецкой войны, еще совсем молодым офицером, записал в своем дневнике: «Война объявлена!.. Клянусь вам честью, что я не задумаюсь вступить в бой с целой турецкой эскадрой и что мы дешево не продадим нашу жизнь».

А. И. Кисов и И. М. Желваков думали и действовали так же!

Обнаружив наши катера, корабли противника, открыв огонь, пошли им навстречу. Однако в самый последний момент, сблизившись уже на 10—15 кабельтовых, гитлеровцы не выдержали: один из сторожевых кораблей и часть катеров отвернули вправо, а остальные влево. Это в какой-то мере облегчило задачу наших катерников: можно было атаковать цели с одного направления.

Первым, находясь на средних курсовых углах цели, две торпеды по ближайшему сторожевому кораблю выпустил Желваков. Спустя несколько секунд на месте, где только что находился вражеский сторожевик, плавали лишь какие-то деревянные предметы да по воде растекалось большое масляное пятно. Кисов атаковал второй сторожевой корабль. Торпеды угодили ему в носовую часть. Однако прежде чем и этот сторожевик пошел на дно, расчет его кормовой пушки успел сделать несколько выстрелов. Три снаряда угодили в катер Жел-

вакова: один попал в подводную часть корпуса, и внутрь катера хлынула вода, а два других разорвались в корме, вызвав пожар. Торпедный катер лишился хода. К нему, бросив подбирать людей с потопленных сторожевых кораблей, устремились два вражеских катера.

Положение наших моряков было трудным. Казалось, даже безнадежным. Однако никто не растерялся, не впал в панику. В то время как комендоры, выполняя приказ командира, делали все возможное, чтобы удержать на почтительном расстоянии катера противника, мотористы подложили под моторы подрывные патроны. Перед нелегким выбором: «Смерть или плен?» — советские моряки, не колеблясь, выбрали первое.

А Кисов, убедившись в успехе своей атаки, на полной скорости уходил на восток. Анатолий Иванович был уверен, что Желваков, атаковавший первым, уже вышел из боя. И вдруг радиофон донес голос друга: «Я потерял ход. Атакуют катера. Толя, выручай!»

Верный священному для советских воинов правилу взаимной выручки, старший лейтенант Кисов тотчас развернулся на обратный курс. И сделал это вовремя. Пользуясь тем, что среди комендоров поврежденного катера к этому времени были уже убитые и раненые, враг подходил все ближе и ближе. Тут-то и подоспел Кисов. Смело кинувшись наперерез противнику, Анатолий Иванович поставил дымзавесу и, прикрываясь ею, ошвартовался к катеру друга, в считанные секунды принял на борт его команду и снова дал полный ход.

Через несколько минут над морем прогрехотал взрыв. Уходя последним с мостика родного корабля, старший лейтенант Желваков не забыл поджечь бикфордов шнур, протянутый к подложенным под моторы подрывным патронам. Врагу не достался даже покинутый катер!

Но трудное испытание, выпавшее на долю наших моряков, на этом не закончилось. Над катером старшего лейтенанта Кисова появилось три «Фокке-Вульфа-190». В течение четверти часа непрерывных атак с воздуха (потом подошли наши «яки», и фашистские летчики предпочли убраться) каждый из наших моряков проявил такое мужество, стойкость, презрение к смерти, перед которыми нельзя не преклоняться.

Передав штурвал Желвакову, Кисов встал с ним спина к спине. Внимательно следя за налетающими с кормы самолетами, Анатолий Иванович, как только летчик сбрасывал бомбу, подавал команду к повороту. Желваков резко переключал штурвал то вправо, то влево. И, как фашистские летчики ни старались, ни одна сброшенная ими бомба так и не попала в цель.

Озлобленные своей неудачей, гитлеровцы подвергли катер ожесточенному артиллерийско-пулеметному обстрелу. Один из снарядов попал в корму катера. Взрывом вырвало кусок палубы. Деревянная щепка попала в матроса Валентина Жукова. Ему выбило глаз. А в это время от пулеметной очереди следующего самолета загорелись дымовые шашки. Полуослепший, с залитым кровью лицом, задыхаясь в едком дыму, Жуков все же нашел в себе силы на ощупь освободить крепления дымовых шашек и сбросить их в море. Скоро его снова ранило — в руку. Но и тогда комсомолец не покинул боевого поста.

При первой же атаке «фокке-вульфов» был ранен в живот пулеметчик матрос Гречаников. Матрос Кузьменко хотел перевязать друга.

— Не до того сейчас! — твердо сказал Гречаников, — становись к пулемету, а я буду подавать ленты.

Трудно представить, каких нестерпимых страданий стоило это моряку. Однако, зажав левой рукой рану, Гречаников правой подавал Кузьменко пулеметные ленты. И друзья меткой очередью сумели подбить один из вражеских самолетов.

Несколько снарядов попало в ахтер-пик (кормовой отсек), где хранился боезапас. Туда бросился старшина 1-й статьи Иванников. Выхватывая из разбитых горящих ящиков раскаленные патроны, старшина выбрасывал их через люк в море. Над катером пронесся очередной вражеский самолет. От новой пулеметной очереди, прошившей ахтер-пик, загорелись и ящики со снарядами. На помощь Иванникову поспешили боцман Павел Простов и торпедист матрос Водовозов. Иванников подавал на палубу пылающие снарядные ящики, а Простов и Водовозов сбрасывали их за борт. Угроза взрыва боеприпасов была предотвращена.

Мужественно вели себя в этом бою и мотористы, на-

ходившиеся, пожалуй, даже в более трудных условиях, нежели матросы и старшины верхней команды.

Хочется привести отрывок из письма, полученного мной из города Ингулец, Днепропетровской области, от И. Д. Горбункова, ныне строителя-экскаваторщика, а в дни Великой Отечественной войны старшего матроса, моториста с катера старшего лейтенанта Желвакова*.

Илья Дмитриевич пишет:

«Не хочу нашему брату мотористу лишней хвалы воздавать, но ведь тот же пулеметчик, скажем, он хотя бы врага своими глазами видит. У него в руках пулемет, чтобы с этим врагом драться. А мотористы — они внизу. Что наверху делается, зачастую не знают. Угарно. Шум такой, что далеко не каждый снаряд, что за спиной разорвался, услышишь. И вся забота — моторы! Ведь они для катера все равно что сердце для человека: остановятся — смерть!

В том памятном бою, пересев на катер старшего лейтенанта Кисова, все, кто из нас, мотористов, в живых остался (а к тому времени уже пали смертью героев старшина 1-й статьи Деркач, командир отделения мотористов старшина 2-й статьи Яковлев), вновь спустились в моторный отсек. Когда налетели «фокке-вульфы», так всего трое или четверо из мотористов ранены не были. Дублер старшины группы мотористов старшина 1-й статьи Аринев получил тяжелое ранение в руку и в бок. Командира отделения мотористов Старшинова обожгло выхлопным газом. Да всех не перечтешь... А тут один из снарядов попал в блок правого мотора. Мотор остановился. Вскоре следующий снаряд перебил

---

* В своих записках я постоянно использую письма боевых друзей, их устные воспоминания.

Сердечно благодарю за ценнейшие документы, советы и замечания генерал-лейтенанта Е. Т. Дубовцева, вице-адмирала В. А. Чекурова, вице-адмирала В. Н. Алексеева, контр-адмирала С. Г. Головки, контр-адмирала В. П. Федорова, капитанов 1 ранга В. Я. Александрова, В. И. Быкова, А. И. Ефимова, Е. В. Осецкого, А. Г. Приймака, Б. Т. Павлова, Е. Г. Шкутова, Н. И. Шаповалова, В. В. Чернявского, а также бывших матросов и старшин И. Д. Горбункова, А. И. Иванова, Г. Н. Тарашука, И. Я. Ярошенко.

Особую признательность за помощь в подготовке к печати моих воспоминаний выражаю бывшему североморцу капитану 2 ранга П. И. Прошину.

выхлопной коллектор левого мотора. Вот-вот и он остановиться был готов. Да вовремя успели мы перебитый коллектор брезентом обернуть и проволокой обвязать. А юнгу Сашу Ковалева помните?.. Как он своим телом зажал рваную дыру в дюрите радиатора среднего мотора? А ведь оттуда кипяток хлестал!

Двадцать лет минуло с той поры. Но вспоминаю все и горжусь тем, что довелось мне драться за нашу Советскую Родину плечом к плечу с такими людьми!»

Помню ли я юнгу Сашу Ковалева?!

У нас на бригаде служило несколько юнг — подростков 15—17 лет. Большинство из них пришли из специальной школы юнг, организованной на флоте. В этой школе наряду с общеобразовательными дисциплинами каждый из ребят изучал какую-нибудь флотскую специальность: боцмана, моториста, торпедиста или радиста. И уже хорошо подготовленными моряками приходили на корабли.

Вряд ли можно считать правильным, к слову говоря, что после войны эти школы юнг были закрыты. Ведь есть же у нас и теперь профессионально-технические училища, в которых обучаются подростки, чтобы стать не только грамотными людьми, но и прийти в промышленность и на строительство умелыми токарями, слесарями, каменщиками. А разве в меньшей мере нуждается в молодых квалифицированных кадрах растущий из года в год морской торговый флот? Да и нашему Военно-Морскому Флоту очень быгодились такие молодые специалисты, тем более что подавляющее большинство юнг, судя по прежнему опыту, наверняка посвятили бы флоту всю свою жизнь. А романтика моря влечет к себе многих подростков. Скажем, Военно-морское училище имени П. С. Нахимова, где мне довелось работать, каждый год получает десятки писем от ребят 14—15 лет с одной просьбой: взять на флот, помочь стать моряком. Все это кадры для школ юнг. И восстановление таких школ наверняка бы себя оправдало.

Наряду с воспитанниками специальной школы служили на бригаде юнгами ребята, которых прибило

к нам суровое военное лихолетье. Так у нас оказался Ваня Макаров — щупленький 14-летний паренек с большими, отливающими морской синевой глазами и по-детски припухшими губами. Война лишила Ваню семьи. Полуголодный, он пристал к какому-то военному эшелону и оказался в Мурманске. Затем пешком пришел в Росту. И тут пригрели его возле себя матросы с одного из ремонтировавшихся торпедных катеров. С ними Макаров зайцем пробрался к нам в базу.

Решая дальнейшую судьбу Макарова — оставаться ему на бригаде или уезжать в детский дом, — мы слушали с начальником политотдела сбивчивый рассказ Вани о его короткой, но уже полной нелегких испытаний жизни. И мне припомнилось, как вот таким же вихрастым пареньком в большой вылинявшей кепке я сам в 1925 году, после гибели отца, приехал из далекого Андижана в Ленинград с единственной мечтой: стать моряком! Не найдя после экзаменов в списках принятых в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе своей фамилии, я отважился пойти к начальнику военно-морских учебных заведений В. М. Орлову. На его вопрос: «В чем дело, пионер?» (я еще носил пионерский галстук), ответил, уставившись глазами в пол: «Хочу быть моряком». Владимир Митрофанович, улыбнувшись, согласился: «Ну, хорошо. Будь по-твоему».

Жизнь в училище была трудной. Из 120 человек, принятых в том году, после шести лет учебы — три года на подготовительном (был тогда такой) и три года на основном курсе — осталось нас только 16. Затем служба на торпедных катерах Черноморского флота. Встреча с Кожановым, командовавшим тогда Черноморским флотом; с Иваном Лаврентьевичем Кравцом, первым комбригом, героем гражданской войны, отличным моряком и воспитателем. Потом десять лет службы на Тихом океане. И вот теперь Заполярье. А кто знает, как сложилась бы моя судьба, не поверь тогда В. М. Орлов, что моряк из меня получится...

Поверили и мы Ване Макарову. Остался он на бригаде. Как и всем юнгам, сшили ему в нашей швальне — портновской мастерской — полную матросскую форму. Ваня не обманул оказанного ему доверия. Настоящий человек — и в пятнадцать лет человек! Любопытный, не по-детски серьезный, Ваня довольно

скоро стал хорошим мотористом. Участвовал во многих боях. Проявил мужество. И к концу 1944 года был уже орденосцем и полным кавалером морских медалей. Где ты сейчас, Ваня Макаров?..

Вместе с Макаровым в жарких схватках с гитлеровцами отличились многие наши юнги, и в их числе Саша Ковалев, о котором упомянул в своем письме И. Д. Горбунков.

Когда от попадания вражеских снарядов на катере старшего лейтенанта Кисова в том бою уже заглох правый мотор и был перебит коллектор левого, осколком пробило еще дюрит водяного радиатора последнего, третьего мотора. Оттуда, подобно гейзеру, вырвалась горячая вода. Понимая, что каждая секунда промедления грозит остановкой мотора, Саша Ковалев грудью зажал пробойну. Семидесятиградусная вода обожгла тело мальчугана. Боль становилась все нестерпимее. Но, стиснув зубы, Саша все теснее прижимался к пробойне. И не отошел от дюрита до тех пор, пока повреждение не было устранено. Мотор не остановился. Катер не потерял ход, и в этом было спасение и находившихся на нем двух экипажей моряков.

К письму И. Д. Горбункова, напомнившего об этом славном подвиге юнги Ковалева, следует только добавить, что первым, несмотря на ранение, на помощь Саше пришел сам Илья Дмитриевич.

В некоторых газетных и журнальных статьях утверждается, что Саша Ковалев погиб в том бою. Это неверно. В тот день Саша вернулся с моря живым. В числе других членов экипажа был удостоен правительственной награды.

Спустя несколько дней катер старшего лейтенанта Кисова в сопровождении других катеров вышел из Пумманок в главную базу, на ремонт. Саша Ковалев нес вахту в моторном отсеке. Все дальше и дальше оставался за кормой полуостров Рыбачий — «родимая наша земля», как поется в любимой песне североморцев. И вдруг на катере Анатолия Кисова раздался взрыв. Всех членов экипажа, находившихся на верхней палубе, удалось спасти. А мотористы, и в их числе ме-

ханик отряда мичман Капралов и Саша Ковалев, погибли на боевом посту.

Какое-то время причина взрыва и гибели этого катера оставалась для нас загадкой. Потом было установлено, что в бою с катерами Кисова и Желвакова самолеты противника применили снаряды с фосфорными головками. Один из таких снарядов врезался и застрял в резинитовой обшивке бензинового бака катера. В Пуманках этот снаряд обнаружить не удалось. А на переходе в главную базу, когда часть горючего была израсходована, фосфорная головка снаряда оголилась и произошло ее самовоспламенение. Учтя горький опыт, в дальнейшем мы все катера, возвращавшиеся из боя и подвергшиеся обстрелу самолетов, ставили к специальному причалу. Команду снимали, а катера подвергали тщательному осмотру. И гитлеровцы уже напрасно тратились на фосфор для снарядных головок. Эта коварная уловка, во всяком случае у нас на катерах, более не приносила врагу желаемого результата.

В губе, где во время войны размещалась наша основная база, стоит меж суровых гранитных скал скромный, но дорогой всем нам, североморским катерникам, обелиск над братской могилой матросов, старшин и офицеров. Среди многих фамилий, выбитых на прикрепленной к обелиску доске, есть фамилия и юнги Саши Ковалева — простого русского паренька, сына нашей бригады.

Со времени окончания войны минуло более двух десятков лет. Но никогда не будут забыты имена и славные боевые дела тех, кто пожертвовал во имя нашей победы самым дорогим — своею жизнью! Не забыт и Саша Ковалев. В январе 1965 года я получил письмо из Киева. Пионеры киевской школы-интерната № 1 сообщили, что они борются за звание дружины имени Саши Ковалева. «Мы обещаем, — пишут пионеры, — быть такими же, как Саша, бесстрашными и мужественными защитниками нашей любимой Родины!..»

Непобедим народ, подрастающее поколение которого взяло себе в пример таких героев, как Саша Ковалев!

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Если верить календарю, то наступила весна. На юге она наверняка уже возвестила о себе ласковым солнцем, молодой листвой на деревьях. А у нас тут, в Заполярье, о приходе весны можно было догадаться разве лишь по заметно увеличившемуся светлоте времени суток. Все остальное оставалось по-прежнему. И по-прежнему синоптики «радовали» нас юго-западными ветрами силой 5—6 баллов, плотными снежными зарядами и температурой ниже нуля.

А нам так нужна была хорошая погода!.. Готовилась высадка группы разведчиков, вошедшая в историю нашей бригады под названием «В пасхальную ночь». Отступая несколько от хронологии событий, о ней хочется вспомнить, как об одном из свидетельств крепкой боевой дружбы катерников с отважными разведчиками из разведотряда штаба Северного флота.

Зародилась эта дружба с первых дней Великой Отечественной войны, а точнее — с первых боевых походов разведчиков по тылам врага. Ведь каждый из этих походов начинался, как правило, с высадки в каком-то из пунктов занятого гитлеровцами побережья. Наши катерники последними провожали разведчиков в трудный и опасный путь и первыми встречали их после выполнения боевой задачи, принимая, зачастую под огнем противника, на борт своих кораблей.

С организацией бригады эта дружба окрепла еще больше. В первые годы войны разведчики добывали «языков», громили опорные пункты врага в основном на побережье Мотовского залива и делали это так успешно, что один из зарубежных военных обозревателей,

которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к нам, писал: «В Мотовском заливе немец не знал покоя. Он постоянно ждал десанта».

С зимы 1943/44 года район боевых действий разведотряда штаба флота значительно расширился. Наши разведчики стали все чаще и чаще наведываться в глубокие тылы противника. Высаживались в Бос-фиорде, на мыс Скальнес, Лангбунес, в Пеуравуоно и в других местах. Морское обеспечение этих дерзких вылазок возлагалось преимущественно на торпедные катера.

1 апреля катера 1-го дивизиона выходили в море для высадки группы разведчиков, во главе с лейтенантом Кокориным, в Пеуравуоно.

В ночь на 3 апреля отряд катеров этого же дивизиона выходил на «свободную охоту», а одновременно, в случае получения по радио условного сигнала от группы Кокорина, должен был оказать разведчикам необходимую помощь.

Следующей ночью торпедные катера вышли из Пумманок, чтобы снять разведчиков. От лейтенанта Кокорина было получено радио, что его группа обнаружена и ее преследуют. При подходе к берегу по катерам, которые вел капитан 3 ранга В. П. Федоров, открыла огонь вражеская батарея. Места эти у немецких артиллеристов были заранее пристреляны. Снаряды ложились в непосредственной близости от торпедных катеров. И все же разведчики были сняты и благополучно доставлены домой.

А в ночь на 5 апреля намечалось проведение вылазки под девизом «В пасхальную ночь».

Для обеспечения лучших взаимных связей разведотдел вначале прикомандировал к нашему штабу группу своих офицеров, во главе с капитаном 3 ранга Пасько — красивым блондином лет тридцати, всегда подтянутым, собранным и, должно быть в силу своей военной профессии, не очень-то разговорчивым. А вскоре и весь разведотряд, которым командовал в ту пору старший лейтенант В. И. Леонов, перебрался к нам в Пумманки, разбив тут свой палаточный городок. На политотдел бригады было возложено руководство партийно-политической работой в отряде. Наша береговая база взяла на себя большую долю хозяйственных забот о разведчиках. Хлопот у нас, таким образом, прибавилось.

Но жили мы с леоновцами дружно, добрыми соседями. Наши матросы, старшины и офицеры с понятным интересом наблюдали за повседневными тренировками разведчиков. Восхищались ловкостью, когда они, не уступая заправским альпинистам, взбирались на вершины отвесных гранитных скал. Были страстными «болельщиками» жарких схваток их боксеров и самбистов. На дружеских встречах, частенько организуемых политотделом, с увлечением слушали рассказы леоновцев о походах по тылам врага. Разведчики в свою очередь с неменьшим интересом следили за боевыми делами наших катерников. И не удивительно, что скоро в ряды бойцов разведотряда влилась группа моряков нашей бригады, а в состав экипажей торпедных катеров были зачислены бывшие разведчики.

Мы, к примеру, с радостью приняли в свою семью бывшего командира отряда разведчиков капитан-лейтенанта Николая Фролова (он был к тому времени уже шесть раз ранен). Умение быстро ориентироваться в самой сложной обстановке, смелость, решительность и другие важные качества, приобретенные Фроловым в разведотряде, помогли ему за сравнительно короткий срок стать отличным командиром торпедного катера. Коммунисты дивизиона избрали его своим парторгом. Дублером командира катера стал бывший разведчик младший лейтенант Лев Бамштейн—черноглазый, стройный, порывистый юноша. Вначале мы, по правде говоря, сомневались, сумеет ли он справиться со своими новыми обязанностями. Дело в том, что Бамштейн не заканчивал военно-морского училища. Офицером его сделала война. Мобилизованный в июне 1941 года, он, никогда прежде не видавший моря, попал на Северный флот и стал разведчиком. Здесь ему присвоили воинское звание младшего лейтенанта. Бамштейн был несколько раз ранен. Наконец врачи категорически запретили ему вернуться в разведотряд. И он попросился к нам на бригаду.

— Моряк я пока еще, можно сказать, никакой, — откровенно признался младший лейтенант. — Но стать моряком очень хочется. Ребята у вас хорошие. Помогут. А я даю слово учиться по-настоящему.

Леонов и Фролов дружно поддержали товарища: «Разведчик! Этот не подведет!..»

С такой рекомендацией нельзя было не посчитаться. Просьба младшего лейтенанта была удовлетворена, и мы потом в этом не раскаивались. Учился Бамштейн, перенимая все лучшее от наших передовых офицеров, действительно с настойчивостью, которой можно было только позавидовать. И, проплавав всего около двух месяцев дублером, младший лейтенант стал полноценным командиром корабля, хотя, как я уже говорил, военно-морского училища и не кончал. Участвуя потом во многих боях, он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

Район, где намечалось осуществить очередную высадку, определялся разведотделом штаба флота. Нас в этом случае интересовали лишь чисто морские вопросы: нет ли там мелей и подводных камней на подходах к берегу; какое дополнительное обеспечение необходимо для того, чтобы успешно высадить, а потом, после выполнения разведчиками своей задачи, принять их обратно к себе на борт; какие именно катера следует выделить на высадку. Во всех этих вопросах первое слово было уже за бригадой, и в частности за командиром 1-го дивизиона В. П. Федоровым, который у нас как раз чаще других взаимодействовал с разведчиками.

В ночь на 5 апреля, в пасхальную ночь, разведчики решили наведаться в Кообхольм-фиорд. Два наших торпедных катера — лейтенанта Шленского и старшего лейтенанта Сиренько — должны были высадить их на небольшой пирс в глубине бухты. Захватив в ближайшем поселке «языка», разведчики рассчитывали той же ночью возвратиться обратно в Пумманки.

— Фашисты наверняка не откажут себе в удовольствии отметить пасхальный праздник изрядной выпивкой. А мы этим и воспользуемся, — объяснил В. Н. Леонов, почему высадка намечена именно на эту ночь.

Что ж, расчет правильный.

От Пумманок до Кообхольм-фиорда не так далеко, примерно 25 миль (напомню читателю, что миля — 1,85 километра). Поэтому мы считали, что вся предстоящая вылазка, учитывая время, необходимое катерам на переход морем и стоянку в самом фиорде в ожидании возвращения разведчиков, должна была за-

нять не более 3—4 часов. Значит, нам нужно было позаботиться, чтобы в это время ни один из кораблей противника не только не входил в Кообхольм-фиорд, но не проходил и мимо него. А такое могло случиться. По нашим данным, подтвержденным авиаразведкой, в порту Лиинахамари в это время находились три немецких транспорта, а в Бек-фиорде, точнее в Киркенесе, — шесть. Каждый из них, в сопровождении кораблей охранения, мог именно в эту ночь выйти в море, держа курс либо из Лиинахамари на северо-запад, либо из Бек-фиорда в Петсамо. Чтобы появление их вблизи Кообхольм-фиорда не застало нас врасплох и не помешало успешной вылазке разведчиков, по предложению В. П. Федорова — он отвечал за обеспечение высадки — было решено выделить два звена торпедных катеров для несения дальнего блокадного дозора: одно займет позицию к северу от полуострова Нурменсетти и будет сторожить выход из Лиинахамари, а второе с такой же целью направлялось к Бек-фиорду. Перед командирами этих звеньев, не вдаваясь в особые подробности, ставилась одна и та же задача: при обнаружении кораблей противника атаковать их и не пропустить в район Кообхольм-фиорда. Ну, а на случай, если какому-то из немецких кораблей все же удастся прорваться сквозь эти наши дальние блокадные дозоры, так к самому Кообхольм-фиорду мы высылали еще торпедный катер старшего лейтенанта Ф. Родионова. Проводив до входа в фиорд катера с разведчиками, он должен был лечь в дрейф. При появлении вражеского корабля — атаковать его и уничтожить или увлечь за собой подальше в море.

В разведотделе с нашими предложениями согласились. А когда обсуждались все детали уже самой высадки разведчиков, то Леонов и Пасько в один голос настаивали, чтобы она была поручена непременно Саше Шабалину.

Есть люди, у которых подвиг — это порыв, когда в какое-то одно мгновение, подобно ослепительной вспышке молнии, проявляется все благородство их души, и они становятся способными на поступки, по праву вызывающие восхищение окружающих. Таких людей нельзя не уважать. Однако еще большего уважения достой-

ны люди, для которых подвиг — это совершенно естественное проявление постоянно высокого патриотического накала их сердец. Именно к такой категории людей и относится прославленный североморский катерник А. О. Шабалин. Характеризуя Шабалина, хочется повторить старую истину, что героями не рождаются, а становятся. Они воспитываются той средой, обществом, в котором растет и мужает человек.

Александр Осипович не был кадровым военным. Военно-морское училище он закончил уже после окончания Великой Отечественной войны. Биография его — самая рядовая. Родился в 1914 году в небольшой северной деревушке с поэтическим названием Юдмозеро. Отец работал сплавщиком леса на бурной Онеге. Поэтому ловкость, сила, смелость были в семье в почете. Быть бы, наверное, и Александру Осиповичу лихим сплавщиком. Да разбередил сердце и воображение мальчугана своими рассказами дядя — потомственный помор, всю жизнь бороздивший на зверобойных суденышках северные моря. И, изменив семейной традиции, Шабалин после окончания семилетки подался в Мурманск. Сначала юнгой, а затем матросом плавал на рыболовных траулерах. Потом поступил в морской техникум. Спустя два года стал штурманом. И снова началась трудная, но увлекательная рыбацкая жизнь. Побыв три-четыре дня на берегу, неделями пропадал в дальних походах.

В 1936 году Шабалина призвали в Военно-Морской Флот. После окончания Учебного отряда на Балтике служил боцманом на торпедном катере. Маленькие, но грозные боевые корабли пришлись ему по душе. На Северный флот Александра Осиповича перевели в звании старшины 2-й статьи. А в мае 1939 года он был назначен командиром торпедного катера. Спустя два с небольшим года, на третьем месяце Великой Отечественной войны, Александр Осипович отправил на дно первый транспорт противника.

Изучая еще на Дальнем Востоке первые победные атаки Шабалина, нельзя было не подивиться их дерзости. И как-то само собой складывалось представление о нем, как об этаким сорвиголове, которому все ни-почем.

Тем более приятно было по приезду на Северный флот убедиться, что Шабалин совсем не такой, каким

представлялся на расстоянии. Невысокого роста, белесый, с доброй подкупающей улыбкой, он привлекал к себе симпатии всех окружающих величайшей скромностью — этим очень важным человеческим качеством. Суровость военных лет, частые встречи лицом к лицу со смертью не ожесточили его. Александр Осипович оставался чутким товарищем, заботливым семьянином, любящим отцом. Он старался ничем не выделяться среди сослуживцев, хотя, когда создавалась североморская бригада торпедных катеров, Шабалин был уже Героем Советского Союза, кавалером ордена Ленина и двух орденов Красного Знамени. Единственная привилегия, которой он настойчиво добивался, состояла в том, чтобы наиболее трудные боевые задания поручались непременно ему.

Воинские подвиги Шабалина сейчас достаточно широко известны. Однако авторы некоторых статей не прочь объяснить его боевые успехи довольно просто: талантлив, дескать, вот и весь секрет. Но ведь талант сам по себе — это еще что-то вроде необработанного алмаза: драгоценным камнем он становится, лишь засверкав искусно отшлифованными гранями. Поэтому, не повторяя уже известного, хочется отметить те главные, на мой взгляд, грани таланта Шабалина, которые отличают его как первоклассного офицера-катерника.

Прежде всего, Шабалин умел использовать для обеспечения боевого успеха не только тактические, но и психологические предпосылки. Он, скажем, первым (во всяком случае, на Северном флоте) начал атаковать противника от его же собственного берега. И неспроста! Экипаж любого корабля, идущего вдоль своего побережья, где расположены свои береговые батареи и аэродромы, ожидает нападения противника прежде всего со стороны моря. Туда направляется основное внимание сигнальщиков и командира, в сторону моря развертываются орудия и пулеметы. А Шабалин атаковывал как раз от берега, откуда его меньше всего ждали. Не раз в ночном бою, выпустив торпеды и потопив корабль из состава конвоя, Александр Осипович уходил тоже не в сторону моря, а опять-таки под берег противника, в тень от высоких скал. Останавливал моторы,

чтобы не выдавать себя даже пенной полосой от винтов, и, затаившись, ждал, пока гитлеровцы, отчаявшись обнаружить его катер, не уходили. Тогда он спокойно возвращался в базу.

Шабалин действовал всегда решительно и смело. Для него, казалось, не было невыполнимых задач. Свидетельство тому — каждая атака, проведенная им начиная с первой сентябрьской атаки 1941 года и кончая проходом «коридора смерти» и высадкой десанта в порту Лиинахамари в октябре 1944 года. Однако смелость Александра Осиповича не имела ничего общего с необдуманным лихачеством, пустым молодечеством.

Отчаянный человек не значит еще человек храбрый. Во время войны случалось, что некоторые из командиров торпедных катеров, едва обнаружив цель, увеличивали скорость до самой полной. Открывали огонь из пушек и пулеметов, не жалея боеприпасов. В общем, действовали вроде бы ой как смело. Но результат подобной смелости, а точнее сказать необдуманной лихости, зачастую бывал плачевным: своими действиями такой командир даже помогал противнику обнаружить свой катер. Подобные атаки либо вообще срывались, либо их боевой успех стоил очень дорого. Шабалин действовал иначе. Он старался подойти к противнику на малых ходах или, по его собственным словам, «тихо, без шума, чтобы гитлеровцы догадались об атаке только после взрыва торпеды». Ну, а если неожиданная атака не удавалась, тогда Александр Осипович готов был пойти и на риск, однако риск обдуманный.

На занятиях с офицерами в нашем «университете» мы не раз вспоминали один очень показательный в этом смысле бой, проведенный Шабалиным и Колотиным в апреле 1943 года. Они атаковали тогда в глубине залива Маативуоно конвой из двух транспортов и пяти сторожевых катеров. Было это на рассвете. Противнику удалось обнаружить наши торпедные катера. Расчет на внезапность атаки не оправдался. Но это не остановило Шабалина и его боевого друга. Александр Осипович связал боем сторожевые катера, прикрывавшие транспорты. Умело маневрируя, то укрываясь в дымовой завесе, то неожиданно появляясь из нее каждый раз в новом месте, он обрушивал то на один, то на другой немецкий катер огонь своих пулеметов и настолько за-

путал гитлеровцев, что те, гоняясь за ним, упустили из вида Колотия. Воспользовавшись этим, старший лейтенант вышел в атаку и выпустил торпеды по одному из транспортов. Объятый пламенем, тот начал медленно погружаться в воду.

Атака Колотия была так неожиданна, что немецкие катерники на какое-то время растерялись. Тогда Шабалин, выйдя из дымовой завесы, повел свой катер на полной скорости в глубь узкого залива, к входу в порт Петсамо, куда уходил второй вражеский транспорт. Сторожевые катера кинулись было вдогонку, но напрасно. Время было упущено.

Вынужденные смириться с потерей и второго своего транспорта, немцы задались целью не выпустить хотя бы Шабалина обратно в Маативуоно. Поддержанные береговыми батареями, сторожевые катера перекрыли выход из узкого залива. Им казалось, что теперь советский корабль попал в ловушку.

Но Шабалин думал иначе. Точно выпустив торпеды и отправив транспорт на дно, он развернул свой катер и, на полной скорости, повел его вдоль берега, между высокими водяными всплесками, поднимаемыми снарядами береговых батарей. Гитлеровцы ожидали все, что угодно, но только не этого. Ни один из их сторожевых катеров так и не решился преследовать там советский корабль, опасаясь снарядов своих же собственных батарей. И Шабалин сумел вырваться из подготовленной для него ловушки.

При всей своей общительности, простоте и сердечности в обращении с окружающими, в том числе и с подчиненными (недаром каждый из матросов и старшин бригады считал счастьем служить на катере Шабалина), Александр Осипович был в то же время очень требовательным командиром.

Что греха таить, во время войны случалось встречаться с фактами, когда отдельные офицеры всерьез полагали, что на торпедном катере, с его небольшим экипажем, вполне можно обойтись без уставных «строгостей». До того ли тут, дескать, когда люди каждый день жизнью рискуют. И нормальная уставная требовательность к подчиненным подчас подменялась панибратством. Результат в каждом таком случае был один

и тот же: вслед за неминуемым снижением воинской дисциплины следовали боевые неудачи в море. Дорогой ценой приходилось расплачиваться таким офицерам за забвение мудрого суворовского наказа, что дисциплина — мать победы!

Шабалин не принадлежал к этой категории офицеров. Он был требователен, но требователен без шума и окриков. Неуклонное выполнение устава обеспечивалось на его катере прежде всего личным примером командира. Александр Осипович всегда и при всех обстоятельствах был для подчиненных образцом высокой дисциплинированности, настойчивого совершенствования воинского мастерства, мужества и отваги. Принцип воинского воспитания «делай, как я!», умело используемый Шабалиным, обеспечивал ему непререкаемый авторитет. Матросы и старшины не просто уважали, а любили Александра Осиповича, беспредельно верили ему и готовы были идти за ним поистине в огонь и в воду.

В моей записной книжке военных лет сохранилась короткая запись об одном походе Шабалина. Я записал тогда для памяти всего несколько фраз: «Высадка разведчиков в Маккаурсан-фиорде не удалась. Шабалин осуществил прорыв в Бос-фиорд. Немецкий сигнально-наблюдательный пост заметил катер. Запрашивал. Шабалин продолжал идти вперед. Немцы приняли его за своего. Так же успешно Шабалин вышел обратно с двумя «языками».

А некоторые подробности этого похода таковы.

Штабу флота необходимо было выяснить, какие боевые средства сосредоточены у противника в Бос-фиорде. Первоначально предполагалось, что Шабалин высадит для этой цели группу разведчиков в Маккаурсан-фиорде. Оттуда они уже пешком двинутся в Бос-фиорд. Однако при подходе к намеченному месту высадки торпедный катер был обнаружен. Высадить разведчиков не удалось. Казалось бы, это обстоятельство давало Шабалину полное основание со спокойной совестью возвратиться в Пумманки. Но не в правилах Александра Осиповича было так просто отказываться от выполнения полученного приказа. Не удалось высадить разведчиков в Маккаурсан-фиорде, так почему бы не попытаться сделать это в самом Бос-фиорде?..

— Туда частенько заходят немецкие катера. Попро-

бум-ка и мы проскочить под их «марку», — предложил он Леонову.

Виктор Николаевич согласился с этим предложением. И Шабалин снова повел свой катер к вражескому берегу. Скоро из темноты показались обледенелые скалы у входа в Бос-фиорд. Потом блеснули редкие огоньки на берегу. Торпедный катер все глубже и глубже втягивался в залив. Члены экипажа, свято веря в своего командира, действовали спокойно, словно бы им предстояло войти и ошвартоваться в родных Пумманках. Но это был занятый врагом фиорд. На его берегах притаились в темноте орудия батарей. Знай гитлеровцы, что это за катер, им потребовалось бы, пожалуй, всего лишь несколько залпов, чтобы разнести его в щепы.

С берегового сигнально-наблюдательного поста замигал узкий луч прожектора, торопливо высвечивая тире и точки морзянки.

— Позывные запрашивают, товарищ командир! — доложил боцман Козлов.

— Не отвечать, — ответил Шабалин и, не увеличивая хода, продолжал вести катер в глубь фиорда.

Помигав прожектором еще раз и опять не получив ответа, немецкие сигнальщики успокоились. Решили, видимо, что это возвращается из дозора один из своих катеров. Расчет Шабалина полностью оправдался.

Пройдя две-три мили в глубь фиорда, Александр Осипович подошел к берегу и высадил разведчиков. Те ушли добывать «языков», а Шабалин, отойдя в тень ближайшей скалы, застопорил ход. Готовые к любой неожиданности, комендоры не отходили от пулеметов, внимательно вглядываясь в темноту. Медленно тянулись минуты томительного ожидания. Наконец с берега замигал чуть приметный синеватый огонек фонарика — это возвращались разведчики.

— Прямо из постелей взяли. Тепленькими, — сказал Леонов, спуская в кубрик двух полуодетых немецких офицеров.

С кляпом во рту и крепко связанными руками, гитлеровцы, видимо, никак не могли взять в толк, откуда здесь появились советские разведчики. И походили скорее на мокрых кур, нежели на бравых офицеров. Но «языками» они оказались ценными. Позже на допросах

в разведотделе рассказали о многом из того, что интересовало штаб флота.

Удивительно ли, что вот и теперь, собираясь в ночь на 5 апреля предпринять еще одну вылазку в тыл врага, но уже в Кообхольм-фиорд, разведчики настаивали, чтобы в их высадке непременно участвовал А. О. Шабалин. И мы с ними согласились.

Все, что, как нам казалось, требовалось для обеспечения предстоявшей высадки разведчиков, было сделано. Определены два звена катеров для несения дальнего блокадного дозора у мыса Нурменсетти и Бек-фиорда. Еще один торпедный катер выделялся в дозор к входу в Кообхольм-фиорд. С двумя катерами, прорывавшимися с разведчиками в самый фиорд, шли В. П. Федоров и А. О. Шабалин. Теперь дело было лишь за хорошей погодой. А она-то нас и подвела!.. С утра 4 апреля, вопреки полученному нами прогнозу, задул шестибалльный норд-остовый ветер. Над Варангер-фиордом загуляли снежные заряды. Синоптики оправдывались ссылкой на неожиданный антициклон, спутавший все их предварительные расчеты. Но это было для нас слабым утешением.

— Ничего. У нас тут, в Заполярье, погода в эту пору преподносит порой самые неожиданные сюрпризы. Случается, что в один и тот же день утром и в валенках холодно, а к обеду хоть ботинки снимай, — успокаивал нас на правах старого североморца В. Н. Леонов. — К вечеру все еще может измениться к лучшему.

Однако и его прогноз не оправдался. Напротив, к вечеру заряды сменились сплошным снегопадом. Столбик ртути в термометре упрямо опускался все ниже и ниже. Прорыв в Кообхольм-фиорд пришлось отложить.

Только к утру следующего дня метель, какая в средней полосе России и глубокой зимой не часто бывает, прекратилась, напоминая о себе лишь изредка проносящимися зарядами. Потеплело. Густые облака, еще недавно низко нависавшие над морем, поднялись вверх, посветлели. Скоро и ветер сменил направление, сбивая разгулявшуюся волну. Шторм начал мало-помалу стихать.

— Я же говорил, что вся эта заваруха ненадолго, — весело говорил Виктор Николаевич. — Весна — это весна даже и у нас тут, за шестьдесят девятой параллелью. Ночью погода будет лучшего и желать нельзя...

Мы связались с разведотделом штаба флота. Оттуда подтвердили «добро» на проведение намеченной высадки. И план ее, тщательно разрабатываемый в течение нескольких дней, начал претворяться в жизнь.

Вечером в море вышло звено катеров для несения блокадного дозора в районе Бек-фиорда. Спустя час второе звено направилось к полуострову Нурминсетти, чтобы блокировать выход из Петсамовуоно. Потом на КП собрались участники прорыва в Кообхольм-фиорд. Мы не скрывали ни трудностей, ни опасностей поставленной перед ними боевой задачи. Вход в бухту Кообхольм-фиорда, протянувшуюся на добрых три мили в глубь материка, неширок, всего около 15 кабельтовых, и достаточно хорошо просматривается. Пройти к намеченному для высадки разведчиков маленькому пирсу, прилепившемуся к скалистому восточному берегу фиорда, можно лишь узким фарватером между островком Итре-Кообхольмен и каменистыми, обсыхающими во время отлива отмелями.

— Это ничего, — спокойно ответил Шабалин, внимательно рассматривая план бухты. — Мне здесь в финскую войну доводилось бывать. Думаю, что туда пройдем спокойно. А вот обратно...

Он посмотрел в сторону Леонова. Тот заверил, что они постараются взять «языка» без шума. Тихо.

— Ну, значит, и обратно выйдем спокойно, — уверенно закончил Александр Осипович.

Около 23 часов разведчики начали посадку на катера. Одетые в белые маскировочные халаты, они проходили по верхней палубе и скрывались в кубриках. Всего на два катера было принято 38 человек. Последним на борт головного катера вошел Леонов. Глухо заурчав моторами, «Д-3» отошли от пирса, направляясь к выходу из Пумманок. Какое-то время в ночном море можно было еще различать белые полосы взбитой винтами воды. Потом и они пропали. Катера словно бы растаяли в темноте.

Провожая все три группы катеров, мы договорились с командирами, что они будут строго соблюдать прин-

щип радиомолчания. Работать на передачу им разрешалось только в случае, если срочно потребуется помощь. И хотя теперь их молчание уже само по себе служило свидетельством, что у них все в порядке, все же велик был соблазн запросить, как там идут дела. Чтобы как-то скоротать медленно тянувшееся время, мы затеяли на КП чаепитие. Но это мало помогло.

Только в половине третьего утра снисовцы с мыса Земляной сообщили, что в Пумманский залив втягиваются три торпедных катера. Это были федоровцы. Мы тут же передали по радио приказание о возвращении в базу катерам, несущим блокадный дозор у Нурменсетти и Бек-фиорда.

Скоро участники прорыва в Кообхольм-фиорд сидели на КП и, обжигаясь горячим чаем, рассказывали о проведенной вылазке. Говорил, правда, в основном Леонов. Федоров и Шабалин ограничивались лишь короткими замечаниями, когда, по их мнению, Виктор Николаевич «перебарщивал» с похвалами в адрес катерников.

...Неширокий вход в Кообхольм-фиорд катера с разведчиками миновали благополучно. Правда, при подходе к входному мысу береговой пост помигал прожектором. Наши катерники не ответили. На том все и закончилось. То ли очередной снежный заряд прикрыл торпедные катера, то ли вахтенные с сигнально-наблюдательного поста изрядно подгуляли в связи с пасхой, но больше запросов не было. Второе даже более вероятно, потому что на островке Итре-Кообхольмен оказались не выключенными огни. Это облегчило Шленскому и Сиренько задачу прохода узким фарватером к намеченному для высадки разведчиков пирсу.

Небольшой поселок, где намечалось взять «языка», уже спал. Только из одного неплотно занавешенного окна пробивалась узкая полоска света. Посланная Леоновым разведка доложила, что там сидят и бражничают трое мужчин. Один, судя по тельняшке, моряк.

Разведчики разбились на две группы: одна должна была брать «языка», а вторая — блокировать дом. Когда, ловко открыв входную дверь и миновав небольшой коридор, разведчики оказались в ярко освещенной комнате, ее хозяева вначале никак не могли взять в толк, откуда к ним пожаловали столь неожиданные гости. Потом настал черед удивиться разведчикам. В ответ

на грозное «Хенде хох!» и «Руки вверх!» тот, что в тельняшке, вдруг на чистом русском языке воскликнул: «Ба-а!.. Так ведь это же наши!» Как потом оказалось, двое из трех были архангельскими поморами. Еще ребятами попали они во время гражданской войны в Норвегию, да так тут и застряли. А третий, местный рыбак, зашел скоротать пасхальную ночь за бутылкой вина.

Узнав, что нужно советским разведчикам, рыбаки с радостью согласились пойти вместе с ними.

— Мы все здесь знаем лучше любого немца. Все вам расскажем.

Собираясь в путь, «пленные» не забыли захватить с собой аккордеон и недопитую бутылку.

Рыбаки дали очень ценные сведения. Один из них в последнее время плавал на рейсовом судне. Частенько бывал в Бек-фиорде. Он сообщил, в частности, важные сведения о выставленных противником минных полях вдоль восточного берега Яр-фиорда и между берегами в двух кабельтовых от острова Бугей. Рассказал и многое другое, что интересовало штаб флота.

Так же беспрепятственно, как вошли, наши катера, приняв на борт разведчиков, вышли из Кообхольм-фиорда.

— Вот, собственно, и все, — закончил Леонов. — Нет, что ни говори, а нашему с вами боевому братству сопутствует военное счастье!..

Действительно, за время многих походов на торпедных катерах нашей бригады разведотряд штаба флота не имел потерь. А наши катерники не раз заслуживали похвалы Военного совета за морское обеспечение этих дерзких рейдов разведчиков.

БЬЕМ ТУГО СЖАТЫМ КУЛАКОМ

В апреле 1944 года штаб флота разослал директиву командующего флотом о подготовке операции под кодовым наименованием «РВ-3». В самом этом факте не было ничего примечательного. Такие директивы поступали и прежде. Но эта, апрельская, директива имела особое значение. Сообщая о прибытии на аэродромы средней Финляндии 200 новых самолетов противника — 125 бомбардировщиков Ю-87 и 75 истребителей М-190 и «Фокке-Вульф-190», — в ней впервые ставилась задача отработки тесного взаимодействия и нанесения совместных ударов торпедных катеров, авиации и береговой артиллерии по конвоям противника в Варангер-фиорде.

Изучая эту директиву, я вспомнил первую беседу с адмиралом Головко в начале марта. Арсений Григорьевич сказал тогда:

— Мы и до сих пор поколачивали немцев изрядно. Но били пока что вроде бы растопыренными пальцами. А их нужно колотить туго сжатым кулаком. И мы будем так бить! Скоро у нас тут, как и на других фронтах, фашистам небо с овчинку покажется!..

Минуло чуть больше месяца после того разговора, и вот этот грозный кулак Северного флота начал сжиматься все крепче.

Не все, в том числе и у нас на бригаде, сразу осознали все значение задачи, поставленной Военным советом флота. На обсуждении полученной директивы с руководящими офицерами бригады командир 2-го дивизиона Коршунович высказался в том смысле, что не видит тут для нас, катерников, ничего нового. «Ведь и до этого

мы тоже воевали не каждый сам по себе, а постоянно помогая друг другу».

Что правда, то правда. С первых месяцев войны торпедные катера, выходящие в засады к Петсамоуоно, поддерживали самую тесную связь с береговой артиллерией. Артиллеристы не раз указывали катерникам цели для атак и прикрывали их от огня береговых батарей противника. Моряки торпедных катеров в свою очередь всегда готовы были подсобить артиллеристам отправить на дно подбитые их снарядами вражеские корабли. Дружили наши катерники и с летчиками, взаимно выручая друг друга в трудную минуту. Однако в той, апрельской, директиве речь шла не о простой взаимопомощи, а ставилась новая и несравнимо более сложная задача отработки оперативно-тактического взаимодействия, при котором разнородные силы флота, дополняя друг друга, сумели бы совместно наносить врагу наиболее чувствительные удары. Начинался новый этап в повседневной боевой деятельности всех соединений Северного флота, и в том числе нашей бригады.

Пессимистов, по привычке скептически встречающих все новое, на этот раз оказалось совсем немного. Да и те довольно скоро сдали свои позиции. А подавляющее большинство офицеров бригады встретило директиву командующего флотом с большим подъемом. На всех фронтах неудержимо развивалось мощное наступление наших войск. Как все советские воины, каждый матрос, старшина и офицер бригады также горел желанием внести свой посильный вклад в священное дело быстрее освобождения родной земли от фашистских захватчиков.

Для нас, катерников, особенно важной и актуальной была необходимость отработки тесного боевого взаимодействия с авиацией. И взаимодействия не столько оперативного, сколько тактического.

В одной из записных книжек тех лет у меня сохранилась интересная мысль, высказанная прославленным североморским летчиком Героем Советского Союза капитаном С. Гуляевым. Подчеркивая необходимость тесного боевого взаимодействия летчиков и катерников, он назвал авиацию и торпедные катера родными брать-

ями. Это сравнение на первый взгляд неожиданно, но в нем заложен глубокий смысл. Торпедные катера и авиацию действительно во многом роднят такие присущие им характерные боевые качества, как большая скорость, мощная ударная сила, быстрота маневра. При хорошо отработанном взаимодействии это родство в значительной мере расширяло наши совместные возможности в борьбе с противником, что было уже подтверждено опытом катерников и летчиков, в частности, Краснознаменного Балтийского флота. Еще в начале войны — 27 сентября 1941 года — два звена торпедных катеров, под командованием Владимира Гуманенко, взаимодействуя с авиацией, атаковали у западного берега острова Эзель отряд вражеских кораблей и добились замечательного боевого успеха: по данным штаба КБФ, в том бою были потоплены вспомогательный крейсер и два миноносца да еще один миноносец поврежден.

Насущная необходимость тактического взаимодействия торпедных катеров и авиации в условиях Заполярья диктовалась также специфическими особенностями нашего театра, где на смену полярной ночи на несколько месяцев приходил круглосуточный полярный день.

Зимой, когда ночь уступала относительно светлому времени всего час-полтора в сутки, нам, катерникам, трудно было обнаружить противника (тут следует оговориться, что использовать для поиска целей радиолокацию мы получили возможность только с осени 1944 года). Но если уж вражеский конвой удавалось отыскать и катера подходили к нему на визуальную видимость, то мы выводили на цели сразу несколько групп торпедных катеров. По-иному бывало полярным днем, когда солнце, словно бы наверстывая упущенное за зиму, вообще не покидало небосвода, окрашивая море причудливыми красками. В этих условиях задача поиска противника значительно облегчалась. Но зато атаковывать его конвой нам становилось во сто крат сложнее. При хорошей видимости торпедные катера лишались одного из главных своих боевых преимуществ — скрытности и внезапности атак. К тому же гитлеровцы, почувствовав нарастающую силу ударов североморцев, значительно усилили охрану своих конвоев: на каждый транспорт приходилось три-четыре боевых корабля, а иногда и больше. С воздуха конвой прикрывались авиацией.

В этих условиях самостоятельные атаки для нас, катерников, становились трудным делом. В то же время и авиация, действуя самостоятельно, не могла, как показал опыт, добиться полного успеха в борьбе с вражескими конвоями.

Вывод напрашивался сам собой: чтобы надежно перерезать морские коммуникации гитлеровцев в Варангер-фиорде, нам нужно наносить удары по конвоям противника при тесном тактическом взаимодействии торпедных катеров и авиации.

Все это не было, разумеется, каким-то неожиданным открытием, внезапно осенившим командование флота только на третий год войны. Обязательной предпосылкой взаимодействия катерников и летчиков должно быть наличие мощных соединений как торпедных катеров (причем катеров, обладающих хорошей мореходностью), так и авиации, превосходящей по силам авиацию противника. К апрелю 1944 года Северный флот располагал как раз и таким соединением торпедных катеров — нашей бригадой и авиацией, способной завоевать безусловное господство в воздухе. Вот почему вопрос о тесном взаимодействии этих двух родов сил со всей остротой встал именно весной 1944 года.

Тактическое взаимодействие торпедных катеров и авиации на морских коммуникациях противника может строиться по-разному. В одних случаях главный удар наносят торпедные катера, а авиация только обеспечивает их действия, прикрывая на переходе морем, наводя на объекты, поддерживая и защищая от вражеской авиации. В других случаях главной ударной силой выступает авиация, а катера выполняют вспомогательную роль. Высшая форма тактического взаимодействия — совместная атака самолетов-торпедоносцев и торпедных катеров. Любой из вражеских конвоев, атакованный одновременно с воздуха и с моря, неминуемо должен нести большие потери.

— Вы, друзья, не заглядывали ненароком в наши штабные сейфы? Или, может быть, умеете читать мысли на расстоянии? Признавайтесь! — пошутил командующий авиацией флота генерал-лейтенант А. Х. Андреев, когда мы с капитаном 2 ранга Чекуровым приехали к нему со своими наметками.

Действительно, общие принципы организации взаимодействия торпедных катеров и авиации, выработанные штабами бригады и ВВС, в основном совпадали, и мы без особого труда нашли общий язык. Но многое еще оставалось нерешенным.

Нужно было конкретно определить, как практически будут действовать командиры торпедных катеров и летчики. В разработку взаимодействия включились штабы, командиры подразделений. Проверенных практикой рекомендаций у нас не было. Между тем нужно было предусмотреть все, до малейших деталей. Каждая ошибка могла очень дорого стоить.

В работу по обеспечению взаимодействия включились не только штабы, но и политорганы нашей бригады и ВВС. Капитан 3 ранга Мураневич поделился со мной наметками специально разработанного плана партийно-политического обеспечения. План этот включал в себя много интересного и важного. Упомяну хотя бы о встречах катерников с летчиками, систематически проводимых впоследствии политотделом. Их значение не ограничивалось только лишь личным знакомством участников будущих совместных атак, хотя и это имело уже немалое значение. В непринужденной обстановке дружеских бесед участники этих встреч обменивались мнениями по широкому кругу конкретных вопросов тактического взаимодействия. Многие предложения, высказанные тут, сослужили потом и нам, и летчикам добрую службу.

Не остались в стороне от общего дела и газеты бригады и ВВС. Наряду с опубликованием заметок по отдельным вопросам боевого взаимодействия редакция нашей многотиражки организовала, к примеру, для «Североморского летчика» открытое письмо катерников. Его подписали Герои Советского Союза Шабалин и Паламарчук, капитаны 3 ранга Коршунович и Федоров, капитан-лейтенант Чернявский, старший лейтенант Павлов. Обращаясь к летчикам, они писали, в частности: «Ваша помощь может выйти за пределы одного только поиска цели. Обнаруженный в море вражеский конвой порой изменяет свой курс, ордер и другие данные. Ваша доразведка с немедленным оповещением по радио ка-

терников, уже находящихся в море, об этих изменениях позволит нашим офицерам заранее предусмотреть наиболее выгодный вариант атаки. Вы можете своими действиями помочь также нашему скрытному выходу к цели на кратчайшее расстояние, а это, по существу, решает исход боя». А потом у нас в газете было опубликовано ответное письмо летчиков. Обращаясь к катерникам, Герой Советского Союза гвардии подполковник А. Ефремов, Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Н. Бокий, гвардии капитан В. Пирогов, Герой Советского Союза капитан В. Рукавицын, старший лейтенант А. Батраков и другие писали: «Вы правы, товарищи! Перед всеми силами флота, в том числе перед авиацией и торпедными катерами, сейчас открываются перспективы еще большей активизации наступательных действий на коммуникациях противника, которые мы будем в состоянии окончательно перерезать, если сумеем в совершенстве отработать все детали взаимодействия... Наибольших успехов в разгроме фашистских конвоев в Баренцевом море мы достигнем, если будем применять высшие формы тактического взаимодействия торпедных катеров и авиации, если в этом взаимодействии авиация выступит не только во вспомогательной роли, но и как ударная сила. Мы имеем в виду совместные, точно рассчитанные в минутах и даже секундах, удары по кораблям противника с воды и с воздуха».

Чем детальнее разбирали мы конкретные вопросы тактического взаимодействия, тем очевиднее становилось, что оно предъявляет как к катерникам, так и к летчикам целый ряд специфических требований. Стало ясно, например, что надежно прикрыть катера на переходе морем в состоянии только те летчики-истребители, которые хорошо владеют техникой боя на малых высотах и виражах. Чтобы оперативно руководить предстоящими боями, была необходима более четкая организация связи. Всего не перечтешь... Поэтому, как ни дорого было время (а с каждым перевернутым листком календаря полярный день все настойчивее вступал в свои права), мы все же посчитали недостаточным ограничиться только штабными играми на картах, а обратились к командующему флотом с просьбой разрешить провести

в море несколько тактических учений по отработке взаимодействия.

Выслушав наши соображения, адмирал Головкин сказал:

— Что и говорить, размахнулись вы широко. Но быть по сему. Раз нужно, так нужно...

Не откладывая решения дела в долгий ящик, Арсений Григорьевич тут же распорядился о выделении тральщиков и сторожевых кораблей в состав конвоя «противника», который нам вместе с летчиками нужно было атаковать на учениях.

— Все?

— Нет, товарищ адмирал...

С командованием ВВС флота мы работали дружно. Но, как и во всяком большом деле, не обходилось, конечно, и без споров по отдельным вопросам. Вот к решению одного из таких вопросов, имевших, на мой взгляд, принципиальное значение, я, воспользовавшись удобным случаем, и постарался привлечь в качестве арбитра командующего флотом. Речь шла об организации на КП бригады оперативного пункта штаба авиации. Мы настаивали на создании такого пункта, не без оснований видя в этом одно из непеременимых условий оперативного руководства предстоящими боями взаимодействующих между собой катеров и авиации. Командование ВВС возражало, считая это попросту излишней промежуточной инстанцией.

— Нынче, слава богу, двадцатый век, — не замедлил вставить свое слово представитель авиаторов. — Существует радио, телефон. Если понадобится в каком-то случае наращивание сил авиации, так снестись с нами штабу бригады катеров не составит большого труда.

— Бог-то бог, но, как говорят в народе, и сам не будь плох, — с улыбкой заметил Арсений Григорьевич. — Снестись с вами по радио или телефону катерники, конечно, смогут. Но вы ведь наверняка начнете еще думать: «Подбрасывать требуемые самолеты или нет?» А тут каждая минута дорога.

— Почему же, если в том будет действительная нужда.

— Вот-вот, «если будет». А чтобы таких вопросов вообще не возникало, вы оперативный пункт своего штаба по соседству с КП Кузьмина и организуйте. Двух

дней на это достаточно? Значит, договорились. Кто его возглавит? Тут нужны не третьестепенные люди.

— Направим туда Михайлова и Муратханова.

— Добро. Это офицеры деловые.

Весть о предстоящих учениях вызвала среди моряков бригады оживленные толки. Настоящими именинниками ходили старые североморские катерники.

— Еще полгода-год назад мысль о проведении таких учений показалась бы любому из нас пустой фантазией, — говорил А. О. Шабалин. — Еще бы!.. Учения под самым, можно считать, носом у гитлеровцев! А сейчас этому никто не удивляется. Срок миновал небольшой, но силы наши возросли настолько, что нам уже и такое дело по плечу.

Действительно, до ближайшего вражеского аэродрома было несколько десятков миль, всего считанные минуты полета, а мы разыгрывали под Териберкой учебные баталии. С момента обнаружения кораблей условного противника к нам на КП, развернутом на восточном мысу острова Кильдин, начинали непрерывно поступать данные о движении кораблей. По докладам разведки штаб бригады намечал время нанесения главного удара. И с этого момента «конвой противника» не знал покоя. По строго рассчитанному плану возле него появлялись самолеты и катера-дымзавесчики. Вслед за ними — штурмовики и истребители-бомбардировщики подавляли огневые средства кораблей охранения. А в конце, мощным заключительным аккордом, следовала дружная атака основной группы катеров и ударной авиации: торпедоносцев, пикировщиков и топмачтовиков. Внимательно следя по радиопереговорам и коротким донесениям за ведущими бой торпедными катерами и самолетами, мы при необходимости быстро наращивали наши силы на наиболее важных участках. Все это делало каждую атаку поистине неотвратимой.

В первое время командование ВВС, полностью удовлетворяя наши заявки на самолеты-дымзавесчики, истребители и штурмовики, было, однако, довольно скуповатым, когда речь заходила о самолетах ударной авиации, считая, что торпедоносцы с бомбардировщиками и без торпедных катеров в состоянии громить вражеские

конвой. Понимая, что одними уговорами здесь мало чего добьешься, мы пригласили побывать у нас на КП начальника штаба ВВС флота Героя Советского Союза генерал-майора Е. Н. Преображенского. Он приехал. Судя по всему, немалое впечатление произвела на него дружная, согласованная работа офицеров нашего штаба и оперативного пункта штаба ВВС по обеспечению взаимодействия. Но лед окончательно тронулся после того, как Евгений Николаевич побывал на торпедном катере во время учебной атаки по «конвою». Увидев, на что способны действующие в тесном боевом содружестве самолеты и катера, Преображенский вернулся с моря очень довольный.

— Здорово! Честно говоря, я даже не ожидал, что это так здорово! Ох, не хотелось бы мне оказаться на каком-то из кораблей конвоя, по которому будет нанесен такой удар!..

Не менее восторженно, надо полагать, пересказал Евгений Николаевич все виденное генерал-лейтенанту Андрееву. И крепко помог нам. Во всяком случае, после приезда Преображенского все наши заявки на самолеты ударной авиации не урезались, как это случалось порой прежде.

Принимать у нас задачу «Атака конвоя во взаимодействии с авиацией и береговой артиллерией» прибыл начальник штаба флота контр-адмирал В. И. Платонов.

Высокий, по-юношески стройный, несмотря на уже поседевшие виски, Василий Иванович был ветераном Северного флота. Великую Отечественную войну он встретил в должности командира ОВР. Под его командованием начинали свою боевую биографию Александр Шабалин, Василий Лозовский, Сергей Коршунович и многие другие наши катерники. Не удивительно, что начальник штаба флота благоволил к нашей бригаде. Однако проявлялось это не в терпимости к каким-либо недостаткам. Напротив, Василий Иванович руководствовался правилом: кого сильнее люблю, того больше треплю. Вот и на этот раз Платонов вроде бы совершенно безучастно наблюдал за всем, что делалось на КП во время контрольной учебной атаки, лишь изредка, как бы между прочим, задавая короткие вопросы. Но я был уверен, что ни один наш промах не останется незамеченным контр-адмиралом. И не ошибся. На раз-

боре офицеры штаба флота, выходившие в море, не скупились на похвалы в адрес катерников и летчиков. А Платонов, делая заключение, говорил только о недостатках.

— Но в общем-то я доложу командующему флотом, — закончил Василий Иванович, — что хотя и с некоторыми натяжками, однако за отработку задачи по взаимодействию «удовлетворительно» вам поставить можно...

У нас словно гора с плеч: ждать от начальника штаба флота большего было бы ничем не оправданным оптимизмом!

Но все же главный экзамен для нас был еще впереди. Таким экзаменом будет бой — бой уже не с условным, а с настоящим противником.

Я уже говорил, что погода в Заполярье весной и в начале лета очень неустойчива. Если 1944 год и составлял исключение из этого правила, то только лишь в худшую сторону. Весь май и первую половину июня в Варангер-фиорде штормило. Штормы сопровождались то снежными зарядами, то дождями. Сплошные облака нависали, казалось, над самой головой. Мы все же старались не засиживаться в базе. Проводили малыми группами и отрядами поиск целей методом «свободной охоты». Ставили минные заграждения в прибрежных водах между портами Вадсе и Варде. Сначала для этого использовались обычные якорные мины, а потом АМД-1000 (авиационные магнитные донные). Специально приспособленные, они выстреливались, как торпеды, из труб торпедных аппаратов. А мины старых образцов ставились вручную, что в плохую погоду было не просто трудным, но и опасным делом. Применение магнитных мин во много раз повышало боевую эффективность наших постановок. Борьба с этими минами — куда более сложная задача, чем траление якорных мин. А значит, и вероятность подрыва вражеских кораблей увеличилась.

Тому, что вместо якорных у нас стали применяться донные магнитные мины, мы были в очень большой степени обязаны помощнику флагманского минера флота капитану 2 ранга Якимовичу. Он не только горячо

поддержал это предложение, но и принял самое деятельное участие в приспособлении АМД-1000 для выстреливания из торпедных аппаратов. Выходя в море, капитан 2 ранга на практике обучал экипажи катеров.

Нельзя, к сожалению, точно сказать, сколько и какие именно вражеские корабли подорвались на выставленных нами минных банках, хотя наблюдатели не раз докладывали о мощных взрывах в районе между портами Вадсе и Варде. Но о том, что наши хлопоты, связанные с минными постановками, не прошли впустую, свидетельствовали хотя бы появившиеся тут немецкие тральщики типов «М-35» и «М-40», начавшие день за днем старательно «утюжить» море. Транспорты и танкеры противника проходили теперь этот район, как правило, в светлое время суток и непременно за тралами, что ограничивало маневренность и скорость движения конвоев. Этим обстоятельством с успехом воспользовались наши летчики, нанося удары по вражеским кораблям. Вести о победах боевых друзей радовали. Ведь в них была какая-то доля и нашего труда. Но мины — это всего лишь только мины. Мы с нетерпением ждали случая использовать против врага свое главное оружие — торпеды. И непременно в содружестве с авиацией. Однако время шло, а метеосводки продолжали походить одна на другую, словно близнецы: ветер 4—6 баллов, низкая облачность и уже до чертиков надоевшие снежные заряды.

Между тем противник, не ожидая ничего хорошего от наступавшего полярного лета, спешил воспользоваться плохой погодой и протаскивал в Варангер-фиорд конвой за конвоем.

Как тут было не досадовать!..

Но вот наконец-то в двадцатых числах июня погода начала улучшаться. Стих ветер. Прекратились снежные заряды. Между облаками появились голубые «окна». 26 июня авиация провела тщательную разведку вражеских портов Варангер-фиорда. Выяснилось, что в Киркенесе и бухтах Бек-фиорда сосредоточено 17 транспортов и танкеров, 18 сторожевых кораблей и большое число мелких судов. У причалов Лиинахамари стоят транспорт и буксир. В портах Варде и Вадсе скопилось до трех десятков самоходных барж и мотоботов.

Вечером из штаба флота сообщили: утром намечается нанести мощный бомбо-штурмовой удар по кораблям, укрывшимся в Бек-фиорде. В случае попытки противника вывести свои корабли отсюда в другие порты нашей бригаде приказано во взаимодействии с авиацией и береговой артиллерией атаковать и уничтожить их на переходе морем.

Ночь (правда, «день» и «ночь» стали у нас к тому времени понятиями уже довольно условными — солнце не заходило круглые сутки) прошла в приготовлениях к предстоявшему бою. К сожалению, у нас на тот момент в маневренной базе находилось всего лишь четыре торпедных катера из дивизиона В. Н. Алексеева. Но, чтобы по возможности скрыть от противника наши намерения, решено было пока что дополнительных сил в Пумманки не вызывать, хотя в главной базе у нас было достаточно готовых к бою катеров. Стараясь предугадать, что предпримет неприятель после налетов нашей авиации, куда и как вероятнее всего пойдут из Бек-фиорда его корабли, мы с В. А. Чекуровым и В. Н. Алексеевым подробно обсудили различные варианты атак вражеского конвоя. Уточнили со штабами ВВС и СОР последние детали взаимодействия.

Под утро, когда в Москве вот-вот должно было взойти солнце, Валентин Андреевич предложил пройтись.

— Поспать теперь уже все равно не удастся. Пойдемте хоть поразомнемся немного. Подышим свежим воздухом.

После нескольких часов, проведенных в накуренной палатке КП, особенно легко дышалось чистым, крепко настоящим запахом водорослей и вроде бы даже чуть солоноватым на вкус морским воздухом. В чуткой тишине отчетливо слышался приглушенный рокот прибоя и гортанный клекот чаек с недалекого птичьего базара. Для них не существовало войны.

— Что, не спится?!

От землянки, занятой офицерами оперативного пункта штаба ВВС, подошел подполковник Михайлов. Судя по всему, он тоже не спал эту ночь.

— Так и вы не ложились?

— Какой там! Совсем было собрался, так позвонили, что погода портится. Как видно, время удара по Киркенесу будет перенесено.

Тут только я обратил внимание, что так радовавшие нас накануне голубые «окна» в облаках снова закрылись. Противоположный — вражеский — берег Варангер-фиорда затягивало туманной дымкой.

— А что говорят синоптики? Это надолго?

— Да вроде бы ненадолго. Но кто за это может поручиться? Нужно ждать.

Да, ничего другого не оставалось, как только опять ждать, надеясь на лучшее.

А погода, словно бы испытывая наше терпение, в течение дня то улучшалась, то ухудшалась. И только к вечеру стало очевидно, что синоптики все же не ошиблись. К 17 часам облачность рассеялась. Ветер ослаб до 5—6 метров в секунду. Термометр показывал 8 градусов выше нуля.

— Все намеченное состоится, — сообщил, заглянув к нам в палатку, Михайлов. — Время удара — 17 часов 45 минут...

За четверть часа до налета нашей авиации на Киркенес мы поднялись на наш КП. Видимость была отличной. Весь противоположный берег Варангер-фиорда хорошо просматривался.

Первыми появились наши истребители. Подойдя к Луастари, они закружились над аэродромом. Несколько из базировавшихся там «мессершмиттов» и «фокке-вульфов» под прикрытием зенитной артиллерии поднялись было в воздух. Но превосходство в силах было на нашей стороне. И довольно скоро, оставляя за собой черные шлейфы дыма, немецкие самолеты один за другим упали на землю.

Луастарский аэродром противника был надежно заблокирован.

Точно в 17 часов 45 минут к Киркенесу подошла первая группа нашей ударной авиации. Два десятка истребителей-бомбардировщиков, ведомых майором Баберновым, обрушили с высоты двух-трех тысяч метров свой смертоносный груз на зенитные батареи противника и стоявшие в порту корабли. Через четыре минуты над портом спикировали восемь штурмовиков Ил-2. И началось! Прорываясь сквозь ожесточенный зенитный огонь, над Киркенесом и бухтами Бек-фиорда, сменяя друг друга с интервалами в четыре-пять минут, появлялись все новые и новые группы красnozвездных бомбарди-

ровщиков, штурмовиков, истребителей. Менее чем за полчаса заранее намеченные цели атаковало сто двадцать наших самолетов, сбросив, в общей сложности, до пятидесяти тонн бомб.

Однако это были лишь «цветочки»! Спустя некоторое время, не дав возможности гитлеровцам прийти в себя после первого налета, североморские летчики нанесли по Киркенесу и бухтам Бек-фиорда новый, еще более мощный удар.

И тут нервы гитлеровцев не выдержали. Как мы и рассчитывали, надеясь спасти хотя бы часть кораблей, находившихся в Бек-фиорде, противник срочно сформировал конвой в составе пяти транспортов и под охраной почти двух десятков сторожевых кораблей и катеров направил его в сторону Лиинахамари. Этот конвой был обнаружен у Яр-фиорда. Его атаковали истребители-бомбардировщики, ведомые майором Дижевским. Один из транспортов был потоплен, второй поврежден.

А тем временем бомбежка и штурмовка вражеских кораблей, оставшихся в Киркенесе и бухтах Бек-фиорда, продолжалась. В 1 час 5 минут над целями появились пять наших бомбардировщиков и восемь истребителей. Через минуту их сменили пять новых бомбардировщиков, отправивших на дно транспорт. Спустя две минуты, после ожесточенного штурма шести Ил-2 и десяти истребителей, в киркенесском порту ярким факелом вспыхнул тральщик.

Недели две спустя после этого налета мне довелось читать письмо немецкого зенитчика, попавшее к нам в почтовом мешке, добытом разведчиками Леонова. Я выписал из этого письма в свой дневник несколько строчек: «За время войны мне довелось повидать и испытать всякое. Но такого, как 27 и 28 июня, еще не было! Налетам русских самолетов, казалось, не будет конца. Едва только мы успевали отбиться от одних, как появлялись новые. За ними еще и еще, словно их рассеивал над нами из сита сам дьявол. Спустя 10—15 минут непрерывного огня краска на стволах орудий подгорела. А мы все стреляли и стреляли. Уже не целясь. Просто ради того, что за выстрелами был не так страшен рев пикирующих самолетов и непрерывный грохот рвущихся бомб. Когда же наконец все кончилось, мы не досчитались у себя почти половины состава орудийных расче-

тов. Не лучше было и у других. А в порту горело, кажется, все, что только могло гореть...»

Что ж, написано достаточно ярко, а главное — правдиво. Даже с нашего КП, за десятки миль от Бек-фиорда, было видно, как над Киркенесом поднялась и медленно растеклась по небу густая пелена черного дыма, подсвечиваемая снизу яркими отблесками пожаров.

Были потери и у нас. 27-го и 28-го торпедные катера несколько раз выходили в море, чтобы подобрать из воды экипажи наших сбитых самолетов. Но удавалось это, к сожалению, не всегда. Не так-то просто остаться в живых, приняв ледяную ванну Баренцева моря! Однако несколько летчиков все же были спасены и в их числе один из прославленных североморских асов Герой Советского Союза капитан Бурматов. Его истребитель, прорываясь сквозь завесу зенитного огня к Киркенесу, получил несколько пробоин. Из боя пришлось выходить. Капитан сделал все, чтобы дотянуть израненную машину до аэродрома. Но запаса высоты не хватило. И Бурматов вынужден был воспользоваться парашютом. Приводнился он неподалеку от Айновских островов. Для спасения Бурматова тотчас же вышли торпедные катера. Обнаружив их, немецкие береговые батареи не замедлили открыть огонь, задавшись целью если уж не подбить, то хотя бы не допустить катера к летчику. Прикрывшись дымовой завесой, наши катерники все же благополучно подобрали Бурматова.

Пробыл капитан в воде несколько минут, однако, когда его вытащили на борт, у него зуб на зуб не попадал. Возвращаясь в Пумманки, катерники, не теряя времени, раздели капитана, растерли как следует спиртом, не забыв, разумеется, дать ему и выпить. Собрав у кого запасную тельняшку, у кого брюки, у кого форму, переодели летчика во все сухое. Когда катер ошвартовался у пирса, Бурматов горячо поблагодарил моряков и сошел на берег бравым матросом.

После обнаружения конвоя, вышедшего из Бек-фиорда в направлении Лиинахамари, капитан 3 ранга Алексеев уже несколько раз запрашивал «добро» на выход в море для атаки. Мы в свою очередь звонили в штаб флота. Но оттуда следовал один и тот же ответ: «Не

торопитесь. Никуда этот конвой от вас не денется. А открывать немцам наши карты раньше времени не следует. Пусть подойдут поближе. Тогда вместе с береговыми батареями СОР и атакуете».

Между тем погода вновь стала портиться. Небо мало-помалу затягивали плотные низкие облака. Усиливался ветер.

Около 3 часов к нам на КП зашел подполковник Михайлов и сообщил, что из-за ухудшения погоды самолеты отзываются на свои аэродромы.

— Как ни досадно, однако с немецким конвоем вам с артиллеристами генерала Дубовцева придется разрываться уже без нас. Правда, воздушную разведку конвоя мы будем по возможности продолжать. Да и истребителям приказано на всякий случай оставаться в готовности к вылету.

В 3 часа 15 минут транспорты были замечены на подходе к Суоловуоно. Понимая, как видно, что мы не оставим их в покое, гитлеровцы на этот раз особенно усердствовали в постановке дымовых завес. Сторожевые катера и специально высланные «Хейнкели-115» старались вовсю. Огромное белесое облако поднималось от воды на добрых 50—60 метров. Не так-то просто было бы отыскать цели в этом плотном искусственном тумане, но, на наше счастье, сильные порывы ветра время от времени рвали дымзавесу, приоткрывая вражеские корабли.

В 3 часа 24 минуты, как раз во время такого очередного разрыва завесы, конвой был обнаружен на подходе к Пиуровуоно. Пользуясь целеуказаниями воздушной разведки, по транспортам ударили тяжелые батареи с полуострова Средний. Как и следовало ожидать, по позициям наших артиллеристов открыли огонь батареи противника с полуострова Нурменсетти. В контрбатейную борьбу с ними вступили артиллеристы 104-го пушечного полка. И над морем, то на какое-то время ослабевающая, то снова нарастая, начал перекатываться немолчный грохот канонады.

Но сторожевым катерам удалось снова упрятать транспорты в дымовую завесу. Не видя противника, наши артиллеристы прекратили огонь: не было смысла расходовать снаряды попусту. В 3 часа 39 минут в дымовой завесе вновь образовалось «окно», через которое просматривался конвой, и тяжелые батареи возобновили

стрельбу. Теперь, отрезая врагу путь назад, артиллеристы сосредоточили весь огонь по концевым кораблям. Через несколько секунд один из транспортов, груженный, как видно, боеприпасами, получил прямое попадание. Офицеры, находившиеся в это время у нас на КП, рассказывали потом, как по белесому туману дымзавесы пробежала гамма ослепительно ярких красок — от густо-красной до темно-синей. Эта фантастическая радуга поднялась вверх на добрых полсотни метров. Не успела она погаснуть, как, перекрывая гул артиллерийских выстрелов, донесся сильный взрыв, и в небе стала медленно растекаться черная туча дыма.

Воодушевленные успехом, наши артиллеристы усилили огонь. В районе мыса Нумерониemi запылали гигантскими кострами еще два транспорта.

Мне не довелось видеть всего этого. Перебравшись с КП на пирс, я в это время провожал в бой три торпедных катера капитана 3 ранга В. Н. Алексеева (у четвертого из находившихся в Пумманках катеров отказал мотор и, к большому огорчению старшего лейтенанта Боцарева, ему пришлось остаться в базе).

Дивизион Алексеева был самым «молодым» на бригаде. Окончательно сформированный только в начале мая, он и по нумерации числился третьим. Матросы, старшины и офицеры, во главе с командиром дивизиона и его заместителем по политической части капитан-лейтенантом Слепцовым, дневали и ночевали на только что полученных катерах. Но все же на подготовку и освоение материальной части ушло около месяца. Потом начались тренировки и учения по отработке взаимодействия с авиацией. И лишь в десятых числах июня катера дивизиона начали нести боевое дежурство в Пумманках. Выходили на «свободную охоту». Ставили на путях движения кораблей противника минные банки. Однако до главного дела еще не доходило. Только теперь вот экипажам катеров старшего лейтенанта Домысловского, лейтенанта Юрченко и старшего лейтенанта Шуляковского, как и самому Алексееву, предстояло впервые атаковать вражеский конвой.

Собрались на мостике катера Домысловского. Пока Алексеев, развернув карту, коротко ставил боевую зада-

чу, я наблюдал за окружившими его командирами катеров. Все трое, понятно, волновались. Предстоящая торпедная атака приобретала для них значение экзамена на боевую зрелость. Но волновался каждый по-своему.

Наиболее уверенно держался старший лейтенант В. А. Домысловский. До прихода к нам на бригаду Виктор Александрович в свои двадцать с небольшим лет успел уже повоевать на Волге. У нас тут при формировании дивизиона случилось так, что почти половина назначенных на этот катер матросов и старшин годились командиру по возрасту чуть ли не в отцы. В начале я, по правде говоря, был даже несколько озабочен тем, сумеет ли Домысловский установить правильные взаимоотношения со своими подчиненными. Однако опасения эти оказались напрасными. Экипаж катера довольно скоро стал выделяться своей спаянностью, внешне суровой, но верной мужской дружбой, в чем была немалая заслуга командира. В числе первых из дивизиона экипажу этого катера стали поручаться самостоятельные боевые задачи, и он успешно справлялся с ними. Можно было не сомневаться, что и в предстоявшей атаке старший лейтенант и его подчиненные, встретившись с любой неожиданностью, не растеряются и выполнят приказ.

Лейтенант В. Д. Юрченко всем своим видом старался показать, что он внимательно слушает командира дивизиона. Однако по глазам лейтенанта без труда можно было понять, что мысленно он был уже там, возле вражеского конвоя, в атаке, и никак не мог дожидаться главного — приказа о выходе в море. И что с этим можно было поделать? Молодость!.. Она всегда отдает предпочтение не словам, а делам.

Спокойным, казалось, был и старший лейтенант П. Я. Шуляковский. Он даже смотрел куда-то в сторону, словно бы то, о чем тут шла речь, его никак не касалось. Но спокойствие это было напускным. На самом деле никто из командиров катеров наверняка не волновался так, как Петр Яковлевич. И на то были свои причины.

Шуляковского я знал еще по Дальнему Востоку. Он служил у нас там боцманом торпедного катера. Потом

в числе нескольких лучших старшин был отправлен на курсы. Вернулся на бригаду уже офицером. Большой практический опыт, обретенный за годы плаванья на катерах, помог ему за сравнительно короткий срок стать хорошим командиром. Спустя некоторое время Петр Яковлевич командовал уже звеном. Но тут настал срок очередных оргмероприятий (сколько этих самых, недоброй памяти, оргмероприятий выпало на нашу долю — не перечесть!) и Шуляковскому, как не окончившему военно-морского училища, пришлось уйти в запас.

Встретились мы с Петром Яковлевичем вновь здесь, в Заполярье. Адъютант доложил, что ко мне просит разрешения зайти старший лейтенант Шуляковский. Вначале, увидев грузного, мешковато одетого офицера, я даже усомнился: уж тот ли это Шуляковский, которого я знал? Но это был он, Петр Яковлевич! Разговорились. И Шуляковский рассказал свою печальную историю. Призванный, как и тысячи других, на флот в самом начале Великой Отечественной войны, он был назначен... командиром береговой базы. Трудно сказать, что тому причиной — то ли неразбериха тех дней, то ли недобросовестность какого-то чинуши, которому было абсолютно все равно, куда кого направить, лишь бы только место заполнить — однако нелепее этого назначения трудно и придумать. Дальше случилось то, чего и следовало ожидать: хозяйственником Петр Яковлевич оказался, мягко говоря, неважным и по неопытности одному выдал что-то, не оформив должным образом; другому дал нужное, но, оказывается, неположенное. Сейчас, спокойно разобравшись во всем, Шуляковского побрали бы, чего он, понятно, заслуживал, и отпустили с миром на корабль. Но в то суровое время было не так. Состоялся суд. Учитывая, что в действиях Шуляковского отсутствовала какая-либо личная корысть, приговор был снисходительным: несколько лет заключения, причем исполнение приговора откладывается на все время, пока он будет на фронте.

— Так я стал преступником, — глухо закончил свой рассказ Петр Яковлевич. — И хотя честное имя мне уже удалось восстановить своей кровью, однако пятно судимости все же осталось, словно каинова печать...

Действительно, когда встал вопрос о назначении П. Я. Шуляковского командиром торпедного катера,

нашлись «осторожные» люди, утверждавшие, что делать этого никак нельзя. «Командир катера?! Да у него штурвал в руках. А если!..» Но я достаточно хорошо знал Петра Яковлевича и верил ему. Приятно было узнать, что такого же мнения придерживался и начальник политотдела бригады Мураневич. Наше совместное ходатайство о назначении Шуляковского поддержал адмирал Головкин: «Чепуха какая. Перестать верить в людей — так как же можно тогда воевать!»

Экипаж встретил Петра Яковлевича несколько настороженно: на все катера приходят молодые, энергичные командиры, а тут — пожилой дядя из запаса. Такому ли служить на торпедных катерах? Но первый же штормовой поход убедил матросов и старшин, что их командир — человек, которому можно спокойно верить свою жизнь. Несколько флегматичный, Шуляковский был скуп на слова, но зато ни от чего однажды сказанного никогда не отступал. А моряки всегда уважают командира, у которого слова не расходятся с делами. С первых дней, к примеру, Петр Яковлевич сказал, что всякий раз, вернувшись с похода, нужно, прежде чем идти отдыхать, полностью готовить катер к выходу в море. И это стало нерушимым правилом. Сколько раз бывало, что люди буквально с ног валялись от усталости, однако никто из экипажа не появлялся в казарме до тех пор, пока топливные баки не пополнялись бензином, пока еще и еще раз скрупулезно не проверялись моторы и торпеды. Причем все это делалось добротнo, потому что ни одна упущенная мелочь не оставалась незамеченной командиром. Шуляковский не сходил с катера вместе со всеми, хотя уставал на походе больше других. Выносливость этого в общем-то немолодого человека порой не могла не вызывать удивления и служила примером не только для подчиненных. Не раз обстановка складывалась так, что после бессонной ночи, проведенной в штормовом море, экипажу катера, только что вернувшегося в базу, приходилось вновь отправляться в поход. Кое-кто в этом случае старался найти то одну, то другую причину, лишь бы хоть наемного задержаться у пирса. А от Шуляковского всегда можно было услышать один и тот же ответ: «Есть! Разрешите выполнять!» Его не выводили из равновесия ни сложность задания, ни шторм, ни усталость.

Но тогда, ночью 28 июня, Петр Яковлевич волновался. Ведь если для Домысловского и Юрченко успех в предстоящей атаке был важен, потому что давал право стать в один ряд с командирами, уже прошедшими проверку боем, то для старшего лейтенанта Шуляковского он нужен был вдвойне!

В. Н. Алексеев закончил короткий инструктаж и доложил, что катера к выходу в море готовы.

— Никаких вопросов нет? Все ясно и по проведению атаки, и по взаимодействию с авиацией? — спросил я командиров катеров.

— Ясно все.

— Что же, тогда счастливого пути и три дюйма чистой воды вам под килем.

Через несколько минут катера с бортовыми номерами «241», «239» и «237» вышли строем клина в район острова Большой Айнов. Там, сообразуясь с обстановкой, командир дивизиона сам должен был определить наиболее выгодный момент для прорыва через дымовые завесы и атаки вражеских кораблей.

Около 4 часов 30 минут утра из штаба оборонительного района сообщили, что береговые батареи, не видя целей, прекращают обстрел. Поле боя предоставлялось торпедным катерам.

Информировав об этом Алексеева, мы передали ему последние данные воздушной разведки о местонахождении отдельных кораблей рассеянного вражеского конвоя.

— Ищите в дымовой завесе! Ищите в дымовой завесе!

В 4 часа 53 минуты из приемника, настроенного на волну катеров, находящихся в море, послышался голос Алексеева. Приказав катерам двигаться строем фронта, он начал поиск целей.

На КП наступила настороженная тишина. Офицеры старались даже объясняться друг с другом жестами. Только в случае крайней необходимости перекидывались двумя-тремя словами. Да и то вполголоса. Все внимательно вслушивались в легкое потрескивание динамика.

Секундная стрелка обежала один круг, второй, третий... Довольно часто встречающаяся в рассказах о войне фраза о медленно тянущихся секундах стала в неко-

торой мере уже тривиальной. Но что поделаешь, если пассивное ожидание в бою действительно удлиняло время, и не так-то просто было избавиться от впечатления, что стрелки часов в это время начинали двигаться медленнее, нежели обычно.

Наконец динамик заговорил: старший лейтенант Домысловский доложил о сторожевых катерах противника, подновляющих растаскиваемую ветром дымзавесу. Тотчас береговые батареи с полуострова Среднего произвели несколько залпов: упорные тренировки с артиллеристами по отработке тактического взаимодействия начинали приносить практические результаты! И снова томительное ожидание. В 5 часов 10 минут послышался взволнованный голос лейтенанта Юрченко: «Транспорт! Вижу транспорт!» Как видно, лейтенант забыл в спешке выключить микрофон, и из динамика стали доноситься глуховатые выстрелы пушек, татаканье пулеметов. Потом над морем прогрехотал мощный взрыв. Мы ясно слышали его на КП и без радио. А Виталий Деомидович восторженно кричал из динамика: «Готов! Пошли фрицы треске на закуску!»

Боевому успеху экипажа «239» мы радовались не меньше, чем сам лейтенант Юрченко. Молодцы!.. Почин сделан. Первый транспорт в этом бою уничтожен.

А с моря донесся новый взрыв. С наблюдательного пункта одной из береговых батарей сообщили, что в районе действия наших катеров, сквозь густую пелену дымзавесы, все явственнее проступает оранжевый ореол большого пожара. «Такой факелище полыхает, что наверняка и от вас видно!»

Кого же теперь можно поздравить с успехом — Домысловского или Шуляковского? Нетерпение было так велико, что рука сама собой тянулась к микрофону. Но тут из динамика донесся голос Алексева.

— Торпеды использовал. Иду в условленный район сбора.

Значит, и на боевой счет экипажа катера старшего лейтенанта Домысловского можно было записать первую победу. Дело оставалось за экипажем «237». Неужели Шуляковскому так и не посчастливится найти для своих торпед стоящей цели? Ведь ему это так важно!..

С моря донесся еще взрыв.

— Атаковал тральщик и сторожевой катер, — коротко доложил Шуляковский.

На КП — общая радость! Все улыбаются. Поздравляют друг друга. И есть с чем: ни один из катеров не возвращается домой с неиспользованными торпедами!

Связавшись по телефону с командующим флотом, доложил ему об успешных атаках катеров Алексеева. В ответ адмирал сказал:

— Как возвратятся, передай им благодарность Военного совета. Да подтолкни там своих кадровиков, чтобы скорее представили всех участников боя к наградам. Они того заслужили...

Да, экипажи всех трех катеров отлично выполнили задачу. Теперь нам предстояло позаботиться о том, чтобы победители благополучно возвратились в Пумманки.

Как было заранее условлено, каждый из торпедных катеров, проведя атаку, отходил к северу. А так как атаковывали они свои цели не одновременно, то и выходили из дымовой завесы на чистую воду по одному: сначала катер лейтенанта Юрченко, потом старшего лейтенанта Домысловского и последним — старшего лейтенанта Шуляковского. Этим-то и решил было воспользоваться противник. Лелея надежду хотя бы в какой-то мере рассчитаться за свои потопленные корабли, гитлеровцы послали на перехват торпедных катеров группу «Мессершмиттов-109», чтобы расстрелять их поодиночке. Еще в недавнем прошлом, когда нам в подобных случаях приходилось связываться по радио или телефону с командованием авиации, находившимся в Ваенге, эта затея немцев, возможно, и принесла бы им какой-то успех. Но теперь все было иначе: получив сообщение о появлении «мессершмиттов», подполковник Михайлов из расположенного рядом с нашим КП оперативного пункта штаба ВВС тотчас отдал приказание на ближний аэродром, и оттуда поднялась группа «яковлевых». Встретив самолеты противника еще на подходе к катерам, наши истребители связали врага боем и сбили один за другим три «мессершмитта». Под надежным воздушным прикрытием торпедные катера без потерь ошвартовались в Пумманках.

Встреча на пирсе была очень теплой. В ответ на благодарность Военного совета флота экипажи катеров да-

И. А. Никитин

А. Ф. Горбачев

В. М. Лозовский атакует

В. Н. Зимовец

Моряки торпедного катера № 13 после вручения наград сфотографировались с начальником штаба флота. В первом ряду: главный старшина А. Иванов, капитан-лейтенант А. О. Шабалин, контр-адмирал В. И. Платонов, главный старшина П. Козлов, старший краснофлотец Д. Бессонов. Во втором ряду: старшина 2-й статьи Ф. Иванов, юнга А. Малышев, старший краснофлотец И. Ярошенко, краснофлотец А. Яруш

ли слово еще настойчивее искать и топить вражеские корабли.

Подробная запись донесений и радиопереговоров торпедных катеров, участвовавших в бою, дополненная живыми рассказами участников, дала возможность во всех деталях восстановить ход атак, подробно разобрать все их достоинства и недостатки. Такие разборы, кстати сказать, являлись лучшей школой воинского мастерства.

...Через семь минут после начала поиска конвоя, ровно в 5 часов утра, слева по курсу флагманского катера старшего лейтенанта Домысловского был обнаружен немецкий сторожевой катер. Спустя несколько секунд к нему присоединились еще два. Следуя в направлении на норд-вест, они начали постановку очередной дымзавесы. Капитан 3 ранга Алексеев поступил в этом случае совершенно правильно: не отвлекаясь от главного — поиска транспортов, — он передал данные о местонахождении замеченных сторожевых катеров артиллеристам (огнем взаимодействующих с нами береговых батарей эти катера были скоро рассеяны), а сам подал команду к повороту: «Все вдруг!» на 40 градусов вправо и, увеличив ход до полного, увел торпедные катера в поставленную противником дымзавесу.

Через несколько минут прямо по носу, в расстоянии четырех-пяти кабельтовых, открылся занятый противником берег. Осмотрелись. По данным, полученным командиром дивизиона, конвой должен был в это время находиться где-то поблизости. А его не было. То ли транспорты, увеличив скорость, успели уже миновать этот район, то ли, напротив, задержались, и только вот-вот появятся. Наступили те ответственные минуты поиска, которые во многом определяют успех или неудачу боя. И тут Алексеев допустил ошибку, которая потом, на разборе, стала предметом большого и поучительного разговора для всех остальных командиров отрядов и дивизионов о «границах» их руководства командирами торпедных катеров в бою. Проводя первый свой бой, Владимир Николаевич на какое-то время запомнил ту простую истину, что командиры катеров — это не просто исполнители, нуждающиеся в постоянной подсказке, а люди, способные и обученные принимать са-

мостоятельные решения и претворять их в жизнь. Приведя катера в заданный район, комдив должен был, поделившись последними данными о местонахождении противника, предоставить командирам необходимую свободу действий в поиске целей. Это было тем более необходимо в данных конкретных условиях, когда конвой распался. Если же и давать какие-то советы, так лишь с одной целью — предупредить ошибки, указать на промах, иначе говоря, учить командиров правильному маневру. А Алексеев пытался вместо всего этого установить совершенно ненужную опеку. Дело дошло до того, что начал даже диктовать командирам отдельно маневрирующих катеров курсы и скорости, с которыми им следовало, по его мнению, идти. В условиях плохой видимости — а катера вели поиск в дымзавесе — это неминуемо должно было привести к большим неприятностям.

К счастью, Алексеев вовремя понял и исправил свою ошибку. И дело сразу пошло на лад. В 5 часов 10 минут, получив полную свободу в проведении поиска, лейтенант Юрченко обнаружил слева от себя, на дистанции восемь кабельтовых, транспорт и боевой корабль противника (что это был за корабль, установить так и не удалось), шедшие курсом около 300 градусов. Несмотря на яростный обстрел, Виталий Деомидович умело выполнил довольно сложный маневр, обеспечивший выход катера на выгодный курсовой угол цели, и успешно атаковал транспорт. Еще через три минуты Домысловский, шедший вдоль внешней кромки дымзавесы, заметил и атаковал вражеский танкер. Тут также не было промаха. Увенчался успехом и поиск Шуляковского. Находясь внутри дымзавесы, он почти в упор встретился с тральщиком и несколькими сторожевыми катерами. С дистанции два кабельтова Петр Яковлевич атаковал тральщик торпедами, а пулеметным огнем обстрелял ближайший к нему сторожевой катер. Тральщик взорвался на глазах у наших моряков. Отмечались попадания и во вражеский катер.

1 или 2 июля, не помню точно, прошедший бой подробно разбирался в штабе флота.

— Что ж, общий итог можно признать удовлетвори-

тельным, — сказал в заключение разбора адмирал А. Г. Головкин. — Практически менее чем за сутки наша авиация, береговая артиллерия и торпедные катера, взаимодействуя друг с другом, «списали» из состава немецкого флота семь транспортов общим водоизмещением около сорока тысяч тонн, танкер, два тральщика, два сторожевых корабля. Сбили тринадцать вражеских самолетов. Кроме того, по данным, подтвержденным разведкой, в порту Киркенес разрушено несколько важных объектов. Не хочу выступать в роли провидца, однако есть все основания считать, что теперь гитлеровцы вряд ли попытаются проводить свои конвои в Лиинахамари. Сейчас мы в состоянии обеспечить и обеспечим полную блокаду Петсамо!

Действительно, с 28 июня Петсамо было у нас на прочном запоре. Это в немалой мере затруднило противнику снабжение его лапландской армии. Теперь все — от патронов до сухарей — ей нужно было подвозить из Киркенеса по автомобильным дорогам. Сократились и поставки такого важного для фашистской Германии стратегического сырья, как никелевая руда.

А ведь бой 28 июня был по существу первой пробой тактического взаимодействия разнородных сил Северного флота в борьбе с врагом. «Кулак», о котором говорил в марте командующий флотом, только-только по-настоящему сжался!..

НАШ КП — ВЫСОТА 200

В Пумманках состоялась торжественная церемония вручения боевых наград участникам боя у Петсамо-вуоно.

Экипажи катеров построились на пирсе неподалеку от своих кораблей. Словно пожелав быть свидетелем столь знаменательного события, в разрывах облаков показалось солнце, отражаясь в голубоватой чаше бухты.

В звенящей тишине прозвучали скупые слова приказа командующего флотом. К маленькому столику, заставленному красными коробочками с орденами и медалями, подходили, один за другим, Алексеев, Домысловский, Шуляковский, Юрченко, старшины и матросы. Вручая по поручению командующего правительственные награды, я желал каждому новых боевых успехов. В ответ слышалось взволнованное:

— Служу Советскому Союзу!

...Первая правительственная награда!.. Сколько бы раз потом тебе ни выпадала честь прикреплять к своей тужурке полученные ордена и медали, этот день — день вручения первой правительственной награды — остается в памяти на всю жизнь!

После вручения боевых наград состоялся праздничный ужин.

Обычно такие знаменательные события мы отмечали в нашей главной базе. Правда, и там офицерская кают-компания представляла собой обычную бревенчатую «залу», как нередко называют в деревнях большие ком-

наты. Но она была очень уютной. И обязаны мы этим были нашим женщинам.

Моей жене, Зинаиде Андреевне, так и не представился случай воспользоваться знаниями, полученными на курсах Красного Креста. В бригаде и без нее не было недостатка в медицинских работниках. Тогда вместе с няней Зоей, как мы частенько называли жену флагсвязиста бригады Зою Григорьевну Смирнову, Надеждой Корсунской, Евгенией Коршунович, Анной Решетько и Галиной Кисовой, при активной поддержке политотдела, они взяли на себя заботы по благоустройству нашей базы. Вскоре в кают-компании и в матросской столовой появились на столах белоснежные скатерти. На тумбочках в офицерском общежитии — аккуратные салфетки, а на окнах — украшенные мережкой шторы. Удивительно, но, оказывается, даже самые обыкновенные бутылки, любовно обернутые цветной бумагой, могут не без успеха заменить вазы, а ветки незамысловатой карельской березки, с нежными зелеными листочками, в состоянии поспорить скромной прелестью с букетами цветов. Этот небольшой, но дружный коллектив женщин, которых можно было увидеть то склонившимися над швейной машинкой, то в белых фартучках официанток, то просто с мокрой половой тряпкой в руках, катерники с доброй улыбкой называли внештатным подразделением капитана интендантской службы М. И. Корсунского.

Наша дружба с Военно-воздушными силами флота не ограничивалась только нанесением совместных ударов по вражеским конвоям в Варангер-фиорде. Мы по-братски делились всем, в том числе и кадрами. Среди тех, кто пришел к нам на бригаду из авиации, был, в частности, М. И. Корсунский.

Материально-техническое обеспечение такого большого и мобильного соединения, как наша бригада, было делом очень хлопотным и трудным. Но начальник службы снабжения М. И. Корсунский и командир береговой базы капитан-лейтенант Я. С. Когаленко не ограничивались исполнением только, как говорят, по штату положенных обязанностей, а постоянно находили себе какие-то новые заботы. В подтверждение этого можно привести самые различные примеры.

В губу, где находилась наша главная база, впадала небольшая речушка. Моряки заметили, что в нее заходит семга. Раздобыв где-то сети и подобрав бригаду матросов, наши интенданты организовали лов рыбы. Сами засаливали ее. И к пайку катерников добавилась еще великолепная закуска. Наши гости, лакомясь тающей во рту семгой, не сразу верили, что она собственного изготовления.

Была у нас своя «швальня» — портновская мастерская. Но Корсунского не устраивало просто добротное сшитое обмундирование. Михаил Исаевич добился как-то, чтобы из мурманского ателье Военторга к нам наезжали время от времени мастера-закройщики. И приятно было смотреть на офицеров, щеголявших в красиво сшитых шинелях, тужурках и кителях.

В один из своих приездов к нам адмирал А. Г. Головкин поинтересовался, как всегда, не терпят ли катерники в чем нужды, сполна ли выдается нам все положенное. Никаких поводов для жалоб у нас не было. Но присутствовавший при этом разговоре начальник службы снабжения бригады придерживался иного мнения.

— С витаминами, товарищ командующий, плоховато. Моряки чуть ли не с начала войны свежих фруктов не видели. А ведь служат-то за Полярным кругом!..

— Что ж, претензия справедливая, — согласился Арсений Григорьевич, — но ведь Крым от немцев освобожден. Так не ждите, пока тыл флота преподнесет вам яблоки на блюдечке с голубой каемочкой. Берите самолет да слетайте за ними сами.

Не знаю точно, как Корсунскому удалось заполучить в ВВС специальный Ли-2, однако спустя несколько дней Михаил Исаевич отправился в свою, как шутили катерники, фруктовую экспедицию. Можно себе представить, сколько трудностей пришлось преодолеть капитану интендантской службы (сам он не любил распространяться на эту тему), но довольно скоро Ли-2 возвратился плотно забитый ящиками с фруктами. Мы поделились его душистым грузом с госпиталем, с летчиками, но и наши катерники, после трудных походов, с удовольствием лакомились сочными яблоками, добрым словом вспоминая интендантов.

Демобилизовавшись после окончания войны,

М. И. Корсунский работал директором треста внутренних водоемов Латвийской ССР. Разводил зеркальных карпов и раков. В одной из Скандинавских стран, насколько помнится со слов Михаила Исаевича — в Швеции, был, а возможно и сейчас существует, ресторан, фирменным блюдом которого были русские раки. Корсунский чуть ли не каждый день отправлял в адрес этого ресторана специальный самолет, перегоняя, по его выражению, раковые шейки на золотую валюту.

С Я. С. Когаленко мы расстались в 1945 году: я уехал воевать на Балтику, а он остался в Заполярье. С тех пор и не виделись. До меня доходили слухи, что Яков Степанович, отвоевав, вновь стал рыбаком, но писем от него я не получал и сам не писал, не зная его адреса.

Минуло двадцать лет. И вот в феврале 1965 года у меня раздался телефонный звонок. Глуховатый с хрипотцой голос спросил: «Это комбриг Кузьмин?» Уже по обращению стало ясно, что говорит кто-то из сослуживцев военных лет. Но кто?.. Оказалось, Яков Степанович Когаленко!

Допоздна засиделись мы с ним в тот день. Припомнили все пережитое. Вспомнили сослуживцев по североморской бригаде. Вспомнили и нашу кают-компанию. С улыбкой Яков Степанович рассказал, сколько хлопот ему и Корсунскому доставляли жареные поросята. По примеру подводников, у нас тоже каждый из катеров, возвращаясь с победой, стал давать при входе в базу длинные очереди из пушек и пулеметов — по количеству потопленных кораблей, и экипажу этого катера преподносился жареный поросенок. Командир базы вынужден был в связи с этим организовать специальную свиноферму. Однако скоро она была уже не в состоянии удовлетворить наших потребностей. Якову Степановичу нередко приходилось брать поросят в долг в других соединениях.

А вот 14 июля праздничный ужин в связи с вручением правительственных наград состоялся не в нашей, главной базе, а в Пумманках. Тут офицерская кают-компания размещалась в простом сарае, замаски-

рованном под окружающие скалы. Внутри стояли грубосколоченные столы, длинные деревянные скамьи и несколько табуреток. Все это выглядело не очень-то уютно, но мы не жаловались.

Как ни приятно сидеть в кругу боевых друзей за праздничным столом, но мне нужно было возвращаться на КП.

Еще три дня назад, 11 июля, воздушная разведка обнаружила в районе Тромсе несколько немецких кораблей, шедших на восток, в сторону Варангер-фиорда. Потом из-за плохой погоды никаких сведений об этих кораблях мы не получали. И только во второй половине дня 13 июля самолету оперативной разведки флота удалось отыскать у Магерей Сунна три транспорта в сопровождении тральщика. Это было, как мы посчитали, только ядро будущего конвоя, которое должно было обростать по пути все новыми и новыми кораблями. Так именно и случилось. Утром 14 июля воздушная разведка сообщила уже о трех группах немецких кораблей, шедших на соединение друг с другом. В первую из этих групп входило два транспорта, шесть сторожевых кораблей и тральщик; во вторую — три транспорта и пять сторожевых кораблей; в третью — транспорт, две самоходные баржи и тральщик. Позднее, объединенные в один конвой, эти корабли были замечены возле Лакс-фиорда. Спустя еще несколько часов — в районе Сверхольтклубба. В 19 часов воздушная разведка обнаружила конвой у Парсангер-фиорда и уточнила его состав: шесть транспортов, два миноносца, шесть сторожевых кораблей, три тральщика и шесть сторожевых катеров — всего 23 единицы.

К полученному ранее предварительному распоряжению штаба флота, переданному в адрес командующего ВВС, командиров бригад подводных лодок и торпедных катеров о нанесении ударов по обнаруженным немецким кораблям, мы получили дополнительный приказ адмирала Головки: «Атаковать конвой совместно с авиацией, как только он войдет в пределы Варангер-фиорда».

Начали готовиться к выполнению задачи. Но погода вдруг начала портиться. У нас тут нет-нет да в голубо-

ватых «окнах» проглядывало солнце, а противоположный берег фиорда все больше и больше затягивала туманная дымка. К западу от Варде небо обложили низкие плотные облака, лишая воздушную разведку возможности вести наблюдение за продвижением вражеских кораблей. Конвой по существу был потерян.

Оставив на КП В. А. Чекурова, я выехал на причал вручить боевые награды участникам боя 28 июня. Но душа, как говорят, была не на месте. И хотя по-прежнему никаких сведений о конвое не поступало, я все же торопился с возвращением на КП.

По дороге к машине зашел в офицерское общежитие. Тут никого не было. Те, кому предстояло выходить в море, готовили катера, а остальные просто сошли на пирс. В такие минуты всегда есть что-то напомнить, сказать другу. Только в одном из кубриков слышались гитарные переборы и тихая песня. Лейтенант В. Д. Юрченко напевал вполголоса свою любимую «Землянку».

— Катер к выходу готов, товарищ комбриг, — доложил лейтенант, прерывая песню. — Сам тоже. Зашел переодеться, да вот семиструнная соблазнила...

Юрченко уже успел сменить парадную тужурку на рабочий китель и толстый шерстяной свитер, а щегольские полуботинки — на походные сапоги. Порыжевший от воды и ветра меховой шлем был сдвинут на затылок.

— Готовы? А орден где?.. Скромничаете? Но это скромность излишняя.

...Вообще-то наши катерники выходили в море без орденов и медалей. Те, кто нес службу на верхней палубе, как бы тщательно ни одевались, все равно через час-полтора промокали до нитки, причем морская вода не щадила и орденов, разъедая эмаль. Мотористы в адской жаре моторных отсеков даже зимой работали в легких комбинезонах, а то и в одних тельняшках. Поэтому ордена и медали оставались на базе, ожидая возвращения своих хозяев. И только первые три дня после получения правительственной награды ее непременно брали с собой и в море — это было неписаным правилом.

— Орден? Вот он, — Виталий Деомидович бережно вынул из бокового кармана кителя орден Красного Знамени. — Нет, товарищ комбриг, правила нашего я не нарушу...

Лейтенант, любуясь, подержал несколько секунд орден на ладони, потом поцеловал его и так же бережно спрятал.

Этот наш разговор мне живо вспомнился спустя несколько месяцев в связи с другим памятным в истории нашей бригады случаем.

...В ночь на 10 сентября 1944 года девять наших катеров получили задание перебросить из Полярного на Рыбачий батальон морской пехоты. Заботливо усадив пехотинцев в кубрики и на верхней палубе между торпедными аппаратами, мы вышли в штормовое море. Шли без огней. В сказочно-таинственном свете полярного сияния, перебегающего по небу разноцветными всполохами, за кормой можно было рассмотреть силуэты всего двух-трех катеров. Остальные скрывала темнота.

При подходе к Рыбачьему приблизились на полторы-две мили к берегу. Теперь с левого борта нет-нет да угадывались в темноте припудренные снегом скалы. И вдруг, словно вспышкой магии, берег и море озарились ярким всполохом пламени. Потом долетел глуховатый звук взрыва.

— Что случилось?! — запросил я по радиофону.

— Позади меня взорвался катер, — доложил командир дивизиона В. Н. Алексеев.

Кто-то подорвался на mine! Первым инстинктивным желанием было скорее переложить руль и поспешить на помощь. Но на борту каждого из катеров кроме команды находилось еще до шестидесяти морских пехотинцев. Чтобы не скапливаться в опасном от мин районе и предотвратить подрыв других катеров, приказываю:

— Алексеев! Окажите помощь! Остальным следовать за мной!

Отошли мористее. Уменьшили ход. Выставили дополнительно еще по одному впередсмотрящему: теперь на палубе каждого катера лежало возле форштевня по два матроса. Уцепившись за «башмак» и леерную снасть, они зорко смотрели с обоих бортов в воду, стараясь предотвратить опасную встречу с плавающими минами.

Миновали Вайду-губу, мыс Вайталахти... Уже скоро

родной причал. А голову сверлит одна и та же тревожная мысль: кто подорвался и какова судьба людей?

Швартуемся. К пирсу подошел второй, третий, четвертый катер... С седьмого на берег сошел комдив и доложил, что до него к подорвавшемуся на mine катеру подошел лейтенант Володько. Поэтому он продолжал переход вместе со всеми. Что же, Алексеев поступил правильно. Неразумно оставаться в опасном районе двум катерам.

Мокрые, ежась на холодном ветру, моряки все же не уходили с пирса. Ждали. Вот наконец ошвартовался еще один катер. Командир отряда капитан-лейтенант Антонов доложил, что катер старшего лейтенанта Ганкина, на котором шли он и заместитель командира дивизиона по политчасти капитан-лейтенант Слепцов, подорвался на mine. Заметили ее метрах в 10—15 прямо по курсу. Командир катера успел отвести нос, но мина взорвалась под моторным отсеком.

Вот что рассказывает в письме, полученном мною во время работы над этими записками, сам Н. М. Ганкин, ныне капитан 1 ранга.

«В ночь на 10 сентября 1944 года вместе с другими и я принял на свой торпедный катер в Полярном 50 морских пехотинцев. Фактически их, правда, оказалось 51. Один из солдат, горя желанием участвовать в бою, ухитрился незамеченным пробраться на катер и был обнаружен уже на переходе. Командовал этой группой морских пехотинцев лейтенант. На моем катере шли также командир отряда Антонов и заместитель командира дивизиона по политической части Слепцов.

Была, помнится, безлунная, но звездная ночь. По небу нет-нет да пробежали всполохи полярного сияния. Я шел в строю за катером старшего лейтенанта Василия Комарова. За мной — катер лейтенанта Василия Володько. Припоминается интересная деталь: за несколько минут до подрыва катера все находящиеся на мостике обратили внимание на яркую падающую звезду. Старшина группы мотористов главный старшина Федоров, бывалый моряк из запасников, сказал: «Это наша счастливая звезда!» Однако примета не оправдалась. Скоро я увидел по носу, несколько левее, круглый плавающий предмет, появившийся в кильватерной струе впереди идущего катера. Мина!.. Я отвернул вправо, затем влево, рас-

считывая оставить мину с левого борта. Но, увы, не успел. Все мы слышали легкий удар за кормой. А через мгновение грохнул взрыв. За кормой поднялся столб воды. Рядом с нами на мостике не оказалось главного старшины Федорова: взрывом его выбросило за борт. Вся корма катера была затоплена водой. Командир отделения мотористов и с ним еще два моториста, которые находились у моторов, погибли.

Буквально через минуту к нам подошел Володько. Мы подали конец. Ему удалось подать нам свой.

Морские пехотинцы, находившиеся в кубрике, стали подниматься на верхнюю палубу. Антонов направлял их на нос, а оттуда по тросам они переходили на катер лейтенанта Володько. Слепцов и боцман стояли с обеих сторон рубки, не пропуская никого на корму.

Все это делалось каждым, думаю, чисто механически, в силу заранее выработанных навыков, а в голове была только одна мысль: «Неужели нам вот-вот предстоит навсегда проститься с родным кораблем?..»

Между тем нос катера поднимался все выше и выше. Вода проникла уже в рубку. И все же никто из экипажа не покидал корабля. К этому времени один из тросов, переданных с катера на катер, оказался вытравленным до предела, и его пришлось обрубить. Понимая, что малейшее промедление грозит людям неминуемой гибелью, я приказал матросам покинуть корабль. Но приказание это мне, помнится, пришлось повторить дважды или даже трижды. Только после того как я стал называть матросов по фамилиям, они один за другим стали подходить к единственному тросу, еще связывавшему нас с катером Володько, и, уцепившись руками и ногами, перебираться по нему. Вслед за ними сошли и офицеры. С момента подрыва на mine до полной эвакуации людей с тонущего корабля прошло, как помнится, минут восемь — десять.

Едва только был обрублен последний трос, как оставленный нами катер встал почти вертикально, сделал около двух оборотов вокруг своей оси и погрузился в море. Никто из матросов не таил в эти секунды своих слез. Ведь для каждого моряка гибель родного корабля — величайшее горе.

Катер лейтенанта Володько был сильно перегружен. На нем кроме двух наших экипажей было еще более

сотни морских пехотинцев. Однако прежде чем идти в Пумманки, мы сделали попытку отыскать тех, кто оказался за бортом. Подобрать удалось только главного старшину Федорова, продержавшегося неведомо как все это время за какой-то деревянный обломок. Тут неподалеку опять была обнаружена мина. Чтобы не погубить всех, кто был на катере, следовало немедленно уходить. Лейтенант Володько так и поступил.

Из личного состава моего катера погибли тогда трое мотористов, комендор да трое морских пехотинцев».

А в ту сентябрьскую ночь 1944 года, выслушав на пирсе в Пумманках доклад командира отряда капитан-лейтенанта Антонова, я спросил:

— Когда к вам подошла помощь, товарищ Ганкин?

— Лейтенант Володько подошел и передал нам стальной конец буквально через минуту-полторы после нашего подрыва на mine.

— Когда с тонущего катера сошел командир?—спрашиваю Антонова.

— Как положено, товарищ комбриг, последним...

Что же, командиры обоих катеров с честью вышли из трудного испытания, безупречно выполнили свои обязанности по уставу. Пользуясь правом, предоставленным мне как командиру соединения, я приказал офицеру по кадрам принести два ордена Красной Звезды и тут же, на пирсе, от имени Советского правительства вручил их Науму Моисеевичу Ганкину и Василию Карповичу Володько.

Принимая заслуженные награды, командиры катеров благоговейно поцеловали полученные ордена, по-сыновьи благодаря народ за столь высокую оценку их заслуг перед матерью-Родиной.

Судя по стрелкам часов, уже давно наступила ночь. В других местах можно было любоваться звездами, вытканными причудливый серебристый узор по темно-синему бархату неба, а тут, в Заполярье, мы не расставались в эту пору с солнцем круглыми сутками. Вот и сейчас, перевалив через зенит с востока на запад, солнце не зашло, а начало по горизонту обратный путь, окрасив нежным пурпуром силуэты окружающих бухту скал.

Жизнь в Пумманках была ключом. Готовясь к походу, матросы, старшины и офицеры сновали по берегу: кто спускался к плавучему пирсу, возле которого стояли, покачиваясь на легкой волне, катера, кто, напротив, взбирался по крутым тропкам меж валунов к складам и жилым землянкам.

Землянки эти, ловко замаскированные под разбросанные тут и там валуны и гранитные глыбы, с выбивающимися из каменных расщелин карликовыми березками, посторонний человек мог разыскать разве что по тропкам, сходящимся в тугой узел возле пирса. Но для воздушной разведки противника это был слишком не приметный ориентир. Поэтому неоднократные попытки немецких береговых батарей разрушить нашу маневренную базу заканчивались неудачей. А один из таких артиллерийских обстрелов принес даже совершенно неожиданную пользу. Осматривая места, куда угодили снаряды, кто-то из катерников обратил внимание, что большая воронка медленно заполняется чистой водой. Попробовали на вкус. Пресная! Нашлись специалисты, сумевшие расширить выход вскрытого разорвавшимся снарядом ключа. Так у нас появился свой «водопровод» и мы были избавлены от необходимости завозить в Пумманки пресную воду в специальных цистернах.

Экипажи катеров были, можно сказать, дома, а мне предстояло еще 15—20 минут тряской езды. Лихо преодолевая крутые подъемы и каменные осыпи, выдавший всякие виды юркий вездеход взбирался все выше и выше. Вот наконец и вершина горы Земляной—высота 200, где расположен наш бригадный командный пункт.

Создание берегового командного пункта для управления боевыми действиями торпедных катеров в море явилось в какой-то мере новинкой. И, насколько мне известно, не только для советского Военно-Морского Флота. Как всякое новое дело, оно встретило поначалу непонимание одних и вольное или невольное противодействие других.

Нас пытались убедить, что затея с береговым командным пунктом бригады—излишние хлопоты. В случае атаки большим числом катеров команду

бригады-де удобнее всего самому выйти в море, чтобы руководить боем, учитывая конкретно складывающуюся обстановку. Но мы не могли воспользоваться этим советом хотя бы потому, что в каждом бою стремились к обеспечению тактического взаимодействия торпедных катеров с авиацией. Для этого необходимо хорошо знать обстановку не только в районе боя, но и в зоне всего Варангер-фиорда, а также иметь надежную связь с атакующими торпедными катерами, с подразделениями взаимодействующей авиации и с командованием флота. Сделать все это, находясь на торпедном катере, попросту невозможно. Тут необходим специально оборудованный береговой командный пункт.

Нам предлагали воспользоваться опытом черноморцев и вместо стационарного берегового командного пункта создавать при необходимости походные штабы. Действительно, катерники Черноморского флота в период крупных десантных операций осенью 1943 года организовывали свои походные штабы, в частности на Тамани. И в тех условиях это решение было правильным. Но нас не могли устроить такие походные штабы. Они не являлись оперативными пунктами управления боевыми действиями торпедных катеров в море, потому что находившиеся в этих походных штабах командиры соединений не видели своими глазами, если так можно сказать, поле боя. Именно поэтому мы отказались от предложения командования СОР организовать наш КП на их уже оборудованном командном пункте на полуострове Рыбачьем. По правде говоря, велик был соблазн вселиваться в комфортабельное по тому времени помещение, прикрытое не только землей, но и тройным накатом толстенных бревен, но отсюда очень плохо, к сожалению, был виден Варангер-фиорд. Другое дело—облюбованная нами вершина горы Земляной — высота 200 — на полуострове Среднем. Тут не было ничего, кроме поросших мхом валунов и нескольких изогнутых в три погибели злым северным ветром карликовых березок. Но зато отсюда открывалась вся панорама Варангер-фиорда, от Петсамо до Варде.

После решающего слова командующего флотом, одоббившего наш выбор, саперы «вырыли» динамитом в граните на вершине горы Земляной большой котлован. Мы водрузили туда сорокаместную палатку. Поставили

в ней койки, большой стол для карт и телефонов, повесили несколько фонарей «летучая мышь», в углу пристроили печку. В соседней маленькой палатке расположились радисты со своей аппаратурой, а в отдельной выгородке — шифровальщики. Крохотную деревянную пристройку отвели под камбуз. Все это по мере сил и возможностей замаскировали под окружающую местность. На этом оборудование КП было закончено. Сидели мы тут, случалось, месяцами. Хотя палатки и считались утепленными (вероятно, потому, что плохо вентилировались), холодно в них было, как и на улице. Спать приходилось в меховых спальных мешках, накрываясь еще одеялами из оленьих шкур. Вода зачастую замерзала, и, чтобы умыться, приходилось растапливать лед. Во всем этом, разумеется, было мало приятного. Но мы не жаловались.

В сентябре 1944 года в составе делегации трудящихся Новосибирской области в гостях у североморцев побывала поэтесса Елизавета Стюарт. В одном из ее стихотворений, написанных во время пребывания на Рыбачьем и Среднем, очень точно, на мой взгляд, передана обстановка и настроение людей, которым довелось воевать в тех местах:

В окне палатки с самого утра
Текут по стеклам дождевые слезы.
И клонятся, в угоду всем ветрам,
Среди камней полярные березы.

На жаркой печке котелок воды
Поет, не умолкая ни минуты.
Сырые стены... И на всем следы
Мужского неумелого уюта.

Здесь можно сбросить мокрую шинель
И руки протянуть к горячей печи...
И написать невесте ли, жене ль
О невозможной и желанной встрече.

И вновь идти — где грохот батарей
И где война на миг не умолкала...
Цветов не видеть... Запах тополей
Почти забыть на голых этих скалах!

Порой случится вдруг затосковать...
Но даже чайки здесь не часто плачут!
Здесь можно жить. Здесь нужно воевать.
Так и воюют люди на Рыбачьем.

Несмотря на все бытовые неурядицы командного пункта, здесь можно было жить, а главное — воевать, потому что созданный на высоте 200 КП полностью оправдывал свое назначение оперативного пункта управления боевыми действиями торпедных катеров в Варангер-фиорде.

СЛАВА ГЕРОЕВ НЕ УМИРАЕТ

Хотя к моменту моего приезда время уже давно перевалило за полночь, никто из офицеров, находившихся на КП, не спал и, судя по неразобранным спальным мешкам, ложиться не собирался. В. А. Чекуров доложил, что до сих пор никаких сведений о конвое не поступало.

— Мы тут прикинули,—сказал Валентин Андреевич, подойдя к карте оперативной обстановки,—и получается, что где-то около половины второго ночи конвой, если, конечно, ничего не изменилось, пройдет Тана-фиорд. А завтра поутру будет в районе Варде...

— Самолеты-разведчики больше не вылетали?..

— Связывались с генералом Преображенским. Евгений Николаевич сердится. Говорит, что вылетали не раз, и все бесполезно. По-прежнему низкая облачность и туманная дымка по всему побережью. Погода для фашистов словно по заказу...

Действительно, с погодой гитлеровцам явно повезло.

Чем ближе подходило утро, тем больше возрастало беспокойство. С одной стороны, нельзя было медлить с разворачиванием торпедных катеров, иначе транспорты противника могут безнаказанно пройти в порт назначения, а с другой — мы не имели никаких сведений о конвое. Посылать же катера в море на «авось» нельзя.

В 8 часов по нашему настоянию с аэродрома поднялось в воздух звено Як-7. Летчикам поручалось разведать район от полуострова Стурре-Эккерей до островов Варде. Но самолеты скоро возвратились ни с чем.

— Облачность там чуть ли не до самой воды,—доложил командир звена.—Словно в вате летишь. Что тут рассмотришь?

Вот ведь незадача!

Однако вскоре на КП позвонили из штаба флота и сообщили, что разведцентром штаба перехвачена радиограмма немецкого миноносца, адресованная в Киркенес. Передача велась из района Варде. Наконец-то после более двенадцати часов неизвестности поступили долгожданные сведения о конвое.

Как потом оказалось, в 6 часов 13 минут и в 7 часов 21 минуту по вражеским кораблям нанесли удар наши подводные лодки «С-56» капитана 2 ранга Г. И. Щедрина (ныне вице-адмирал, Герой Советского Союза) и «М-200» капитан-лейтенанта В. Л. Гладкова. Атаковав конвой в районе мыса Харбакен (в 15 милях северо-западнее Варде), они отправили на дно транспорт и миноносец. Корабли охранения преследовали наши лодки. Ни Щедрин, ни Гладков не имели возможности сразу же донести о координатах атакованного конвоя. Но что не удалось нашим подводникам, сделали сами гитлеровцы: командир одного из миноносцев, входивших в состав конвоя, радировал в Киркенес о нападении советских подводных лодок.

Передача продолжалась всего несколько секунд. Однако и этого оказалось достаточным, чтобы наши радиоразведчики не только приняли текст, но и определили примерные координаты миноносца. Ценность этих разведданных состояла в том, что они были получены от самих немцев. Теперь не оставалось никаких неясностей. Конвой противника вот-вот должен был войти в пределы Варангер-фиорда.

На КП закипела работа. Связались по телефону с пирсом. Командиру дивизиона В. Н. Алексееву, который должен был возглавить предстоявшую атаку, было приказано изготавиться к бою. Чтобы не терять лишней минуты при выходе в море, катера отошли от стенки и легли в дрейф. У пирса остался лишь катер, на котором шел комдив.

— И никуда не отлучайтесь, Владимир Николаевич. Ждите у телефона дальнейших указаний.

— Есть, ждать указаний!

Чтобы принять окончательное решение на бой и доложить его штабу флота, нам очень важно было знать хотя бы примерный состав, а еще лучше — и ордер конвоя. Связались с командиром оперативной группы самолетов, стоявших на соседнем аэродроме, Героем Советского Союза капитаном Осыка. Объяснили, что нужно послать на разведку звено истребителей. Тот долго не соглашался, ссылаясь на плохую видимость. Мы настаивали, притом просили, чтобы послан был не кто-нибудь, а непременно старший лейтенант Богданов со своим ведомым. Эти летчики уже давно работают с нами и знают, что нужно торпедным катерам.

— Ну ладно, — согласился наконец строптивый капитан.

Вызвали к телефону Богданова. Он, как всегда, был готов к немедленному вылету. Уточнили ему задачу.

— Хорошо. Сделаем все возможное...

Вот это ответ!

В 8 часов 45 минут над высотой 200 пронеслись два Як-7, уходя в сторону Варде. В томительном ожидании прошло минут сорок. Неужели вновь неудача?.. Но вот все явственнее слышится рокот моторов возвращающихся «яков». Над нашим КП Богданов качнул крыльями: «Все в порядке». В 9 часов 37 минут, совершив посадку, старший лейтенант доложил, что полчаса назад конвой был в трех милях к норд-весту от Варде. В голове уступом идут два миноносца. В хвосте конвоя — третий миноносец. Внутри плотного охранения — пять транспортов водоизмещением по пять-шесть тысяч и два — по полторы-две тысячи тонн. Общий состав конвоя, со сторожевыми кораблями и катерами, до тридцати вымпелов. Облачность — низкая. Нижний край облаков чуть ли не за клотики мачт цепляется. Но по самой воде видимость кабельтовых двадцать.

Теперь стало все ясно. Место вражеских кораблей уточнено. Досадно, но из-за низкой облачности наша ударная авиация не сможет принять участие в разгроме конвоя. Торпедным катерам придется атаковать вражеские корабли одним. Однако командующий ВВС, несмотря на плохую погоду, принял решение все же поддержать нас истребителями прикрытия.

Доложили свое решение командующему флотом.

— Атаковать конвой самостоятельно сможете? — переспросил адмирал.

— Так точно...

— Хорошо. Ваше решение утверждаю. Передайте командирам выходящих в море катеров от Военного совета и от меня лично пожелание успеха.

Алексеев, как договорились, ждал у телефона. Я передал ему приказ об атаке конвоя.

— Главное — внезапность! И не забывайте об использовании дымзавес. Как можно больше дыма!.. Военный совет и командующий флотом желают вам успеха...

И вполголоса добавил от себя:

— Уверен, что все будет хорошо, Владимир. Счастливо!

— Спасибо, Саша, — ответил Алексеев.

Отвалив от пирса, катер комдива обошел бухту. Стоя на рубке, Алексеев передал командирам катеров, лежащих в дрейфе, полученный приказ.

В 10 часов 30 минут восемь торпедных катеров выскочили в Варангер-фиорд и, оставляя за кормой высокие пенные буруны, помчались на запад, туда, где уже на весь горизонт встали темно-синей стеной кучевые облака и туманная дымка, прикрывая вражеский берег и конвой. До него катерам нужно было пройти около тридцати миль.

Чуть заметная в стереотрубу алая косица комдивского брейд-вымпела трепетала по ветру на короткой мачте катера с бортовым номером «243». Его вел старший лейтенант А. Ф. Горбачев. Худощавый, с крупными чертами лица и сильными шахтерскими руками, этот офицер шел в свой первый бой. Перед самым выходом в море на его катере испортился компас. Александр Федорович здорово переволновался, опасаясь, что его не выпустят из базы. Но поломку быстро исправили.

На борту головного катера шел писатель Александр Ильич Зонин. Надо сказать, что у моряков нашей бригады было много друзей среди литераторов и журналистов. Часто навещали нас корреспонденты флотской газеты «Краснофлотец» А. Марьямов, П. Синцов, М. Величко и Н. Флеров; корреспонденты «Красного флота» В. Ананьев, П. Старостин, Я. Островский, писатели

А. Зонин, Н. Панов и другие. Наезжая к нам, они не упускали случая побывать в море.

Вот и на этот раз, приехав в Пумманки и узнав о предстоящем походе, А. И. Зонин попросту потребовал, чтобы я разрешил и ему пойти в море на атаку конвоя.

— Подумаешь, «опасно!» Сейчас везде опасно. Поймите, Александр Васильевич, мне нужно пойти обязательно. Что же я напишу, если не увижу всего этого собственными глазами?

Пришлось согласиться. И я препоручил Александра Ильича заботам командира дивизиона.

Замыкал колонну катер «239» лейтенанта Юрченко. Виталий Деомидович несколько задержался с заводкой моторов и теперь, форсируя скорость, догонял остальных. С воздуха катера прикрывали истребители, ведомые старшим лейтенантом Богдановым.

К 12 часам дня подошли к вражескому берегу. Но штурман допустил ошибку в счислении пути, и вместо мыса Скальное отряд оказался несколько севернее, в районе маяка Стуршер. Чертыхаясь, Алексеев вынужден был просить у нас и летчиков уточнить ему место конвоя.

— Поворачивайте на зюйд-вест, — передали мы ему с КП. — Конвой сейчас возле островов Лилле-Эккерей.

— Есть! Вас понял, — ответил комдив.

Развернувшись «Все вдруг» влево, катера кинулись вдогонку за вражескими кораблями. А конвой подходил все ближе и ближе к Бек-фиорду, и гитлеровцы наверняка полагали, что теперь-то им уже ничто не угрожает.

Совершенно неожиданно как для нас, на КП, так и для Алексеева, спешившего на перехват конвоя, в 12 часов 30 минут в эфире послышался голос В. Д. Юрченко. Лейтенант докладывал, что его катер ошвартовался к борту малого танкера.

— Заложили подрывные патроны. Захватили документы. Сами сейчас отходим...

Пока мы строили догадки, что за танкер взял на abordаж отчаянный лейтенант и где все это происходит, от Юрченко поступил новый доклад:

— Полный порядок! Подрывные патроны сработали

на славу. Танкер горит. Расстреляли и подожгли еще дрейфтер. Имею одну торпеду. Иду на соединение с основной группой...

Только после возвращения катеров в базу из рассказа старшего лейтенанта Домысловского удалось установить некоторые подробности этих докладов. Как оказалось, идя последними в строю, они обнаружили к зюйду от мыса Лангбунес, на дистанции семь-восемь кабельтовых, немецкий танкер водоизмещением 800—900 тонн и дрейфтер. Цели, конечно, не ахти какие, но и их упускать просто так резона не было. Рассчитывая участвовать еще и в атаке конвоя, Виталий Деомидович выпустил по танкеру одну торпеду. Тот, сманеврировав, сумел от нее уклониться. Но не таков был характер у Юрченко, чтобы остановиться в начатом деле на полпути. Передав Домысловскому, чтобы тот догонял остальные катера, сам лейтенант начал обстрел танкера из пушек и пулеметов. Немцы попытались было отстреливаться. Но, теряя артиллерийскую прислугу, танкер прижимался все ближе к берегу и наконец вылез на мель. Тогда Юрченко решил взять вражеское судно на абордаж. Лихо ошвартовавшись к борту танкера, лейтенант высадил абордажную команду. Все остальное было известно из докладов самого Юрченко.

Голос Виталия Деомидовича мы слышали снова через полчаса, в 13 часов 7 минут, но уже по совершенно иному поводу.

В 12 часов 34 минуты основная группа торпедных катеров, ведомая В. Н. Алексеевым, догнала конвой.

— Справа семьдесят — миноносец!.. Там же транспорт!.. Еще два транспорта!.. Сторожевой корабль!.. Сторожевые катера! Один, второй, третий... — еле успевал докладывать боцман головного катера.

Решив пробиться в голову конвоя, начавшего уже втягиваться в Бек-фиорд под защиту береговых батарей, Алексеев приказал Горбачеву идти прежним курсом.

— Прикроем остальных. Ставьте отсекающую дым-завесу!

Оставляя за кормой клубящийся белый хвост дыма, тут же поднимающегося вверх сплошной стеной, «243», не снижая скорости, неся вперед.

Гитлеровцы всполошились. В сторону нашего катера потянулись трассы снарядов и пуль. Один из миноносцев, резко изменив курс и форсируя скорость, спешил выйти на траверзные углы транспортов. Наперерез катеру Горбачева устремились несколько катеров и сторожевой корабль противника. Стало ясно, что прорыв в голову конвоя осуществить не удастся. Что же, тогда в атаку!..

Алексеев, тронув Горбачева за плечо, показал на ближайший транспорт:

— Дай залп парой торпед! — Чтобы быть услышанным в реве моторов и грохоте артиллерийской стрельбы, Владимиру Николаевичу пришлось кричать. — Не жадничай. Стреляй двумя. Он того стоит!

Развернувшись вправо, катер устремился к транспорту водоизмещением в пять-шесть тысяч тонн. Тот, грузно осев, отчаянно дымил. Как видно, капитан приказал механику, не жалея машин, выжимать максимальную скорость. Но напрасно! Чуть наклонившись вперед, крепко сжимая штурвал, Горбачев, не обращая внимания на ожесточенный обстрел, подходил к цели все ближе и ближе. Четырнадцать... десять... восемь кабельтовых. На катере появились раненые. А. И. Зонин, взяв на себя обязанности санитаря, перевязал, как умел, радиста старшину 1-й статьи Тertyчного. Осколки вражеских снарядов угодили в корму. Пробило баллон дымаппаратуры. Загорелись лежащие тут же дымовые шашки. Боцман коммунист Сергей Огурцов, обжигая руки, сумел сбросить за борт и баллон, и охваченные пламенем шашки. Когда до транспорта оставалось менее четырех кабельтовых, старший лейтенант на мгновение повернул голову в сторону комдива. Алексеев, поняв немой вопрос, кивнул в знак согласия. Тут же с обоих бортов катера в воду нырнули торпеды и, оставляя за собой еле заметный след, устремились к цели.

Резко переложив штурвал вправо, Горбачев начал отход. Он не видел, как спустя несколько секунд на месте атакованного транспорта вспыхнуло яркое пламя. Услышал только глухой раскат взрыва, свидетельствовавшего, что выпущенные торпеды достигли цели. Теперь все мысли и действия старшего лейтенанта были подчинены одному: сбить с толку, обмануть преследовавшие вражеские корабли. Маневрируя курсами и скоро-

стями, сбрасывая время от времени за корму дымовые шашки, Горбачев уводил свой корабль на северо-восток. Через двадцать минут, убедившись, что за кормой чисто, старший лейтенант сбавил скорость. Алексеев от всей души поздравил Александра Федоровича с первой победой.

Успешная атака флагмана послужила добрым примером для командиров остальных катеров. Спустя три минуты над Варангер-фиордом раздалось еще два взрыва: старший лейтенант Виктор Домысловский отправил на дно сторожевой корабль, а лейтенант Василий Быков — транспорт. Еще через десять минут, получив по две торпеды от старших лейтенантов Виктора Лихоманова и Виктора Бочкарева, затонули два миноносца.

Особенно примечательной была атака Лихоманова. Виктор Митрофанович на пути к конвою пересек несколько дымзавес. Вражеские корабли в это время уже начали втягиваться в Бек-фиорд и поддерживались огнем тяжелой батареи с острова Скуггерей. Заметив наш катер, навстречу ему устремился миноносец. Миноносец против катера!.. Немцы не сомневались, что командир советского торпедного катера тотчас отвернет. Слишком уж неравны были силы. Но Лихоманов смело шел на лобовое сближение. Нервы сдали у командира вражеского корабля. Миноносец развернулся бортом и открыл по катеру огонь из пушек и пулеметов. Для Лихоманова это был очень удобный момент, чтобы выпустить торпеды. Но еще была велика дистанция. Цель могла уклониться. А бить нужно наверняка! И хотя среди моряков катера были уже раненые, старший лейтенант продолжал сближаться с миноносцем. Упорство наших моряков вконец обескуражило гитлеровцев. Миноносец развернулся и, форсируя скорость, начал уходить.

— Стрелять в корму миноносца не имело смысла. В этом случае не было и пятидесятипроцентной гарантии успеха атаки. Да я почему-то был уверен, — рассказывал потом на разборе этого боя сам Виктор Митрофанович, — что он непременно попытается еще раз накрыть нас своим бортовым огнем. Нужно было только не упустить момента начала циркуляции. Так оно и случилось. Я увидел, что нос миноносца начал катиться влево. Ну, а дальше все было уже просто. Торпеды мы выпустили с дистанции не более трех-четырех кабельтовых...

Да, если судить по рассказу Виктора Митрофановича, то все было действительно довольно просто. Но ведь до момента торпедного залпа катер старшего лейтенанта Лихоманова около двенадцати минут находился под ожесточенным обстрелом миноносца и тяжелой береговой батареи. И на отходе еще ему трижды довелось встретиться со сторожевыми катерами противника, отбиваясь от них огнем пушек и пулеметов.

В то время когда флагманский катер Горбачева, успешно потопив транспорт, уже вышел из боя, катера старшего лейтенанта Чепелкина и лейтенанта Никитина только выходили в атаку.

Пробившись к конвою, Леонид Чепелкин обнаружил два транспорта — один водоизмещением до шести, а второй — до двух тысяч тонн, идущих в сопровождении шести сторожевых катеров. Вырвавшийся из дымовой завесы торпедный катер был встречен плотным артиллерийским огнем. Смертоносная паутина разноцветных трасс сплеталась вокруг него все гуще и гуще. Но это не остановило наших катерников. Пройдя чуть ли не под самой кормой одного из немецких сторожевых катеров, старший лейтенант с предельно короткой дистанции атаковал и отправил на дно крупнотоннажный транспорт.

Так же успешно прошла атака лейтенанта Ивана Никитина. Меткий торпедный залп его катера вычеркнул из списков фашистского флота сторожевой корабль.

...Два приемника — один настроенный на волну торпедных катеров, а второй — истребителей прикрытия — наполняли палатку КП хаосом звуков. Посторонний человек вряд ли смог бы что-нибудь разобрать в коротких донесениях, лаконичных советах и отрывистых восклицаниях, перемежаемых грохотом взрывов, выстрелами, треском пулеметных очередей. Но офицеры штаба по голосам командиров, радистов, летчиков безошибочно определяли, какой из катеров уже выпустил торпеды, кто только начинает атаку, а кто, столкнувшись с кораблями охранения конвоя, вынужден вести артиллерийский бой или прикрываться дымзавесами.

В 13 часов 7 минут все наши катера разрядились по целям. Мы с КП готовились дать уже приказание об отходе в базу, как вдруг из динамика донесся голос лейтенанта Юрченко, заставивший всех насторожиться.

— Получил прямое попадание снаряда в моторное отделение. Потерял ход!..

Вместо возвращения в базу, торпедные катера и истребители прикрытия получили приказ найти и оказать помощь экипажу Юрченко. Так хотелось услышать короткий доклад: «Все в порядке!.. Личный состав с подбитого катера снят и находится в безопасности». Но вместо этого из динамика неслось:

— «Двести тридцать девятого» не вижу. Много огня!.. Поиску мешает низкая облачность и дымзавесы.

— «Двести тридцать девятый»! Покажите свое место! Дайте ракету!..

А донесения Юрченко становились все тревожнее. Скоро он доложил, что их расстреливают сторожевой корабль и немецкие катера. И наконец:

— Окружены... Катер тонет... Прощайте, друзья!

На командном пункте наступила тягостная тишина.

Торпедные катера и истребители прикрытия еще минут тридцать продолжали поиск, надеясь хотя бы подобрать кого-нибудь из экипажа «двести тридцать девятого». Все напрасно. С тяжелым сердцем я передал по радио команду об общем отходе в базу.

При возвращении катеров в Пумманки, как только они вышли из района низкой облачности (а примерно с середины Варангер-фиорда и до полуострова Среднего облачности не было и даже нет-нет да проглядывало солнце), с аэродрома Луастари вылетело более десятка ФВ-190 и М-109. Подполковник Михайлов тут же приказал поднять с нашего аэродрома на поддержку сопровождавшим торпедные катера истребителям еще три-четыре звена «яков». Пока шли эти переговоры, мы решили пойти на хитрость. Зная, что противник перехватывает наши радиопереговоры, флагсвязист бригады передал открытым текстом:

— Я — «КН-один!» Я — «КН-один!» — (По случайному совпадению позывные бригады состояли из первой и последней букв моей фамилии, но многие из катерников были уверены, что это сделано умышленно.) — Поднять в воздух тридцать истребителей!..

Мы хотели ввести врага в заблуждение. И это в какой-то мере удалось. С аэродрома в воздух поднялись

и вступили в бой с превосходящим числом немецких истребителей не тридцать, а всего восемь «яков», но и они сумели обеспечить благополучный отход наших катеров в базу. Главным тут было, несомненно, мастерство и дерзость наших летчиков. В то же время какую-то роль сыграл и чисто психологический момент: гитлеровцы, перехватив нашу радиogramму, все время ждали, что в воздухе вот-вот появится еще два десятка советских самолетов и вели бой, как говорят, с оглядкой.

Общий результат можно было признать успешным. По существу первая практическая проверка тактики нанесения массированного удара торпедных катеров по вражескому конвою в светлое время суток стоила гитлеровцам девяти потопленных кораблей: трех транспортов, танкера и дрейфтера, общим водоизмещением до 25 тысяч тонн, двух эскадренных миноносцев и двух сторожевых кораблей. Одновременная атака катеров по различным целям с интенсивным использованием дымзавес дезорганизовала противника, распылила силы охранения конвоя. Потери гитлеровцев наверняка были бы еще бóльшими, если бы низкая облачность не исключила возможности комбинированного удара торпедных катеров, бомбардировщиков и торпедоносцев.

Однако радость от трудной, но большой победы омрачалась гибелью катера лейтенанта Юрченко. Трудно было смириться с мыслью, что этот дружный и отлично подготовленный экипаж, сумевший всего за два боевых похода отправить на дно три вражеских корабля, больше уже не выйдет в море. Лейтенант и его подчиненные мужественно и смело сражались с врагом. Поэтому представляя к боевым наградам участников боя 15 июля, мы не забыли и славный экипаж «двести тридцать девятого». Лейтенант В. Д. Юрченко, в частности, был награжден орденом Красного Знамени.

Минуло четыре месяца... С освобождением советскими войсками Киркенеса до нас дошли слухи, что среди вызволенных из неволи заключенных фашистского лагеря смерти оказалось несколько матросов и старшин из экипажа торпедного катера «239». Это было настоль-

ко неожиданно, что мы вначале не поверили. Однако сведения подтвердились. Мы попытались связаться с нашими товарищами. Но не сумели. По существовавшему тогда порядку, они, как и все, кто имел несчастье попасть в плен к гитлеровцам, оказались в контрольном лагере. Свидание с ними не разрешалось. Удалось только выяснить, что командира катера среди них нет.

Прошел еще месяц. И вдруг пришло письмо от Юрченко. Виталий Деомидович писал, что жив, здоров, многое за это время довелось испытать, но сейчас вернулся на Родину и находится в контрольном лагере. Мы тут же написали письма в соответствующие инстанции, характеризуя Виталия Деомидовича с самой лучшей стороны. Трудно сказать, насколько это ему помогло.

Кончилась война. Вскоре мне пришлось по делам службы выехать за границу. А в 1949 году, получив назначение на должность командира Кронштадтской военно-морской базы и приехав в город-крепость, я узнал, что В. Д. Юрченко служит тут же. Он был уже капитан-лейтенантом, старшим помощником командира одного из учебных кораблей.

Встреча наша была и радостной, и в какой-то мере печальной.

Припомнив некоторые подробности боя 15 июля 1944 года, Виталий Деомидович рассказал о дальнейшей нелегкой судьбе членов экипажа своего катера.

Уничтожив танкер и дрифтер противника, Юрченко поспешил к вражескому конвою. К этому времени остальные наши катера успели уже разрядиться по целям и отходили. Лейтенанту пришлось атаковать в одиночку.

Прорвавшись к конвою, Юрченко обнаружил транспорт. Начал сближаться с целью. Но в это время из ближайшей дымзавесы появился сторожевой корабль. Открыл огонь. Один из снарядов угодил в моторное отделение. Катер потерял ход.

— Положение наше было трудным, — рассказывал Виталий Деомидович. — Однако никто из членов экипажа не дрогнул, не пал духом. Мы знали, что другие катера ищут нас. И это придавало морякам силы...

Вражеский сторожевой корабль, подойдя на близкую дистанцию, начал расстреливать катер чуть ли не в упор. Потом подошел и открыл огонь еще один вражеский корабль. Советские моряки вступили в неравный бой. На предложение врага сдаться в плен, они ответили дружным огнем пушек и пулеметов. А когда сторожевой корабль, маневрируя перед носом катера, оказался на прицеле, Юрченко выпустил по нему свою последнюю торпеду.

— Вот только попал или нет — не знаю. Такой грохот стоял, что взрыва можно было и не услышать, а на сторожевик тут же нашла дымзавеса.

На смену сторожевому кораблю подошли шесть или семь вражеских катеров. Бой разгорелся с новой силой. Пали смертью героев на своих боевых постах командир отделения пулеметчиков старшина 2-й статьи Василий Гребенец, старшие матросы Сергей Заякин и Виктор Макаров, матрос Алексей Черняев. Тяжело ранило старшего матроса Владимира Стройкина и матроса Леонида Воробьева.

Юрченко и старшина команды мотористов Николай Суслов готовили в рубке ручные гранаты. Дело дошло уже до этого! Суслов вставлял очередной взрыватель, и вдруг прогрехотал взрыв.

— Сначала я подумал, — рассказывал Виталий Деомидович, — что это в руках у Суслова граната взорвалась. А на самом деле в рубку снаряд угодил. Приподнял я Суслова, а у него из раны на груди кровь струей бежит. Меня тоже в голову и в бедро ранило...

Потом Юрченко ранило еще раз. Потерял сознание. Очнувшись, услышал немецкую речь. Понял, что попал в плен. Увидел на себе вместо кителя матросскую суконку. Потом уже узнал, что это его, тяжело раненного, переодели матросы. И сколько потом в лагере гитлеровцы ни допытывались, ни били моряков, стараясь выведать, нет ли среди пленных офицеров и коммунистов, никто командира не выдал. Это спасло его от расстрела.

Из киркенесского лагеря Юрченко, Селянин, Минин, Воробьев были переведены в лагерь под Тромсе. Отсюда Виталий Деомидович бежал. С помощью норвежских патриотов прошел горными тропами в Швецию. Там его интернировали, а потом через посольство передали нашему командованию.

В 1950 году Виталий Деомидович демобилизовался. До меня доходили слухи, что работал он сначала на рыболовецких судах в Жданове, затем — девиатором в Темрюке. Потом куда-то пропал. И только в 1964 году я получил от него весточку с Сахалина. Виталий Деомидович писал, что стал коммунистом. Плавал старшим помощником командира на большом морозильном рыболовецком траулере «Барабаш», а недавно назначен капитан-директором БМРТ «Арково». «Ловим рыбу у Алеутской гряды. Работа напряженная, нервная. Порой тяжелая. Но нравится. Полезность свою ощущаю...»

Я искренне порадовался за Юрченко.

Славный воинский подвиг экипажа торпедного катера с бортовым номером «239» не остался в забвении. Напомнил о нем в своей статье, вошедшей в сборник «Через фиорды», вице-адмирал В. Н. Алексеев. О мужестве в бою, стойкости и преданности Родине в условиях вражеского плена В. Д. Юрченко и его подчиненных подробно рассказала газета Краснознаменного Северного флота «На страже Заполярья». Этой же благородной теме посвящена документальная повесть А. Золототрубова и Я. Шнейдера «Сказание о последнем бое». А самое главное — плавает сейчас в составе наших боевых кораблей новый торпедный катер с бортовым номером «239»!

Слава героев не умирает!

НАСТОЯЩИЕ ТОВАРИЩИ

Помню, в тридцатые годы на Черном море проводились испытания первых образцов наших отечественных торпедных катеров — одножелобного «Первенца», а затем уже серийного двухжелобного катера «АНТ-14», названного по имени своего конструктора Андрея Николаевича Туполева. Довелось принять участие в этих испытаниях и мне: после окончания училища я был направлен в Севастополь и назначен сначала командиром катера, а потом звена, в которое входили как раз и «Первенец», и «АНТ-14».

Программа испытаний была сложной. Катера получали нагрузки и ставились в условия, в которых им вряд ли пришлось бы оказаться и в самом жарком бою. Тогдашний командир бригады катеров Черноморского флота И. Л. Кравец, не раз выходивший в море на испытания, говорил А. Н. Туполеву:

— Андрей Николаевич! Да перестаньте вы мучить бедный катер. Ведь такого, пожалуй, и простая стальная болванка не выдержит...

— Ничего, Иван Лаврентьевич, — улыбаясь отвечал конструктор, — я должен быть уверен, что передам нашим морякам такой катер, за который они в бою спасибо скажут.

Да, мы, катерники, в суровые годы Великой Отечественной войны не имели оснований вспоминать наших ученых и конструкторов недобрым словом! Наши отечественные катера, особенно «Г-5» и «Д-3», имели в сравнении с зарубежными торпедными катерами целый ряд важных преимуществ и сослужили нашей Родине

Участники боя 28 июня 1944 года: П. Я. Шуляковский,
В. А. Домысловский, В. Н. Алексеев, В. Д. Юрченко

Е. Г. Шкутов

Б. Т. Павлов

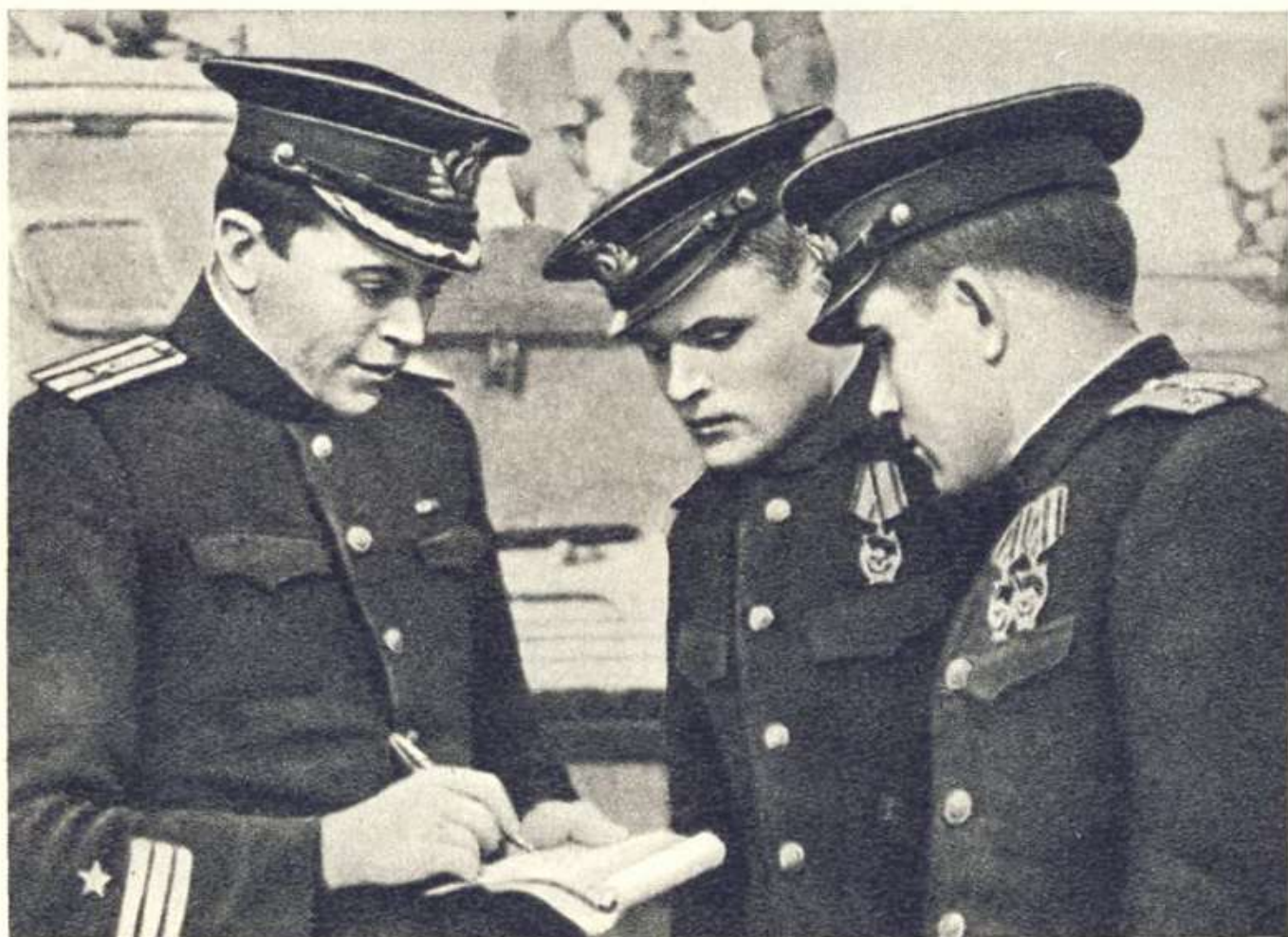

Е. Г. Успенский

А. И. Кисов

С. Г. Коршунович, В. В. Чернявский, И. М. Желваков

хорошую службу на юге и на севере, на Балтике и на Дальнем Востоке.

И в боевом использовании торпедных катеров нашим морякам не нужно было ходить к кому-то на выучку. Мы были прямыми наследниками дедушки минного флота — вице-адмирала С. О. Макарова и его ближайших сподвижников — лейтенантов Зацаренного, Вишневцкого, Небольсина, Дмитриева, квартирмейстера Апалинова, которые на катерах, вооруженных шестовыми или буксирными минами, смело искали врага и отправляли его на дно.

С первых дней Великой Отечественной войны советские катерники показали силу своих маленьких, но грозных кораблей. Сколько раз им приходилось вступать в неравные схватки!

После успешной атаки конвоя 15 июля мы держали в Пумманках в постоянной готовности к выходу в море 10—12 торпедных катеров. Но всю вторую половину июля и начало августа над нашим «предпольем», как катерники в шутку называли Варангер-фиорд, стояла десятибалльная облачность, нависавшая над водой на высоте 100—200 метров, а западная часть фиорда была затянута туманом. Это было тем более обидно, что всего лишь в нескольких десятках миль к востоку от Рыбачьего облачности и тумана даже в помине не было.

Штаб бригады провел смену катеров на позиции. Дивизион Алексеева, пробывший в маневренной базе около месяца, был отведен на отдых, а в Пумманки пришли 14 катеров 2-го дивизиона капитана 3 ранга Коршуновича.

28 июля погода несколько улучшилась. Наши самолеты-разведчики получили возможность просмотреть Варангер-фиорд. В порту Лиинахамари по-прежнему отстаивался один транспорт. Похоже было на то, что противник смирился с нашей блокадой Петсамо и не решался вывести оттуда даже это судно. Но нас настораживало сосредоточение транспортов и боевых кораблей в Бек-фиорде. У причалов киркенесского порта и в ближайших от него бухтах наши летчики насчитали одиннадцать транспортов и более двадцати сторожевых кораблей, тральщиков, катеров. Да еще в море, на

подходе к Бек-фиорду, было обнаружено два вражеских тральщика, девять сторожевых катеров и несколько самоходных барж. На следующий день, 29 июля, видимость по воде была хорошей, и мы с КП-200 наблюдали, как немецкий буксир под охраной трех сторожевых кораблей таскал щит, по которому проводили учебные стрельбы артиллеристы береговых батарей с мыса Кумангес, полуострова Стурре-Эккерей и мыса Кибергнес. Сопоставляя все это, можно было предположить, что немцы готовятся к выводу своих транспортов из Киркенеса, и одновременно, как это обычно бывало, наверняка постараются «протащить» в Варангер-фиорд новый конвой с запада.

Такую же оценку получили данные авиаразведки и в штабе флота. Командующему ВВС было приказано усилить разведку в районе Киркенес, Магерейсуны и держать в готовности группу самолетов для атаки вражеского конвоя.

Но 30 июля погода вновь ухудшилась. Плотная облачность накрыла Варангер-фиорд. Синоптики ничего определенного об улучшении погоды сказать не могли. Стало ясно, что в ближайшем будущем на воздушную разведку нам, катерникам, рассчитывать нечего. Решили вести разведку собственными силами, благо видимость по воде была более или менее приличной.

31 июля два торпедных катера вышли в дозор к мысу Кибергнес — отсюда лучше всего просматривались вход и выход из Варангер-фиорда. Милях в десяти от вражеского берега они должны были лечь в дрейф и вести наблюдение, но выполнить эту задачу не смогли.

В последнее время мы заметили, что каждый выход наших катеров в Варангер-фиорд — все равно днем или ночью, в хорошую или плохую видимость — становится известным противнику. Через 40—50 минут после того как катера покидали Пумманки, немецкая радиостанция в Киркенесе оповещала свои корабли: «Ахтунг! Ахтунг! Советские торпедные катера в море. Усильте наблюдение!» Все чаще и чаще наши катера, обходившие ночами вражеское побережье, стали подвергаться внезапным обстрелам береговых батарей. Причем, если в других местах, перед тем как открыть огонь, противник искал катера прожекторами, то в районе мыса Кибергнес батареи и без прожекторов начинали стрельбу.

Высказывались различные предположения. Было даже предложено осмотреть острова Большой и Малый Айнов, прикрывавшие с запада вход в Пумманки: не посадили ли туда гитлеровцы своих наблюдателей с радиостанцией? Разведчики оборонительного района тщательно обшарили эти острова, но никаких наблюдателей там не нашли.

Разгадать эту загадку нам помогли леоновцы. В районе мыса Кибергнес они обнаружили довольно высокое сооружение, на верхушке которого громоздилась небольшая башенка. Радар! Потом, когда наступил полярный день, мы даже со своего КП могли видеть эту проклятую вышку. Попросили командование ВВС разбить вражеский радиолокатор. Но там оказалась очень сильная зенитная оборона, и летчики не смогли выполнить нашей просьбы. Бессильными были и леоновцы: гитлеровцы охраняли радар пуще глаза. Пришлось смириться с его существованием, хотя он и доставлял нам немало хлопот.

Вот и на этот раз, едва только катера пришли на установленную им позицию и легли в дрейф, как по ним открыла огонь береговая 280-миллиметровая батарея с мыса Кибергнес.

В ночь на 1 августа в этот район выходили еще два торпедных катера, и повторилось то же самое.

Между тем радиоразведке штаба флота удалось установить, что на подходе к Бек-фиорду появилась группа кораблей противника: предположительно один сторожевой корабль, несколько тральщиков и катеров. Это нас очень встревожило. В разведку к Бек-фиорду решено было послать торпедные катера старших лейтенантов Павлова и Киреева. Выбор именно этих командиров был не случаен.

Старые североморцы, начавшие тут войну, послужившие до прихода в бригаду на катерах-охотниках и уже немало испытавшие на своем веку, хотя век-то их едва-едва перевалил за два десятка лет, Борис Павлов и Алексей Киреев по-настоящему были влюблены в свое дело. Мы знали, например, что Киреев болен: военные невзгоды, многие часы, проведенные под брызгами и ветром у штурвала торпедного катера не прошли даром.

Однако Алексей Ильич не хотел и слушать о том, чтобы уйти с катера, уверяя, что на берегу он только еще больше разболеется. А когда мы нашли возможность дать Кирееву отпуск, так он пришел ко мне и в упор спросил:

— Что, товарищ комбриг, я плохо воюю?..

Далеко не сразу удалось убедить старшего лейтенанта, что отпуск — это никак не обходный маневр для списания его с катера.

Провожали Киреева в родной Хабаровск всем дивизионом. Друзья набили полный чемодан подарков жене и детям. Наказывали хорошенько отдохнуть. Но Киреев вернулся на несколько дней раньше указанного в отпускном билете срока. На вопрос, чего ему дома не сиделось, отговаривался шуткой:

— Боялся, как бы вы тут одни без меня с фрицами не разделались.

Павлов на первый взгляд казался несколько флегматичным. Все делал неторопливо, но доботно. В первом же бою Борис Тимофеевич не спешил открывать огонь, увеличивать скорость, а, облюбовав объект для атаки, спокойно, на двенадцатиузловом ходу отвернул для увеличения курсового угла на цель, и только через четыре минуты прицельно выпустил торпеды сразу по сторожевику и транспорту.

Вот почему 1 августа мы послали в разведку именно этих командиров.

Не было сомнения, что гитлеровцы с помощью радара узнают о вышедших в разведку торпедных катерах и наверняка постараются подготовить для них какую-нибудь каверзу. Коварству врага мы могли противопоставить только решительность и смелость наших товарищей.

Командиру звена старшему лейтенанту Павлову было приказано обойти на пределе видимости вражеское побережье от Кообхольм-фиорда до мыса Кибергнес, затем милях в десяти от берега лечь в дрейф и вести наблюдение. В случае обстрела береговыми батареями — отойти мористее и маневрировать на рубеже от мыса Кибергнес до мыса Скальнес. При обнаружении целей доложить на КП их место, а с подходом ударной группы катеров — обеспечить атаку постановкой дымовых завес.

— Ясно, товарищ комбриг. Все будет в порядке, — как всегда неторопливо, ответил Павлов. В меховом походном обмундировании старший лейтенант выглядел еще плотнее, монументальнее. — Разрешите выполнять? Ну, двинули, Алеша?..

Обнявшись, два друга пошли к пирсу, где уже пофыркивали запущенными моторами их катера.

Около 15 часов звено вышло из Пумманок. Минут через сорок после этого радиостанция Киркенеса передала обычное: «Ахтунг! Ахтунг!». Прошел еще час, два, три... Павлов и Киреев не выходили в эфир — значит, у них все в порядке. По расчету времени получалось, что они, осмотрев заданный район вражеского побережья, лежали теперь в дрейфе у мыса Кибергнес, контролируя вход и выход из Варангер-фиорда. Но вот что удивительно: вражеские береговые батареи, обычно в таких случаях не скупившиеся на расход боезапаса, на этот раз молчали. Минул еще час. Батареи по-прежнему не открывали огня. Кто-то даже высказал предположение, что немецкий радар вышел из строя, и фрицы «ослепли». Вообще-то такое могло случиться. Локационная техника в ту пору была еще довольно примитивной. Мог, разумеется, отказать и немало досадивший нам немецкий радар. Это было бы очень кстати. И вдруг уже в девятом часу вечера с поста наблюдения и связи, расположенного ниже нашего КП, сообщили, что от Кообхольм-фиорда к нашему берегу идут четыре вражеских катера. Уж не задумали ли они зайти в тыл и отрезать нашим отход в базу?

Передав Борису Тимофеевичу приказание немедленно возвращаться в Пумманки, мы связались с аэродромом. Но летчики были бессильны помочь нам: на аэродроме туман, взлететь нельзя. Это было тем более досадно, что в море видимость по воде доходила до 50—60 кабельтовых.

Минут через сорок Павлов доложил, что они возвращаются, но от Варде, на пересечку курса, идут еще четыре немецких сторожевых катера.

— Уклоняюсь вправо.

Через несколько минут он доложил, что справа подходят еще четыре вражеских катера.

Так вот почему береговые батареи не обстреливали Павлова и Киреева! Пустившись на хитрость, немецкое

командование потратило все это время на то, чтобы стянуть свои сторожевые катера из Кообхольм-фиорда, Киркенеса и Варде. Обеспечив многократное численное превосходство, противник задался целью пленить или уничтожить наши торпедные катера.

Развив полную скорость, Борис Павлов и Алексей Киреев устремились к Пумманкам. В это время из туманной дымки вышли еще две группы сторожевых катеров. Теперь даже с КП было видно, как вокруг наших разведчиков все туже и туже сжималось кольцо вражеских кораблей.

Экипажи торпедных катеров, стоявших у пирса в Пумманках, получили приказание срочно готовиться к выходу в море. Однако чтобы прогреть моторы, нужно было минут 15—20, и я ругал себя за то, что не позаботился вовремя послать группу катеров для прикрытия звена, ведущего разведку. Этот случай стал хорошим уроком и мне, и штабу бригады.

А в это время два наших катера у нас на глазах сражались против шестнадцати вражеских! Обступив Павлова и Киреева с двух бортов, сторожевые катера легли на параллельный курс и открыли огонь. Два небольших кораблика, на мачтах которых бились на ветру советские флаги, гордо мчались по огненному коридору, мужественно отбиваясь от врага.

И вдруг катер Павлова резко снизил ход. Потом выяснилось, что на одном из моторов выбило свечу. И эта случайность чуть было не стала причиной гибели. Мы увидели, как на замедлившем ход катере сосредоточился весь огонь вражеских кораблей. Хотелось кричать, чтобы хоть так подбодрить своих товарищей. И кто-то не выдержал.

— Павлов! Борис! — раздалось на КП. — Скоросты! Скоросты!..

Но Павлову и его подчиненным уже ничто, казалось, не могло помочь. И вдруг на наших глазах катер Алексея Киреева, успевший за это время вырваться несколько вперед, развернулся и лег на обратный курс. Да, тысячу раз был прав гоголевский Тарас Бульба: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как на русской земле, не было таких товарищей!»

Маневр Киреева был так неожидан и дерзок, что гитлеровцы на какое-то мгновение растерялись. Густая

паутина трасс, опутавшая катер Бориса Павлова, на мгновение поредела. Потом вражеские пушки и пулеметы зататакали еще ожесточеннее.

Бесстрашно приняв на себя весь огонь, Алексей Киреев прикрыл катер Павлова плотной дымовой завесой, а сам вступил в бой — теперь уже один против шестнадцати! Искусно маневрируя, Киреев то выскакивал из белой пелены дыма и, чуть ли не вплотную сблизившись с вражескими катерами, отгонял их метким огнем, то снова укрывался в дымовой завесе, чтобы через несколько секунд опять неожиданно напасть на гитлеровцев в другом месте. Эта отчаянная схватка продолжалась минуту, вторую, третью... У всех нас вырвался вздох облегчения, когда, прорвав дымовую завесу, на чистую воду вновь на полных скоростях вышли оба наших катера. Они подходили к нам все ближе и ближе.

На КП-200 позвонил командующий СОР генерал-майор Дубовцев. Оказывается, с Рыбачьего тоже наблюдали за этим боем.

— Катерники твои такие молодцы, что и слов для похвалы не подберешь. Передай им, если сможешь, пусть продержатся еще немного. Потом мы шуганем фрицев артиллерийским огоньком. Батареи на Вайталахти и мысе Земляном к стрельбе уже готовы...

Я забеспокоился, как бы артиллеристы не попали случайно в Павлова или Киреева: стрелять они будут на предельных дистанциях, а расстояние между нами и вражескими катерами не превышало четырех-пяти кабельтовых.

— Я уже предупреждал артиллеристов, — успокоил Ефим Тимофеевич. — Говорят: «Не беспокойтесь. Стрелять будем аккуратненько».

Эти последние минуты были очень напряженными. Но вот ударила первая, а за ней и вторая батарея. Артиллеристы действительно вели стрельбу с ювелирной точностью. Высокие всплески от упавших снарядов, четко очертив коридор, которым шли Павлов и Киреев, сразу же нарушили строй вражеских катеров. За первым залпом последовал второй, третий...

В это же время, закончив разогрев моторов, из Пуманок в фиорд выскочила на полных скоростях шестерка торпедных катеров, ведомая Коршуновичем. Гитлеровцы, отлично, надо сказать, выполнив поворот «Все

вдруг» на 180 градусов, стали быстро удирать во-
свояси.

Старший морской начальник в Киркенесе наверняка устроил в этот день своим подчиненным изрядный раз-
нос. И было за что. Свыше сорока минут гнаться,
восемнадцать минут вести бой с двумя советскими тор-
педными катерами и при восьмикратном численном пре-
восходстве не добиться успеха!..

Но ведь еще Суворов говорил, что побеждают не
числом, а умением.

А на пирсе в Пумманках катерники устроили своим
возвратившимся с моря товарищам торжественную
встречу. Старших лейтенантов Киреева и Павлова,
старшин и матросов целовали, сжимали в крепких объ-
ятиях. Тут и там слышалось:

— Молодцы!..

— Дали фашистам прикурить!..

— Знай наших!..

Друзья были взволнованы и смущены таким при-
емом. Отвечая на расспросы товарищей, Алексей Ки-
реев, очень скупко говоря о самом себе и своих матро-
сах, с большой теплотой рассказывал, как мужественно
вел себя Павлов и его подчиненные. Борис Павлов в
свою очередь не жалел слов похвалы мужеству и ма-
стерству Киреева и его экипажа. Каждый из них был
искренне уверен в том, что подлинное геройство про-
явил не он сам, а его друг. К оценке же своих собствен-
ных действий оба относились очень критически. Когда
спустя несколько часов мы вновь встретились, чтобы
уже в спокойной обстановке обсудить проведенный бой,
каждый из них говорил прежде всего о недостатках,
которые были им допущены. Борис Павлов, например,
никак не мог простить себе того, что он, как командир
звена, не добился бдительного наблюдения за юж-
ным берегом Варангер-фиорда. И этому можно было
только порадоваться: в признании допущенных оши-
бок — вернейшая гарантия, что они больше не повто-
рятся.

В скромности и неистощимой энергии — этих чудес-
ных качествах Павлова (ныне капитана 1 ранга) мне
не раз доводилось убеждаться и в дальнейшем. Спустя

пять лет после окончания войны мы встретились с ним в Китайской Народной Республике. Борис Тимофеевич был приглашен туда советником командующего Кантонской флотилией.

В то время остров Хайнань находился еще в руках наемников Чан Кай-ши. Народно-освободительная армия готовилась к форсированию пролива и освобождению этого острова. Немалая роль в обеспечении успеха предстоящей десантной операции принадлежала, естественно, морякам. Встречаясь с китайскими товарищами, я не раз слышал о Павлове самые лестные отзывы. Их удивляло его трудолюбие. Он, по их словам, мог работать круглыми сутками без отдыха.

Б. Т. Павлов, кстати сказать, был, пожалуй, первым советским моряком, побывавшим на освобожденном острове Хайнань.

Докладывая командованию флота о бое 1 августа, мы особенно подчеркивали наблюдавшуюся за последнее время концентрацию в Варангер-фиорде сторожевых катеров противника (к ним мы относили также и торпедные катера типа «Люрсен», имевшие кроме торпед довольно сильное артиллерийское вооружение). В связи с этим высказывалось предположение, что в будущем противник, видимо, попытается использовать их для прикрытия своих конвоев с моря свободно маневрирующими группами, чтобы встречать и связывать боем наши катера за пределами максимальных дальностей торпедной стрельбы. Это предположение впоследствии оправдалось.

Между тем погода все не улучшалась, исключая для нас возможность проведения регулярной воздушной разведки в Варангер-фиорде. Пользуясь этим, противник торопился разгрузить Киркенес. 3 августа из Бек-фиорда в сторону Варде прошел на больших скоростях конвой в составе четырех транспортов и четырнадцати кораблей охранения. Мы узнали об этом, когда конвой подходил к мысу Кибергнес и высылать торпедные катера на перехват было поздно. Спустя шесть дней, 9 августа, из Киркенеса вышел еще один конвой.

И опять был обнаружен с большим запозданием. Оставалось лишь вволю чертыхаться по поводу плохой погоды, отсутствия разведданных да лелеять надежду, что ускользнувшие от нас немецкие корабли будут перехвачены подводниками капитана 1 ранга А. И. Колышкина.

Чтобы не сидеть без дела, мы с разрешения штаба флота возобновили постановку активных минных банок на участке от полуострова Стурре-Эккерей до маяка Стуршер, чтобы заставить противника снизить скорость движения своих конвоев, вынудить их идти за тралами. Но это было второстепенной задачей, и мы, не переставая, готовились к главному — к проведению массированных торпедных атак против вражеских конвоев. Ведь должна же когда-то установиться хорошая погода!

Наконец 15 августа облачность над Варангер-фиордом стала рассеиваться. Перестал лить надоевший за много суток дождь. Выглянуло солнце. Уже на другой день наши летчики провели первую после долгого перерыва воздушную разведку. Они насчитали в порту Киркенес и близлежащих от него бухтах Бек-фиорда 11 транспортов и примерно столько же боевых кораблей противника.

17 августа самолеты 5-й минно-торпедной авиадивизии флота атаковали эти корабли. 36 торпедоносцев с бомбами и штурмовики, ведомые полковником Н. И. Кидалинским, под прикрытием истребителей налетели семью последовательными группами на стоянки кораблей в Бек-фиорде. Прорываясь через заградительный огонь зенитных батарей, наши самолеты нанесли с различных направлений мощные удары по заданным целям.

Наблюдая с КП-200 за этим налетом, нельзя было не порадоваться возросшей мощи североморской авиации, мужеству и отваге ее летчиков. Им пришлось действовать в очень трудных условиях. Наученное горьким опытом, командование Киркенесской военно-морской базы к этому времени значительно усилило противовоздушную оборону Бек-фиорда. Транспорты и боевые корабли стояли, тесно прижавшись к высоким обрывистым берегам. Точно поразить их в этих условиях можно было только с топ-мачтового удара, проходя чуть ли не над самыми стволами зенитных пушек кораблей и береговых батарей. Это было и трудно и опасно, но наши летчики смело прорывались к целям и метко направляли

свой бомбовый груз. Даже подбитые самолеты выходили из боя только после выполнения боевой задачи.

Один из поврежденных торпедоносцев упал в море неподалеку от Айновских островов. В те считанные секунды, которые самолет, перед тем как затонуть, продержался на воде, его экипаж успел пересечь в резиновую шлюпку.

Звено торпедных катеров, ведомое капитан-лейтенантом И. Решетько, тотчас же вышло на спасение летчиков. Едва катера показались вблизи островов, как с Нурменсетти по ним открыла огонь тяжелая батарея. В воздухе показалось несколько вражеских истребителей.

От огня береговой батареи катерники прикрылись дымовой завесой. А в бой с «фокке-вульфами» вступили наши истребители. Нам довелось наблюдать интересный воздушный поединок. Бесперывно атакуя друг друга, наш истребитель и «фокке-вульф» настолько увлеклись, что бой шел уже на высоте 300—350 метров. В тот момент, когда фашист попытался было пристроиться в хвост нашему самолету, комендор торпедного катера коммунист старшина 1-й статьи Кучеров, над головой которого проходила эта смертельная схватка, открыл огонь и всадил во вражеский самолет несколько снарядов. «Фокке-вульф» камнем упал в море. Второй вражеский истребитель подбил комендор с головного торпедного катера.

Минут через сорок звено капитан-лейтенанта И. Решетько возвратилось в Пумманки, благополучно доставив сюда экипаж торпедоносца, возглавляемый младшим лейтенантом Штемонитяном.

ВОПРОТИВ ПОСЛОВИЦЕ

Утром 17 августа от самолета дальней разведки поступило донесение: западнее мыса Нордкин обнаружены транспорты и боевые корабли противника, идущие курсом ост, то есть в сторону Варангер-фиорда.

— Судя по всему, сколачивается крупный конвой, — предупредил летчик.

В течение дня наша воздушная разведка не упускала из поля зрения обнаруженные корабли. Предположение о формировании крупного конвоя подтвердилось. В районе Гамвика он уже включал в себя три транспорта, два эскадренных миноносца, восемь сторожевых кораблей, тральщик, восемь сторожевых катеров и четыре мотобота. С воздуха их прикрывали три «мессершмитта». Не исключалось, что по мере продвижения к Варангер-фиорду конвой будет пополняться все новыми транспортами и кораблями охранения.

Полученная незадолго до этого директива командующего флотом обязывала командующего ВВС и командира бригады торпедных катеров «нанести совместный удар по первому же обнаруженному в Варангер-фиорде неприятельскому конвою». И мы, и наши боевые друзья-летчики были готовы к нанесению такого совместного удара. Но вот беда! После нескольких ясных дней небо над Варангер-фиордом вновь начали затягивать плотные облака. Метеосводка на вторую половину суток 18 августа не давала надежд на улучшение погоды: ветер зюйд-ост-ост 2—3 балла, волнение моря до 3 баллов, облачность 7—9 баллов, высота нижнего яруса облаков менее 400 метров. Причем наиболее низкая облачность

ожидалась как раз в северо-западной части фиорда, то есть там, где будет проходить конвой. Поэтому от совместного с авиацией удара нам опять приходилось отказаться. Замещавший выехавшего в командировку командующего флотом контр-адмирал В. И. Платонов дал нам «добро» на самостоятельную атаку конвоя. На авиацию была возложена задача воздушного прикрытия торпедных катеров.

На КП-200 закипела горячая работа. По расчету корабли конвоя должны были войти в пределы Варангер-фиорда где-то между первым и вторым часом ночи 19 августа. Неприятель намеревался миновать наиболее опасный для него участок — от мыса Кибергнес до Бек-фиорда — в светлое время суток (в августе круглосуточный полярный день уже уступил часа два ночи, а точнее сумеркам).

Мы были уверены также, что, подойдя к острову Варде, конвой, как обычно, свернет в пролив Буссесунн. Пролив этот, длиной в три мили, шириной местами всего в полмили и с глубинами до десяти метров, гитлеровцы облюбовали для проводки своих конвоев не только потому, что это несколько сокращало путь, но и потому, что здесь их могли прикрыть многочисленные береговые батареи, расположенные на обоих берегах. Однако этот маршрут имел и свои минусы. Втягиваясь в сравнительно длинный и узкий пролив, конвой неизбежно нарушал свой боевой порядок. Корабли охранения и транспорты, первыми прошедшие пролив, вынуждены были ложиться в дрейф, дожидаясь остальных. Ордер конвоя ломался, что неминуемо вело к неразберихе, к снижению бдительности. Этим-то мы и предполагали воспользоваться, решив атаковать конвой у южного выхода из пролива Буссесунн.

Все торпедные катера, находившиеся в Пумманках, делились на три группы.

Первая из них — два катера под командованием начальника штаба 3-го дивизиона капитан-лейтенанта Ефимова — обойдет остров Варде с востока. Мы опасались, как бы немцы не отказались идти узкостями Буссесунна в темное время. Это поломало бы все наши планы. Поэтому, проведя доразведку в Перс-фиорде, капитан-лейтенант Ефимов должен был проследить, когда конвой начнет форсирование пролива, и донести об этом.

Второй группе в составе трех катеров под командованием старшего лейтенанта Павлова предстояло выставить минную банку у южного выхода из пролива. Если здесь подорвется хотя бы один из вражеских кораблей, это значительно облегчит нашу задачу. (Кстати сказать, минная постановка в районе, избранном для атаки торпедных катеров, всего за час-полтора до прохода конвоя — новый для нас тактический прием.) После постановки мин Павлов со своими катерами должен был держать под наблюдением участок от Варде до мыса Кибергнес и, обнаружив конвой, навести на него ударную группу катеров.

В третью, ударную группу было включено девять катеров, под общим командованием капитана 3 ранга С. Коршуновича. Четыре из них во главе с капитан-лейтенантом И. Решетько составляли передовой отряд, который должен был постановкой дымовых завес, артиллерийско-пулеметным огнем и первыми торпедными атаками облегчить остальным прорыв к главным объектам атаки — транспортам.

Доводя план на предстоящий бой до исполнителей, мы настойчиво добивались, чтобы каждый из них хорошо понял свою задачу. Старшему лейтенанту Павлову, например, было указано, что, хотя у него на борту будут мины, главным оружием его катеров остаются по-прежнему торпеды.

В случае обнаружения конвоя ему разрешалось сбросить мины за борт и атаковать противника, рассчитывая путь для катеров ударной группы.

Командиры отрядов и катеров были предупреждены, что разработанный штабом бригады план на предстоящий бой может претерпеть изменения в зависимости от обстановки. Каждый обязан проявлять инициативу, думать, как лучше выполнить задачу.

— Не ждите и не требуйте подсказки по любому поводу, — сказал я офицерам. — Не бойтесь принимать самостоятельные решения.

У пирса стояли готовые к походу торпедные катера. На палубе одного из них расположилась группа матросов и старшин.

— Беседуем тут о разных разностях, — доложил мой

старый знакомый старшина 1-й статьи Кучеров. На фланелевке, плотно обтягивавшей его грудь, поблескивал пурпурной эмалью орден Красной Звезды — награда за сбитый 1 августа «фокке-вульф».

— Товарищ капитан первого ранга, — обратился ко мне один из матросов, — старшина нам рассказал, что один из черноморских торпедных катеров получил в бою триста пробоин и все же вернулся в базу. Не верится даже...

Оказывается, коммунист Кучеров рассказывал сослуживцам о подвиге экипажа одного из черноморских торпедных катеров, атакованных в Керченском проливе большой группой «мессершмиттов».

Зайдя со стороны солнца, гитлеровцам удалось в первой же атаке сразить командира катера. На его место встал боцман мичман Эстрин. Тяжело ранило старшину команды мотористов Каверцева. Не имея сил стоять на ногах, комсомолец лег на пайолы — решетчатый настил. Одной рукой держа дроссель газа, чтобы не заглох единственный из оставшихся в строю мотор, Каверцев, разрывая зубами тельняшку, второй рукой затыкал пробоины в корпусе. Старшина 1-й статьи Бобылев, сменив убитого товарища, встал за пулемет. Скоро и его тяжело ранило. Однако старшина продолжал вести огонь и сбил один из «мессершмиттов». После того как самолеты, расстреляв боеприпасы, улетели, все из экипажа катера, кто мог двигаться, разделись и, порвав обмундирование, использовали его для заделки пробоин. По возвращении в базу в корпусе катера насчитали более трехсот отверстий. В истории не было еще, пожалуй, случая, чтобы при таком количестве пробоин торпедный катер все же остался на плаву. Но, как видно, героизм советских моряков в состоянии вносить свои коррективы в самые, казалось бы, точные конструкторские расчеты.

Я подтвердил слова старшины. Мне довелось даже знать командира этого катера — Федора Ивановича Сорокопуда. В свое время он был у нас на Дальнем Востоке катерным боцманом.

Моряки, еще теснее окружив агитатора, стали жарко обсуждать его рассказ.

Агитаторы!.. Их задушевные беседы поднимали боевой дух моряков, помогали воспитанию мужества и отваги. Повседневная работа агитаторов в дни войны по-

рой казалась незаметной, но их вклад в нашу победу поистине неоценим.

Первыми выходили в море катера группы капитан-лейтенанта А. И. Ефимова.

С Арсением Ивановичем мы были старыми сослуживцами по Тихоокеанскому флоту. Я помнил его еще молодым лейтенантом, белокурый красавцем, пришедшим к нам на бригаду сразу после окончания училища. На моих глазах он вырос там до командира отряда. На Северном флоте Ефимова назначили начальником штаба в дивизион капитана 3 ранга В. Н. Алексеева. Они хорошо дополняли друг друга — несколько медлительный Арсений Иванович и полный кипучей энергии Владимир Николаевич. Незаменим был Ефимов и в море. Поэтому-то, подыскивая командира для группы до разведки, мы и остановили свой выбор именно на нем.

— На рожон не лезьте, — наказывал я Арсению Ивановичу на прощание. — Ваша задача, не обнаруживая себя, донести нам, когда корабли конвоя начнут форсирование Буссесунна. Ну, а если они задумают отстояться в Перс-фиорде, тогда атакуйте! В этом случае мы постараемся подослать вам поддержку...

Вслед за Ефимовым в море устремились торпедные катера старшего лейтенанта Павлова. Ударная группа должна была выйти позже.

Накануне вечером мы получили три сообщения авиаразведки. По первому из них вражеский конвой из трех транспортов, одной БДБ, двух миноносцев, восьми сторожевых кораблей и тральщиков, четырех малых охотников за подводными лодками и семи сторожевых катеров находился в районе Маккаур. Спустя 25 минут поступило второе донесение, подтверждавшее нахождение в том же районе трех транспортов, но уже в охране 22 кораблей. Еще через час — третье сообщение: конвой в составе трех торпедных катеров, быстроходной десантной баржи, двух неопознанных судов, двух сторожевых катеров и трех катеров-тральщиков прошел мыс Корснес. Беда тут была не только в разноречивости дан-

ных о составе конвоя. Куда хуже, что все эти донесения явно противоречили данным о местонахождении конвоя, на которые мы полагались раньше.

А в полночь самолеты и сторожевые катера противника начали вдруг постановку дымовой завесы близ Петсамовуоно. Это могло быть хитростью, чтобы отвлечь наше внимание от подходивших к Варангер-фиорду кораблей, однако нельзя было полностью исключить и то, что гитлеровцы действительно намеревались провести конвой в порт Лиинахамари, блокированный нами после боя 28 июня. Именно в этом был убежден командующий оборонительным районом.

— Не гонись ты, как говорит пословица, за журавлем в небе, а держи синицу в руках,— убеждал меня по телефону генерал-майор Дубовцев.— Где тот конвой и когда он будет в Варангер-фиорде? Ничего еще не известно. Тут же немцы явно хотят что-то протащить в Петсамо.

Да, данные о местонахождении подходившего конвоя были противоречивы, и еще неизвестно, появится ли он вообще в Варангер-фиорде. А доказательство намерения противника провести свои корабли в Лиинахамари налицо — дымовая завеса. Как быть: придерживаться своего первоначального плана или же нацелить все торпедные катера на район Петсамовуоно?..

Нет, не будем менять свой план. Но, чтобы перекрыть возможные ошибки в определении времени появления конвоя в Варангер-фиорде и не упустить его, приказываю катерам ударной группы выходить в море немедленно, не дожидаясь донесения капитан-лейтенанта Ефимова.

Когда я сообщил об этом генералу Дубовцеву, он дружески предупредил:

— Ох смотри, не пожалей потом!..

— Ничего, Ефим Тимофеевич. Вопреки пословице погонимся на этот раз за журавлем. Не может же конвой, идущий в Варангер-фиорд, где-то растаять. У него цель одна — Киркенес. А Здесь, у Петсамо, если что и появится, так ваши артиллеристы справятся и без нашей помощи.

— Рискуешь, Александр Васильевич!

Да, принимая такое решение, мы шли на определенный риск...

В 0 часов 25 минут мы наблюдали с КП-200, как на простор Варангер-фиорда вырвались девять торпедных катеров, держа курс на остров Стуршер. Впереди строем ромба мчался передовой отряд — Киреев, Быков, Домысловский и Диренко. Командир отряда капитан-лейтенант И. Решетько находился на катере Петра Диренко — невысокого, щуплого юноши, у которого предстоящий бой был первым в жизни. В 15—20 кабельтовых за ними пять катеров вел С. Г. Коршунович. Капитан 3 ранга держал свой флаг на катере старшего лейтенанта Желвакова. Строго удерживали свои места в строю катера капитан-лейтенанта Чернявского, старшего лейтенанта Кузнецова (которого за резко выступавшие скулы, черные, словно угольки, глаза и неукротимый темперамент друзья прозвали в шутку Чингиз-ханом), старшего лейтенанта Родионова и старшего лейтенанта Фролова. С бывшим разведчиком шел также командир отряда и мой давний знакомый капитан-лейтенант Дмитрий Холодный. Когда-то он служил у нас на дальневосточной бригаде торпедных катеров боцманом. Потом демобилизовался. Но спустя несколько лет его снова призвали на флот. Присвоили офицерское звание. К 1944 году ему было уже около сорока лет. Капитан-лейтенант был нездоров, но наотрез отказывался переходить на какую-либо береговую должность.

Провожая взглядом уходящие все дальше и дальше катера, мы невольно думали: «Неужели немецкий адмирал, сидящий в Киркенесе, перехитрил нас, и мы пропустим корабли в Лиинахамари?» Рассеять наши сомнения мог только капитан-лейтенант Ефимов, который уже вел разведку в районе Перс-фиорда. Но он молчал. Так и подмывало самим запросить его. Однако делать этого было нельзя, чтобы до поры до времени не раскрывать местонахождения катеров. Наше терпение было уже на исходе, когда в 0 часов 53 минуты Арсений Иванович наконец-то донес: «Конвой обнаружен. Идет курсом 130 градусов». У всех на КП словно камень с сердца свалился. Значит, мы правильно сделали, что не поддались на уловку с дымзавесой около Петсамо-вуоно!

Короткие доклады от Ефимова шли один за другим. «Конвой растянулся на пять миль!..» «Видимость увеличилась до 70 кабельтовых». И вдруг в 1 час 20 минут

Арсений Иванович сообщил то, чего мы больше всего опасались: «Конвой стоит в Перс-фиорде!»

Значит, гитлеровцы так и не решились проводить свои корабли в темное время узкостями пролива Буссесунн.

Запросили на всякий случай старшего лейтенанта Павлова. Тот донес, что первую часть своей задачи (постановку мин) выполнил. Погода: ветер зюйд-ост 2—3 балла, высота облачности 150—200 метров, видимость по воде 70—80 кабельтовых. Никаких целей не наблюдает.

Сопоставление докладов Ефимова и Павлова давало основания сделать вывод, что вражеский конвой решил до рассвета не входить в Варангер-фиорд. Это в какой-то мере ломало наш первоначальный план. Но что поделаешь... Чтобы не упустить часы короткой августовской ночи, старшему лейтенанту Павлову приказываю идти со своей группой на соединение с Ефимовым и вместе атаковать конвой в Перс-фиорде.

Около 1 часа 45 минут катера ударной группы были у мыса Кибергнес. Уменьшили ход до малого и, приблизившись к берегу на 25—30 кабельтовых, легли курсом 280 градусов. Так как катера старшего лейтенанта Павлова ушли со своей позиции, то в 1 час 55 минут Коршуновичу было приказано идти к Варде. Прошло еще несколько минут, и вдруг мы услышали из динамика возглас капитан-лейтенанта Решетько:

— Вижу шесть больших и шесть маленьких!

Снова загадка: что это за шесть больших и шесть маленьких?.. Ведь Ефимов доложил, что конвой стоит в Перс-фиорде. Но тут Арсений Иванович донес:

— Фрицы проходят проливом!.. Вижу хвост конвоя— пять кораблей!..

Будь капитан-лейтенант в эти минуты на КП, ему пришлось бы выслушать в свой адрес не очень-то приятные эпитеты. Хорошо еще, что вовремя исправил допущенную ошибку.

Теперь все стало, как говорят, на свои места. Значит, конвой начал форсирование пролива Буссесунн, намереваясь пройти путь от мыса Кибергнес до Бек-фиорда в светлое время. Атака торпедных катеров состоится

там, где предусматривалось нашим первоначальным планом.

Береговые батареи с мыса Кибергнес открыли огонь по торпедным катерам — этим гитлеровцы только подтвердили, что их конвой обнаружен. Через четыре минуты после получения доклада Ефимова с КП-200 было передано приказание:

— Общая атака!.. Павлову и Ефимову идти к Кибергнесу!..

Торпедные катера ударной группы расходились с зюйда веером, чтобы охватить все немецкие корабли, сосредоточившиеся в районе бухты Мольвика.

Как мы и рассчитывали, после прохода проливом боевой порядок конвоя оказался нарушенным: одни из кораблей лежали в дрейфе, другие маневрировали, стараясь занять свои места в ордере, и в возникшей благодаря этому суматохе их командиры явно не могли разобраться толком в обстановке. Достаточно сказать, что гитлеровцы поначалу посчитали было за своих входившие в состав передового отряда катера-дымзавесчики Домысловского и Быкова. Головной немецкий миноносец, замигав прожектором, решил даже обменяться с ними позывными. Чтобы продлить это выгодное нам заблуждение, с катера Быкова ему тут же любезно ответили, повторив прожектором то же самое сочетание букв. Пока на миноносце разбирались что к чему, нами было выиграно несколько очень важных минут, позволивших обоим этим катерам занять наиболее выгодную начальную позицию.

В 2 часа 7 минут по приказанию командира дивизиона старший лейтенант Виктор Домысловский поставил дымзавесу. Однако Коршунович несколько поторопился. Дистанция между завесой и конвоем была великовата. Начни наши катера в этих условиях выходить в атаку, до момента выпуска торпед они на какое-то время неминуемо оказались бы под прицельным огнем кораблей охранения конвоя. А это могло нам очень дорого стоить. Тогда вырвался вперед катер Василия Быкова.

Спустя много лет после окончания войны В. И. Быков, вступая в командование миноносцем, сдавал, как

положено в таком случае, зачеты флагманским специалистам соединения и в том числе флагхиму. Задавая вопрос за вопросом, тот, взглянув вдруг в книжку, спросил:

— Быков?.. Быков?.. Скажите, уж не тот ли вы самый североморский катерник, что поставил в 1944 году дымовую завесу у Кибергнеса?..

Василий Иванович признался, что он как раз тот самый и есть.

— Так что же вы сразу-то не сказали! Мы бы тут не тратили столько времени. Если вы тот самый Быков, то вам любой из флотских химиков без всякого опроса «пятерку» поставит. Вы же еще тогда, в 1944 году, заслужили.

Но вернемся к событиям 19 августа 1944 года...

Тут нельзя не сказать хотя бы нескольких слов о В. И. Быкове просто как о человеке. Впервые мне довелось с ним встретиться еще на тихоокеанской бригаде, куда Василий Иванович пришел сразу после окончания училища. Общительный по характеру, полный кипучей энергии, он, казалось, был создан для службы на торпедных катерах. Одним из качеств, проявившихся в Быкове с первых же недель после прихода на бригаду, было настойчивое стремление к самосовершенствованию, стремление перенять все лучшее из опыта старослужащих товарищей. Одно это уже давало основание считать, что в самом недалеком будущем молодой офицер станет отличным командиром — смелым до дерзости и в то же время расчетливым и хладнокровным в самых сложных испытаниях.

С приходом на североморскую бригаду это накопление необходимых знаний и опыта проходило у Быкова еще быстрее. Тому способствовала боевая обстановка. И вот наступил день, когда вчерашний прилежный ученик сам оказался способным на такое, чему стали учиться другие.

По существовавшим в ту пору наставлениям дымовая завеса, поставленная на дистанции в 45—50 кабельтовых от атакуемого конвоя, считалась дальней, а в 20—25 кабельтовых — ближней. Однако в конкретных усло-

виях той памятной августовской ночи даже эта «ближняя» дистанция была слишком дальней: дующий с моря к берегу ветер был слабым, и нужно было либо задержать атаку торпедных катеров, дожидаясь, пока дымзавеса наползет и ослепит орудийную прислугу вражеских кораблей, либо поставить дымовую завесу еще ближе. Старший лейтенант Быков выбрал последнее. Он решил поставить дымзавесу всего в десятке кабельтовых от конвоя, хотя понимал, чем это грозит: его катер будет расстреливаться чуть ли не в упор. И все-таки Василий Иванович решился.

Не доходя полторы-две мили до головного корабля конвоя, Быков подал сигнал боцману Стеблеву открыть вентиль баллонов дымаппаратуры. Потянув за собой серо-желтую клубящуюся стену дыма, катер понесся навстречу конвою.

Вместе с Быковым в море в этот раз вышел флагманский химик нашей бригады капитан-лейтенант М. Т. Токарев. Михаил Трофимович был, пожалуй, первым, кто понял замысел командира и распорядился дополнительно поджечь на корме целую батарею дымовых шашек.

Корабли охранения обрушили по «сумасшедшему» дымзавесчику шквальный огонь. Нужны были стальные нервы, чтобы пробивать себе путь в этом переплетении разноцветных трасс, неистовом свисте шрапнели и осколков.

Быков продолжал идти вперед. Он искусно маневрировал: то чуть менял курс, то вдруг с самого полного хода неожиданно переходил на самый малый, а через несколько секунд снова «врубал» самый полный, вынуждая гитлеровцев снова и снова пристреливаться. Подавать какие-либо команды было некогда, да и кто бы смог услышать их в неистовом грохоте взрывов. Василий Иванович подавал сигналы жестами. Матросы и старшины без слов понимали своего командира.

Прорываясь сквозь ливень пуль и осколков, Быков успел заметить, что часть кораблей конвоя увеличила ход, и вовремя предупредил об этом товарищей. В эфире послышался его голос: «Выходите на цели левее. Левее!..»

ем до шести тысяч тонн, а Домысловский — сторожевой корабль.

А к конвою под прикрытием быковской дымовой завесы прорвались уже торпедные катера основной ударной группы.

Желваков облюбовал для атаки сторожевой корабль. Мастерски маневрируя на противобатальонном зигзаге, старший лейтенант подходил к нему все ближе и ближе.

— Страшновато было! — вспоминал потом ходивший в этот бой на катере И. М. Желвакова командир береговой базы капитан-лейтенант Я. С. Когаленко. — Вода вокруг нашего катера буквально кипела от пуль и осколков. Коршунович не выдержал, кричит Желвакову: «Стреляй! Стреляй же!..» Но Иван Михайлович сжался весь, лицо словно бы окаменело, и только когда до сторожевика оставалось рукой подать, так что мы увидели гитлеровцев, мечущихся по палубе, Желваков выпустил торпеды. От взрыва сторожевик вроде бы даже приподняло над водой. Желваков развернул катер. За корму полетели подожженные дымовые шашки. Потом мы юркнули в дымовую завесу. Тут только Желваков распрямился. Улыбнулся и подмигнул: как, мол, атака?! Характер, доложу я вам...

Капитан-лейтенант Чернявский и старший лейтенант Кузнецов, словно бы сговорившись, тоже торпедировали каждый по сторожевому кораблю. Виктор Чернявский, кстати сказать, как и Желваков, выпустил торпеды с минимальной дистанции и сообщил потом даже бортовой номер потопленного им сторожевика — «226».

Немцы еще не успели опомниться, как к мысу Кибегнес подошли катера группы старшего лейтенанта Павлова. И оттуда опять стали доноситься взрывы, неистовая канонада.

В 2 часа 25 минут старший лейтенант Павлов атаковал и потопил двумя торпедами крупный транспорт. Через четыре минуты после этого, получив в борт торпеду, выпущенную старшим лейтенантом Е. Г. Шкутовым, пошел на дно тральщик. На отходе, перед тем как укрыться в дымовой завесе, катер Евгения Германовича встретился со сторожевым катером. Встреча эта для немцев закончилась печально: немецкий катер загорелся от метких очередей наших комендоров.

Вместе с другими донес нам на КП-200 о своей победе — успешной атаке немецкого сторожевого корабля — и старший лейтенант Карташев. Мы от души порадовались за молодого офицера. Ведь это был его первый бой!.. Однако спустя несколько минут в динамике послышался тревожный голос старшего лейтенанта:

— Находимся в квадрате номер четыре. Получили пробоину. Прошу снять команду.

Все катера, завершившие атаку, получили приказание возвратиться к мысу Кибергнес, чтобы оказать помощь экипажу Карташева. Но поиск оказался безрезультатным: вероятно, старший лейтенант не совсем точно сообщил место своего катера. Еще какое-то время Карташев отвечал на наши запросы. Потом коротко доложил:

— Подошли немецкие катера. Нас расстреливают. Катер тонет. Прощайте!..

На этом связь прекратилась.

Уже глубокой осенью, после изгнания немецко-фашистских войск из района Тромсе, узники находившегося там лагеря смерти сообщили нам некоторые подробности гибели экипажа Карташева — все, что они узнали от раненых матросов катера, доставленных в лагерь и погибших здесь.

...Прорвавшись к конвою, Карташев атаковал вражеский сторожевой корабль. Получив в борт две торпеды, тот затонул. Но на отходе, в дымзавесе, наш катер столкнулся с немецким миноносцем. Удар был настолько сильным, что на катере заглохли моторы, а через большую пробоину внутрь корпуса хлынула вода.

Положение было тяжелым, но никто из моряков не пал духом. Попробовали завести на пробоину пластырь. Не удалось. В сероватом тумане дымзавесы показались два или три немецких сторожевых катера. Наши моряки вступили в последний бой. Пулеметчики и комендоры стреляли, пока катер не погрузился в море. Даже оказавшись в воде, те из моряков, в ком были еще силы, не сдавались. Вместе с Карташевым в этот поход вышел парторг дивизиона старший лейтенант П. П. Попков. В бою Петр Петрович был ранен в обе ноги. Когда приблизился вражеский катер, чтобы вытащить его из

воды, парторг последним усилием вынул пистолет. Выпустив по врагу всю обойму, Петр Петрович приберет последнюю пулю для себя. Немцам удалось захватить лишь несколько тяжелораненых моряков. Они-то и рассказали узникам лагеря о мужественной борьбе и славной смерти своих боевых друзей.

В то время как наши разрядившиеся катера проводили поиск Карташева, к месту боя, обогнув с nord-оста острова Варде, на полных скоростях подходило звено капитан-лейтенанта Ефимова. К этому времени море в районе мыса Кибергнес сплошь затянуло дымом. Отыскать в этих условиях вражеские корабли было делом не из легких. Однако, идя на малых ходах, катера все же начали поиск. Скоро донесся последний за эту короткую августовскую ночь взрыв: прорвавшись под ожесточенным обстрелом, старший лейтенант Горбачев с дистанции менее четырех кабельтовых выпустил торпеды и отправил на дно еще один сторожевой корабль.

Итоги боя у мыса Кибергнес превзошли все наши ожидания. Атаковав конвой в составе трех транспортов и двадцати семи кораблей охранения (к этому времени противник наряжал для охраны каждого из транспортов более семи боевых кораблей), четырнадцать наших катеров потопили и повредили одиннадцать вражеских кораблей, причем на дно были отправлены все три транспорта, входившие в состав конвоя.

Бой продолжался всего 37 минут.

И С МОРЯ, И С ВОЗДУХА

После боя 19 августа у мыса Кибергнес гитлеровский «адмирал Норвежского моря» — была у них в ту пору такая должность — довольно долго, судя по всему, не мог прийти в себя. Однако война еще продолжалась. Уже изрядно потрепанные нашей 14-й армией немецкие горные егеря нуждались в боеприпасах, пополнении, продовольствии. А после того как, вняв наконец-то добрым советам нашего правительства, Финляндия разорвала отношения с гитлеровской Германией, немецкие войска в Северной Финляндии и Норвегии могли получить все это по существу только лишь морским путем. Поэтому, несмотря на все растущие потери в кораблях, гитлеровцы все же вынуждены были посылать свои конвои в порты Варангер-фиорда и Северной Норвегии. Чтобы уберечь их от ударов нашей авиации, подводных лодок и торпедных катеров, они шли на всевозможные уловки. В частности, свои конвои противник стал выпускать из Киркенеса в сторону Варде к вечеру, с тем чтобы они к проливу Буссесунн подходили уже в густых сумерках. Плохая погода часто мешала нашей воздушной разведке, и мы если и обнаруживали вражеский конвой с нашего наблюдательного пункта, то слишком поздно. Катера не успевали настигнуть его, он скрывался в проливе. А конвои, следовавшие с запада, противник старался вводить в Варангер-фиорд, напротив, только в светлое время суток, но обязательно в нелетную погоду. Нападать на сильно охраняемые транспорты днем, без боевого взаимодействия с авиацией, нам было трудно. И как это ни горько, нам нередко приходилось отказываться от атак.

Но не зря существует пословица: как волк ни хитри, а шкуру ему все равно не спасти. В ответ на новую уловку гитлеровцев мы ответили тем, что торпедные катера бригады расширили район своих боевых действий за пределы Варангер-фиорда. И инициатива вновь перешла к нам.

Теперь, обнаружив вышедшие из Бек-фиорда транспорты, мы уже не стремились, как это бывало прежде, настигнуть их непременно в Варангер-фиорде, а высылали торпедные катера в обход архипелага Варде к берегам северной Норвегии. Пока конвой доходил до пролива Буссесунн, преодолевал его и снова строился в походный ордер, наши катера успевали проскочить далеко вперед, примерно к мысу Маккауэр. Тут они ложились на обратный курс и шли навстречу немецким кораблям, атакуя их на встречных курсах. Конвой, направлявшийся с северо-запада, мы тоже перехватывали далеко от Варангер-фиорда задолго до наступления рассвета.

Расширение района боевых действий принесло нам важные преимущества. Наши встречи с немецкими кораблями происходили теперь, во-первых, по большей части в темное время суток, то есть скрытно, а во-вторых, поиск конвоя на встречных курсах позволял командирам катеров наиболее полно использовать фактор внезапности: гитлеровцы не знали, где и когда катера атакуют их.

Возможностью своего выхода за пределы Варангер-фиорда мы в большей степени были обязаны появлению у наших подводников технической новинки — выносной радиоантенны, позволившей им поддерживать радиосвязь с командованием на берегу не всплывая, а находясь на перископной глубине.

Во время войны, как известно, все боевые корабли, находившиеся в море, не получив соответствующего оповещения, считали любой другой корабль целью (тогда еще не было, как теперь, приборов радиолокационного опознавания) и атаковывали его. Поэтому каждому кораблю, выходящему в море «нарезался» определенный район или «позиция», куда уже никакой другой свой корабль без предварительного оповещения не заходил.

Нарушение этого правила приводило к неприятным осложнениям, а порой и к трагедиям.

С организацией бригады торпедных катеров нам был отдан «на откуп» Варангер-фиорд. Тут вели войну и расправлялись с немецкими кораблями и транспортами мы и морская авиация. Наши подводные лодки в Варангер-фиорд уже не заходили. Но и мы в свою очередь не выходили за его пределы. Это, разумеется, в немалой мере сковывало нас.

С появлением у подводников выносных антенн (ВАН) все изменилось к лучшему. Теперь уже не нужно было дожидаться ночи и условленных часов, когда лодки, несшие дозор вне Варангер-фиорда, всплывут и их можно будет известить по радио о выходе торпедных катеров в границы их позиций. И наши катера стали все чаще и чаще наведываться к мысу Маккау, а то и дальше.

Все это очень беспокоило гитлеровцев. По привычке они пустились в разного рода предположения, договорившись даже до того, что у нас якобы созданы какие-то тайные базы снабжения на норвежском берегу. На эту удочку клюнул кое-кто из нынешних буржуазных военных историков. Несколько веселых минут доставило мне знакомство, в частности, с книгой швейцарца Юрга Мейстера «Война на море в восточно-европейских водах, 1941—1945 гг.» Автор ее не смог умолчать об общеизвестных боевых успехах североморских катерников и, хотя с оговорками, но признает, что «русские (слово «советские» господин Мейстер произносит очень неохотно) торпедные катера действовали западнее острова (?) Рыбачьего вплоть до Нордкина...». А далее слово в слово повторяет гитлеровскую выдумку: «В связи с тем что торпедные катера действовали в значительном удалении от своих баз, можно было полагать, что для них имелись скрытые базы снабжения на норвежском побережье или они обеспечивались топливом в море, получая его от подводных лодок».

Как это ни неприятно для историка, я все же должен его разочаровать: не было у нас, господин Мейстер, никаких скрытых баз снабжения на норвежском побережье, да и от подводных лодок мы в наших дальних походах топливом не пополнялись. И не потому, что не смогли бы этого сделать. Просто в этом не было нужды.

Особенно часто наши торпедные катера стали выходить в дальние районы поиска за пределы Варангер-фиорда примерно со второй половины сентября 1944 года. И тут нам удалось добиться немалых боевых успехов. Хочется вспомнить, в частности, о бое четверки торпедных катеров под общим командованием капитан-лейтенанта В. М. Лозовского в ночь на 14 сентября в районе к северо-востоку от архипелага Варде.

Этому бою предшествовало знаменательное событие в истории нашей бригады. 13 сентября 1944 года мы получили по телеграфу текст приказа Народного комиссара ВМФ с объявлением Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении нашей бригады орденом Красного Знамени. «Впредь,—говорилось в приказе,—бригаду именовать: Краснознаменная бригада торпедных катеров Северного флота».

Хотя к тому времени на боевом счету соединения было уже около пятидесяти уничтоженных и поврежденных транспортов и боевых кораблей противника, все же такая высокая оценка наших боевых дел оказалась для моряков приятной неожиданностью. Ведь бригада была создана всего полгода назад. И вот уже стала Краснознаменной! Удивительно ли, что все чувствовали себя именинниками. В главной базе и в Пумманках сами собой возникли горячие митинги. На них выступали многие из тех моряков, которые до сих пор считались молчаливками. Горячо благодаря за высокую награду, катерники клялись советскому народу, родной Коммунистической партии воевать еще лучше. Многие из матросов, старшин и офицеров подали в партийные организации дивизионов заявления с просьбой о приеме в партию. Прием проходил по боевым характеристикам — ведь нигде так зримо не проявляются качества человека, как в бою. В эти дни сослуживцы тепло поздравили с почетным и ответственным званием коммуниста командира торпедного катера старшего лейтенанта Успенского, старшину 1-й статьи Косулина, старших матросов Яруша, Тучина и других.

Наши катера получили право носить на кормовом флаге изображение ордена Красного Знамени. У наших хозяйственников в связи с этим появилась новая забота: боцманы не замедлили осадить береговую базу, требуя новые кормовые флаги. Капитан-лейтенант Когаленко

кинулся на склады тыла. Но там нужного количества таких флагов не нашлось. Чтобы погасить готовые вспыхнуть страсти, вмешался начальник политотдела Муравьевич. По его предложению краснознаменные флаги в первую очередь были вручены торпедным катерам из группы капитан-лейтенанта В. М. Лозовского, стоявшим в то время в Пумманках.

А вечером эти катера вышли в море.

Стало известно о выходе из Бек-фиорда в сторону Варде транспорта и пяти кораблей охранения. Продолжая наблюдать за ними, мы не торопились посылать катера, чтобы не настораживать противника. Но как только стемнело, отряду капитан-лейтенанта Лозовского была поставлена задача: обойти остров Варде, подняться к мысу Маккаура, там лечь на обратный курс и идти навстречу конвою.

— У Маккаура вас будет поджидать Ил-4,— предупредили мы В. М. Лозовского, передавая позывные ночного бомбардировщика.

Для облегчения ночного поиска конвоев мы использовали первое время тихоходные самолеты Ил-4. Держась неподалеку от торпедных катеров и установив с ними надежную связь, летчик по просьбе катерников сбрасывал мощные САБы — световые авиабомбы. Медленно опускаясь на парашюте, они освещали все вокруг на несколько миль. Так решено было поступить и на этот раз.

— ЕСТЬ!.. Будет полный порядок,— ответил Василий Михайлович.— В такой день грешно возвращаться домой без победы.

Катера старших лейтенантов Быкова и Горбачева, капитан-лейтенанта Острякова и лейтенанта Притворова, миновав мыс Вайталахти, легли курсом на норд.

Спустя некоторое время радиостанция Киркенеса передала привычное: «Ахтунг!.. Ахтунг!..», оповещая свои корабли о выходе в Варангер-фиорд наших катеров. Для немецких артиллеристов и прожектористов с береговых батарей наверняка была объявлена боевая тревога. Но беспокоили их напрасно. Лозовский со своими катерами уходил все дальше и дальше на север.

По предварительным подсчетам торпедные катера, дойдя до мыса Маккаур и затем спускаясь вдоль берега к Варде, должны были встретиться с конвоем около 23 часов где-то в районе Маккаурсан-фиорда. Однако пошел счет новым суткам, а встреча все еще не состоялась. Казалось, на этот раз Лозовскому придется возвратиться в базу с торпедами. Но в 1 час 17 минут в динамике послышался знакомый возглас Василия Михайловича: «Атака! Вперед, орлы, круши!..» Спустя несколько минут со стороны Варде донеслись один за другим два взрыва. Потом с островов в сторону моря вырвались, рассекая темноту, серебристые лучи прожекторов. Открыли беспорядочный огонь береговые батареи. Лозовский, судя по всему, сдержал свое слово!

Через два часа на пумманском причале мы встречали возвратившиеся с моря катера. Лозовский доложил, что поиск транспорта оказался безрезультатным. (Как потом было установлено, немецкое командование, узнав о выходе наших катеров, не решилось вести транспорт дальше, а приказало ему отстаиваться до рассвета в проливе Буссесунн, под защитой береговых батарей.) Но, возвращаясь в Варангер-фиорд, моряки обнаружили неподалеку от острова Рейне вражеские корабли, высланные, как можно было предполагать, на перехват наших катеров. Вместо охотников гитлеровцы сами стали добычей. В первую же минуту после внезапного обнаружения целей старший лейтенант Быков с дистанции, не превышавшей трех кабельтовых, успешно торпедировал сторожевой корабль. Спустя еще минуту по другому кораблю разрядились катера старшего лейтенанта Горбачева и лейтенанта Притворова.

Умалчивая, как всегда, о себе, Лозовский горячо рассказывал о мужестве и мастерстве подчиненных, в частности об экипаже катера старшего лейтенанта Горбачева.

— На такое, товарищ комбриг, способны только настоящие катерники!..

Оценка «настоящие катерники» была у Василия Михайловича самой высокой. И старший лейтенант Горбачев со своими подчиненными ее действительно заслужил.

...Во время атаки к месту боя подошло еще несколько сторожевых катеров противника. В завязавшейся перестрелке катер старшего лейтенанта Горбачева полу-

чил более двадцати пяти пробоин. Несколько матросов и старшин были ранены. Остановился средний мотор. Замолчала рация. Разбило компас и главный распределительный щиток. А тут еще, осветив катер прожектором, по нему открыла огонь береговая батарея.

В этих нелегких условиях, забыв о собственных ранах, матросы и старшины в темноте боролись за жизнь родного корабля. На помощь старшине команды Щепляку, мотористам Полетаеву, Турятко, Мельниченко пришли радист Кваша, торпедист Шепунов, дублер боцмана Нерюков. За предельно короткий срок им удалось ввести в строй остановившийся мотор, прекратить поступление забортной воды внутрь корпуса. А верхняя команда все это время вела неравный бой. Пулеметчики и комендоры метким огнем отгоняли стремившиеся подойти поближе сторожевые катера. Старший лейтенант Горбачев, искусно маневрируя, не давал береговой батарее пристреляться.

Когда Щепляк доложил, что средний мотор введен в строй, старший лейтенант приказал сбросить за корму несколько зажженных дымшашек, дал самый полный ход и, оторвавшись от преследования, благополучно привел свой израненный катер в Пумманки.

Как тут было не согласиться с капитан-лейтенантом Лозовским, что старший лейтенант Горбачев и его подчиненные в трудном испытании показали себя действительно настоящими катерниками!

Все торпедные катера, разрядившиеся в этом бою, той же ночью были переведены из Пумманок в главную базу. Туда же для подготовки новой группы катеров ушли и мы с В. А. Чекуровым. В Пумманках остались всего два катера — старшего лейтенанта Лихоманова и капитан-лейтенанта Острякова, а на КП — оперативная группа во главе с помощником начальника штаба капитан-лейтенантом Г. И. Рубашенко. Мы полагали, что немцы, потеряв только что два корабля, в ближайшее время не решатся проводить конвой.

Однако вечером того же 14 сентября, минут за пятнадцать до выхода в Пумманки шести торпедных катеров под командованием капитана 3 ранга В. П. Федорова, с КП-200 позвонил капитан-лейтенант Рубашенко.

Он сообщил, что из Бек-фиорда в море вышел конвой — четыре транспорта в сильном охранении.

— Эти данные нельзя считать окончательными, — уточнил Георгий Иванович. — Летчик обнаружил цели уже в сумерках.

Так вот оно что!.. Гитлеровцы рассчитывали, что после проведенной атаки у нас не окажется катеров, готовых к бою, и конвою ничто не грозит. Что ж, разочаруем их и на этот раз!

Посоветовавшись с начальником штаба, я доложил в штаб флота решение на предстоящий бой. Отряд капитана 3 ранга Федорова прямо из главной базы, не заходя в Пумманки, пойдет, минуя Варде, к мысу Маккау, а оттуда двинется навстречу конвою вдоль берега. Два торпедных катера, находящиеся в Пумманках, с наступлением темноты выйдут к Бек-фиорду и осмотрят прибрежную коммуникацию вплоть до Варде. Командир звена старший лейтенант Лихоманов должен выяснить, не отстает ли конвой у входа в пролив Буссесунн. При обнаружении там конвоя он донесет об этом и наведет на противника отряд Федорова.

Наше решение было одобрено, но начальник оперативного отдела штаба флота капитан 1 ранга Румянцев поинтересовался, сможем ли мы руководить боем, оставаясь в главной базе.

— Связь не подведет? Может быть, лучше тебе, Александр Васильевич, выйти вместе с Федоровым да высадиться в Пумманках?

Я напомнил, что на этот заход придется затратить не менее часа, а сейчас каждая минута на счету.

Довод был достаточно убедительным, и с ним согласились.

Мы с Чекуровым проводили в море шесть торпедных катеров отряда Федорова. До мыса Маккау им предстояло пройти более ста миль. А спустя полчаса в Пумманках отдало швартовы звено Лихоманова. Теперь предстояло терпеливо ждать докладов.

Первым подал весть о себе Лихоманов. Доложил, что прошел от Бек-фиорда до Варде. Работал во взаимодействии с Ил-4, но конвоя не обнаружил. Значит, немецкие корабли успели уже форсировать Буссесунн, и теперь оставалось надеяться на встречу с ними катеров

Федорова. Лихоманову было приказано обогнуть Варде с востока и продолжать поиск в районе Перс-фиорда.

Наступило 15 сентября... В 2 часа с минутами Федоров донес, что подошел к мысу Маккаури и лег на обратный курс, навстречу конвою. Чуть позже приняли короткую радиogramму от Лихоманова: «Дошел до мыса Харбакен. Конвой не обнаружил. Возвращаюсь в Варангер-фиорд». Стрелки часов продолжали отсчитывать время новых суток, а от Федорова все не было сообщения о встрече с конвоем.

Куда же запропастились почти два десятка вражеских кораблей, которые обнаружила вечером авиаразведка? Как тут было не посетовать на летчика, который, увидев конвой, не сумел до наступления темноты передать его своему товарищу из ночной разведки. В результате за те несколько часов, в течение которых наблюдение за вражескими кораблями не велось, гитлеровцы либо втянули их обратно в Бек-фиорд, либо, пройдя проливом Буссесунн, успели рассредоточить по разным фиордам. И вот, пробыв всю ночь в море, торпедные катера вынуждены ни с чем возвращаться в базу.

Но тут из штаба оборонительного района сообщили: враг ставит дымовую завесу в районе Кообхольм-фиорда. Что это?.. Повторение старого приема ложной демонстрации с целью еще больше запутать нас или попытка провести свои транспорты в Лиинахамари? Это необходимо было срочно проверить. Поэтому, разрешив Федорову возвратиться в базу, приказываю звену Лихоманова пройти вблизи берега от Кообхольм-фиорда до Петсамо. Если там ничего нет, то и это звено могло возвращаться в Пумманки.

...В сентябре в Заполярье светает примерно около пяти часов утра. Наблюдая из окна штаба, как все четче и четче прояснялись, выступая из ночного мрака, окружавшие базу скалы, мы с Чекуровым с нетерпением ждали вестей от Лихоманова. Наконец он донес, что в районе Сак-фиорда обнаружен конвой.

Так вот в чем дело! Значит, выйдя накануне вечером из Бек-фиорда, конвой, чтобы сбить нас с толку, до наступления темноты шел в сторону Варде. Но как только стемнело и наша воздушная разведка перестала вести наблюдение, он возвратился к Бек-фиорду, а затем направился к Петсамо. Что ж, надо признать, противник

здорово поводил нас за нос. Мы попусту сгоняли катера к мысу Маккауэр.

Что предпринять? Приказываю Федорову:

— Идите к Сак-фиорду. Атакуйте обнаруженный там конвой. С рассветом вас прикроют истребители.

Но на двух торпедных катерах отряда горючее было на исходе. Пришлось их отправить в Пумманки. Остальные четыре катера устремились на перехват конвоя. От мыса Вайталахти, где их застал приказ, до Сак-фиорда им предстояло пройти около тридцати миль. Лихоманов должен был, не обнаруживая себя, продолжать наблюдение, ожидая подхода Федорова. Но все испортил его ведомый — капитан-лейтенант Остряков.

П. П. Остряков пришел к нам с сухопутного фронта. У нас ему пришлось начинать все сначала. Назначили его помощником командира на катер, которым командовал офицер с младшим званием. В этом не было ничего обидного: ему надо было много учиться. После Остряков получил катер. Всем хорош командир, да уж слишком горяч...

И теперь, завидя конвой, Остряков забыл о приказе дожидаться подхода других катеров.

— Атакуем! — передал он Лихоманову и дал самый полный ход.

Лихоманов не сумел остановить его. Капитан-лейтенант вырвался далеко вперед. Страшно, когда смелость перерастает в безрассудство! Одиночный катер сейчас же обступили вражеские корабли.

Чтобы спасти товарищей, в бой пришлось вступить Лихоманову. Его стремительная атака вызвала замешательство у гитлеровцев. Этим воспользовался Остряков, вырвался из вражеского кольца и, ставя дымзавесу, начал отходить к северу. А опомнившийся противник обрушил весь огонь на катер Лихоманова. Неравный бой длился несколько минут. Нашим катерникам удалось повредить один из вражеских кораблей. Но вскоре снаряд попал в моторный отсек. Катер потерял ход и загорелся. Советские моряки отстреливались, пока могли держать оружие.

Получив последнюю радиограмму Лихоманова, мы

поняли, что катер погиб. Моряки его до конца выполнили свой долг.

Гибель Лихоманова и его экипажа потрясла нас. Почему это произошло? И где Остряков? Его рация молчала.

Мы остались без донесений разведчиков. Что ожидает наши четыре катера, несущиеся сейчас к Сак-фиорду? Мы обязаны были думать о их судьбе. Обратились за помощью к летчикам. Ближайший к нам аэродром не имел оборудования для обеспечения ночных полетов. И все же летчики пошли нам навстречу. 15 сентября солнце всходило в 5 часов 41 минуту, а истребители капитана Максимовича поднялись в воздух в 5 часов 19 минут — почти за полчаса до восхода солнца. Через восемь минут после взлета, они были уже над катерами и установили с Федоровым прямую радиосвязь.

Вообще-то дневная (к моменту подхода катеров к Сак-фиорду уже совсем развиднелось) атака четырьмя торпедными катерами конвоя из двух десятков кораблей — рискованное предприятие. Но мы решились на этот шаг, полагаясь на мастерство наших моряков и надежную поддержку с воздуха. Тесное боевое взаимодействие с авиацией нас еще никогда не подводило.

В моем архиве по счастливой случайности сохранился интересный документ — запись радиоперехвата переговоров между капитаном 3 ранга Федоровым и старшим лейтенантом Николаевым, который командовал группой истребителей, непосредственно прикрывавшей катера. В ней, как мне кажется, хорошо отражается и динамика того памятного боя, и вся сила боевого сотрудничества моряков и летчиков.

Первая запись была сделана в 5 часов 27 минут, когда торпедные катера и появившиеся над ними истребители прикрытия установили между собой радиосвязь.

Н и к о л а е в: Федоров! Как меня слышишь?..

Ф е д о р о в: Слышу тебя отлично. Конвоя не наблюдаешь?..

Н и к о л а е в: Пока нет. Будь спокоен, предупредим вовремя.

В 6 часов 6 минут открыла огонь батарея из района Сак-фиорда. С высокой прибрежной скалы, на кото-

рой находилась эта батарея, немецким артиллеристам удалось обнаружить катера поверх дымовой завесы задолго до их подхода к конвою. Однако сколько-нибудь серьезной помехи для нас этот обстрел не представлял. Не так-то просто попасть в свободно маневрирующие торпедные катера с дистанции более пятидесяти кабельтовых. И если все же немецкие артиллеристы открыли огонь, то, пожалуй, с единственной целью предупредить свой конвой о приближающейся опасности и показать направление, откуда нужно ждать торпедной атаки. Это подтверждается, в частности, записью радиоперехвата. В 6 часов 19 минут Николаев предупредил Федорова:

— К норд-весту от вас сторожевые катера. Идут на сближение.

Четыре вражеских катера, появившись из дымзавесы, выпустили несколько очередей и снова спрятались в дыму. Так повторялось раз, два... Старшие лейтенанты Шкутов и Желваков готовы были уже ввязаться в бой. Но Федоров остановил их:

— Не увлекайтесь. Охотники заманивают вас. Будьте внимательны!

А в эфире слышалась команда Николаева своим ведомым:

— Помогать катерникам! Штурмуйте вражеские охотники!

Наши истребители, пикируя и поливая сторожевые катера меткими очередями, заставили их отойти.

В 6 часов 26 минут Николаев сообщил Федорову:

— Вижу конвой. Четыре крупные цели у берега. Мористее — сторожевики, тральщики, катера. Атакуйте. Поддержим!..

Наступили самые ответственные минуты боя. И тут новая неожиданность: летчики обнаружили катер Острякова. Наши поспешили к нему. Оказывается, катер без хода — из поврежденной системы вытекло масло. Разбита рация. Товарищи передали Острякову два ведра масла с другого катера.

Через четырнадцать минут после встречи с Остряковым, в 6 часов 46 минут, капитан 3 ранга Федоров, прорываясь уже непосредственно к транспортам, обратился за помощью к самолетам прикрытия:

— Николаев! Штурмуйте охранение!

— Вас понял,— ответил старший лейтенант и приказал своим летчикам:

— Помогать катерам! Штурмовать корабли охранения!

Атака истребителей облегчила катерникам прорыв к целям. Уже через полторы-две минуты старший лейтенант Шкутов успешно выпустил торпеды по транспорту. На отходе Шкутов, удалившись от конвоя на семь—восемь кабельтовых, приказал сбросить за борт зажженные дымовые шашки. На месте их падения за клубилось густое облако. Со стороны создавалось полное впечатление, что это дымит невыключенная дымаппаратура подбитого катера. Наши командиры не раз прибегали к этой хитрости. Удалась она и теперь. Вражеские корабли сосредоточили огонь по этому месту, не догадываясь, что стреляют не по катеру, а по плавающим дымовым шашкам.

Вслед за Шкутовым в атаку ринулся катер старшего лейтенанта Желвакова. И еще один транспорт, получив в борт две торпеды, отправился на дно.

В тумане многочисленных дымовых завес, маневрируя под огнем противника, катера нередко теряли ориентировку. И тут на помощь им опять приходили боевые друзья — летчики.

— Транспорт прямо перед тобой. Идешь правильно.

Эти слова Николаева адресовались командиру катера лейтенанту Г. Аксенову. Тот сейчас же отзывался:

— Я — «КН-двадцать четыре». Вас понял: цель прямо по курсу.

Спустя две минуты Аксенов сам увидел долгожданную цель, и выпущенные им торпеды уничтожили третий в этом бою транспорт.

В 6 часов 53 минуты командир группы истребителей прикрытия передал:

— Федоров!.. Три катера разрядились. Цели поражены. Один идет в атаку.

На этот раз речь шла о катере старшего лейтенанта Е. Успенского. Прорвавшись к конвою последним, старший лейтенант, заботясь об облегчении отхода уже разрядившихся катеров, прошел под яростным обстрелом вдоль всего строя вражеских кораблей, протянув за собой густую дымзавесу. Затем, не выключая дымаппара-

туры, он резко повернул вправо. Гитлеровцы наверняка решили, что, укрывшись за своей дымзавесой, этот катер тоже начал отход. Корабли охранения перенесли огонь в сторону моря. Но Успенский совершенно неожиданно для противника выскочил из дымзавесы и с короткой дистанции выпустил торпеды по транспорту. Яркая вспышка, озарившая клубящуюся дымзавесу, и сильный взрыв показали, что и последний транспорт конвоя нашел свой бесславный конец.

Хочется подчеркнуть такую деталь: к моменту прорыва к конвою на этом катере оставалось так мало горючего, что его приходилось подкачивать вручную. И все время, пока старший лейтенант Успенский ставил дымовую завесу, а затем выходил в атаку на транспорт, старшина группы мотористов коммунист старшина 1-й статьи Малякшин не отходил от ручной помпы.

— Утренняя зарядочка была — лучше и не придумаешь, — улыбаясь рассказывал потом старшина.

Командир отряда уже готов был дать приказание об общем отходе, но в это время услышал голос Николаева:

— Федоров! Еще один катер пошел в атаку. Подожди его!

— Где еще катер? — недоумевая, спросил Василий Панфилович.

— Показываю трассой.

И с истребителя потянулись огненные черточки в сторону берега.

Оказалось, что это, подойдя позже всех к месту боя, попытался выйти в атаку капитан-лейтенант Остряков. Хотел атаковать вражеские сторожевики. Не получилось — дорогу преградили фашистские катера. Отбиться от них Острякову удалось лишь с помощью истребителей.

Федоров отдал приказ об общем отходе. В нескольких милях от места боя Василию Панфиловичу удалось собрать вокруг себя весь отряд. Заняв места в строю противовоздушной обороны, катера взяли курс на Пумманки, передав эстафету по разгрому конвоя летчикам.

Через несколько минут над Сак-фиордом появилась группа самолетов, ведомая старшим лейтенантом Ско-

пинцевым. В итоге их бомбо-штурмового удара ярким костром запылал один из сторожевых кораблей. Прилетевшие на смену этой группе штурмовики старшего лейтенанта Тамарова и лейтенанта Хиринского отправили на дно сторожевой катер. Спустя некоторое время остатки конвоя были атакованы штурмовиками Героя Советского Союза капитана Осыки.

Попытка прорыва в блокированный североморцами порт Лиинахамари дорого обошлась гитлеровцам.

В то время как штурмовики добивали остатки конвоя у Сак-фиорда, на подходах к Рыбачьему завязались ожесточенные воздушные бои между «мессершмиттами» и истребителями прикрытия торпедных катеров. Здесь два «мессершмитта» сбил гвардии старший лейтенант Голодников. По одному вражескому истребителю сбили капитан Сахаров и старший лейтенант Шевченко. Наши потеряли один самолет. Летчик, лейтенант Муромцев, выбросился с парашютом, и его подобрал из воды моряки флагманского торпедного катера старшего лейтенанта Желвакова.

Моряки в этой воздушной схватке не были простыми наблюдателями. Спустя несколько дней в газете «Североморский летчик» старший лейтенант Николаев писал, вспоминая о минувшем бое:

«Пара «мессершмиттов» вступила в бой с парой Сахарова. Первая атака была на встречных курсах. Потом бой продолжался на виражах. Одному из «мессершмиттов» удалось зайти самолету Сахарова в хвост. Это заметили катерники и немедленно открыли по врагу заградительный огонь. Атака немца была сорвана. Через некоторое время, когда Сахаров заходил в хвост ведущему немцу, ведомый «мессер» опять оказался на близкой дистанции. И опять капитана выручили комендоры торпедных катеров. Дружным огнем они заставили немца отвернуть в сторону, а Сахаров спокойно продолжал сближаться с противником и в упор сбил его...»

Николаев после боя позвонил на стоянку катеров и поблагодарил комендора старшего краснофлотца Колесникова за то, что он своим метким огнем хорошо помог нашим летчикам.

В 9 часов утра, пробыв в море на ходу более полусуток, отряд катеров В. П. Федорова ошвартовался у причалов в Пумманках.

А по акватории Варангер-фиорда как напоминание о бое еще несколько дней носило дымовые завесы. Растянутая легким ветерком серая пелена дыма затянула площадь почти в триста квадратных километров.

Радость очередной победы — четыре потопленных транспорта — успех немалый! — омрачалась гибелью старшего лейтенанта В. М. Лихоманова и его подчиненных.

Виктор Митрофанович — невысокий, широкоплечий, ладно сложенный — пришел на торпедные катера в 1942 году. Ему в ту пору не исполнилось еще и 22 лет. Но на войне люди быстро мужали. К нам в бригаду он пришел уже испытанным бойцом, у которого было чему поучиться. И он щедро делился своим опытом с молодыми командирами.

Обычно Лихоманов был сдержанным, немногословным. Но однажды мне довелось видеть старшего лейтенанта восторженно-возбужденным. В этот день он получил письмо о том, что у него родился сын.

Когда я поздравил его, Виктор Митрофанович вынул из кармана письмо.

— Нет, вы представляете, товарищ комбриг, вес — 4 кило 200 граммов. Рост 52 сантиметра. Это же богатырь, правда?! Жена пишет, что сын даже рыжеватый в меня!

И засмеялся, счастливый, лохматя свою курчавую шевелюру.

Но увидеть сына Виктору Митрофановичу так и не довелось...

Узнав обстоятельства гибели катера Лихоманова, я хотел отдать Острякова под суд военного трибунала. Капитан-лейтенант и не пытался оправдываться. В своем рапорте он всячески подчеркивал свою вину и выражал готовность понести любое наказание.

Он сидел перед нами чуть ссутулившись и глядя в одну точку.

— Атака казалась простой. Конвой-то был вот он, рядом. Но получилось... А тут еще масло потекло. Все, в общем, плохо...

Когда капитан-лейтенант вышел, мы какое-то время молчали. Потом капитан 3 ранга Мураневич проговорил:

— Я, пожалуй, не подберу сразу убедительных доводов, но уверен: большего наказания, чем все случившееся, ему ни один трибунал не вынесет.

Да, мы понимали, как сейчас горько Острякову. Нет тяжелее горя, чем сознание, что из-за тебя погибли товарищи. Трагедия у Сак-фиорда заставила офицера пересмотреть и осудить все свое поведение. И прав Андрей Евгеньевич: это подействует на Острякова сильнее любого приговора.

Остряков остался на бригаде.

Командующий флотом требовал от нас наращивать силу ударов по врагу.

— Осень — пора штормов. Но тем не менее ваша задача сейчас — еще упорнее искать противника. И бить, бить всюду, где найдете!

Всем было ясно, что мы на пороге значительных событий. 17 сентября наши войска, прорвав мощную оборону противника, погналы гитлеровцев на ухтинском, кастенъгском и кандалакшском направлениях. Ветер долгожданного наступления воодушевлял всех. Моряки рвались в бой.

В ночь на 19 сентября в море выходило две группы торпедных катеров. Перед звеном Героя Советского Союза капитан-лейтенанта А. Шабалина была поставлена задача: разведать боем расположение береговых батарей у входа в залив Петсамовуоно. Появление здесь советских кораблей противник расценил, видимо, как попытку прорыва в залив. Тотчас зажглись прожектора. Открыли огонь береговые батареи. Нашим наблюдателям оставалось только как можно точнее отмечать на планшетах расположение орудий. Отряд катеров капитан-лейтенанта И. Решетько в это время вел разведку у побережья, на участке между островами Лилле-Эккерей и Варде.

В следующую ночь пять катеров во взаимодействии с самолетами Ил-4 проводили поиск в районе маяка Стуршер — острова Варде. Как обычно, летчики, по просьбе катерников, время от времени сбрасывали

САБы. Но обнаружить ничего не удалось. Да если бы даже немцы и готовились вывести в эту ночь свои корабли в Варангер-фиорд, то, заметив вспышки осветительных авиабомб, наверняка отказались бы от своего намерения. Становилось очевидным, что хотя наше взаимодействие с Ил-4 и было уже достаточно надежно отработано, от него все же приходилось отказываться. Использование САБов в ночном поиске исключало скрытность нападения. Жизнь настоятельно требовала применения радиолокаторов, которые к тому времени уже вошли на вооружение наших катеров.

Еще летом бригада получила три катера с радиолокационными станциями. Из флотской мастерской прибыл старший инженер-лейтенант А. Г. Приймак. Немало времени и сил потратил он на регулировку радиолокационных станций.

Наблюдая за его работой, мы убедились, что это отличный инженер и чудесный человек — трудолюбивый, скромный, внимательный к людям. Мы с ним несколько раз выходили в море для проверки аппаратуры в действии. И с каждым разом Андрей Григорьевич мне все больше нравился. Я предложил ему занять только что введенную на бригаде должность флагманского специалиста по радиолокации.

Худощавое лицо инженера вспыхнуло румянцем.

— Буду считать за честь!

— Вот и хорошо. Назначение оформим приказом. Предварительная договоренность на этот счет с управлением кадров флота есть...

Новый флагманский специалист принялся за подготовку радиометристов.

Он подбирал их придирчиво. К новым приборам допускались люди, страстно влюбленные в технику. Наиболее примечательным из них был, пожалуй, юнга Машиновский — шестнадцатилетний паренек, сын московского рабочего. Он готов был сутками не вылезать из крохотной каютки, где размещалась радиолокационная аппаратура.

Терпеливо и неумолимо учил и тренировал своих подчиненных инженер Приймак. К наступлению полярной ночи все наши радиометристы уже умело управляли довольно капризными приборами.

В ночь на 21 сентября в отряд, направившийся в

район Сюльте-фиорда, впервые был включен катер с радиолокационной станцией. Хотя, к немалому огорчению А. Г. Приймака да и нашему, ни одной цели встретить не удалось, этот поход все же позволил проверить станцию и подготовку радиометриста уже в боевой обстановке. Теперь мы почти каждую ночь тщательно обшаривали побережье в поисках вражеских кораблей.

Но самый крупный бой в сентябре нам довелось вести без радиолокаторов, так как он разгорелся днем.

Поздно вечером 24 сентября меня вызвали к телефону. Капитан 1 ранга Т. С. Иванов, из оперативного отдела штаба флота, сообщил, что примерно в 19 часов подводная лодка капитана 2 ранга Г. И. Щедрина атаковала у мыса Нордкин конвой, следовавший на восток. Потоплен транспорт водоизмещением до четырех тысяч тонн. (Вот уже в третий раз неугомонный Григорий Иванович упреждал своей атакой наши удары по конвою, и катерники прониклись глубоким уважением к этому асу подводного флота.) Перед бригадой ставилась задача во взаимодействии с авиацией атаковать и разгромить этот конвой в Варангер-фиорде. Общее руководство боем возлагалось на меня.

На КП-200 наступила еще одна бессонная ночь. По данным, полученным от подводников, можно было предположить, что корабли противника минуют Варде часов в 11 утра. Не зная еще точного состава конвоя, мы сосредоточили в Пумманках пять катеров капитана 2 ранга В. Алексеева и четыре — капитан-лейтенанта И. Решетько.

Связались с командующим ВВС флота. Генерал Преображенский сообщил, что к полуночи на аэродромах в тридцатиминутной готовности будут находиться три группы Ил-2 (18 самолетов) для штурмовки кораблей охранения конвоя и столько же истребителей прикрытия. Два специально выделенных штурмовика будут ставить дымовые завесы, чтобы облегчить действия катеров. 14 истребителей-бомбардировщиков под командованием майора Бабернова выделялись для нанесения топ-мачтового удара по вражеским кораблям.

— Ну, как считаешь, достаточно? — спросил генерал. — А то можем еще подбросить.

Вот как!.. Еще сравнительно недавно у нас был на счету каждый самолет, а теперь только на обеспечение торпедных катеров командующий авиацией флота выделяет полсотни самолетов и готов «подбросить» еще. Это ли не убедительное свидетельство нашей неизмеримо возросшей боевой мощи.

С рассветом на разведку вылетело звено «яков» старшего лейтенанта Шевченко. Конвой оказался в трех-четыре милях к востоку от полуострова Харбакен. Спустя некоторое время воздушный разведчик доложил, что вражеские корабли миновали пролив Буссесунн. В 8 часов Шевченко, вновь вылетев на разведку, передал по радио, что конвой прошел мыс Кибергнес и следует курсом в Бек-фиорд.

Теперь пришла пора вступать в дело нам. На КП-200, не переставая, звонят телефоны. Уточняем последовательность действий. Главный удар наносят торпедные катера. За пять минут до торпедного залпа первой волны катеров (Алексеева) корабли охранения должны быть атакованы штурмовиками Ил-2. Тотчас после них самолеты-дымзавесчики ставят ближние завесы перед конвоем. Истребители-бомбардировщики майора Баберного атакуют совместно с торпедными катерами И. Решетько.

В 9 часов 34 минуты вышли в море обе группы торпедных катеров. Спустя шесть минут с аэродрома поднялись в воздух две группы штурмовиков — старшего лейтенанта Суворова и лейтенанта Хирина, — по шесть самолетов в каждой, в сопровождении истребителей. В 10 часов я дал приказание для всех: «Главный удар нанести в 11 часов 00 минут. Район Эккерей».

Впервые за много месяцев погода благоприятствовала нам. Дул всего лишь четырехбалльный юго-западный ветер (по заполярным условиям это не ветер, а вете-рок), и волнение моря не превышало трех баллов. Перистые облака с частыми синеватыми просветами помогали нашей ударной авиации незамеченной подойти к цели. С вершины горы Земляной открывалась вся панорама залива.

Идя тридцатиузловой скоростью, капитан 2 ранга

В. Н. Алексеев заметил первый из кораблей конвоя в 10 часов 32 минуты, то есть почти на полчаса раньше, чем мы предполагали.

Наши катера тоже были обнаружены. По ним в 10 часов 40 минут открыли огонь корабли охранения конвоя и береговые батареи. В. Н. Алексеев был поставлен перед нелегким выбором: либо, поджидая самолеты, отойти, но тем самым дать возможность гитлеровцам подготовиться к отпору, либо начинать атаку только своими силами. Быстро оценив обстановку, он решил атаковать.

— Прошу разрешения приступить к постановке дымзавесы, — передал Остряков командиру дивизиона.

По просьбе капитан-лейтенанта его катер был выделен на этот бой дымзавесчиком. Нам хотелось дать офицеру возможность реабилитировать себя в бою.

Катер Павла Острякова, получив «добро» командира дивизиона, резко вырвался вперед. Идя контр-курсом с конвоем, капитан-лейтенант приказал включить дымаппаратуру и под яростным обстрелом полетел вдоль вражеского строя. На мостик к Острякову поступали один за другим тревожные доклады: «Пробоина в правом борту!..», «Снаряд разорвался в кубрике!..», «Осколком повредило радиостанцию. Связи нет!..» Капитан-лейтенант видел, как струйка крови стекала по лицу пулеметчика матроса Фомкина. Были раненые и среди мотористов. Но ни один из катерников не покинул своего боевого поста. Каждый понимал, что, приняв на себя весь огонь кораблей противника, они обеспечивали успешные действия друзей.

Первым, прорвав дымовую завесу, поставленную Остряковым, вышел к конвою флагманский катер, за штурвалом которого стоял лейтенант Владимир Барбашев. Перед ним, на выгодном курсовом угле, оказался грузно осевший транспорт. Вокруг катера высоким частотолком поднялись всплески от снарядов. На разные голоса свистели в воздухе осколки. Однако Барбашев упорно рвался к цели. Через тридцать секунд после залпа на месте, где только что находился транспорт, к небу взметнулись космы черного дыма. Это произошло в 10 часов 44 минуты. Через минуту выпустил торпеды по головному тральщику старший лейтенант Василий Кузнецов, за ним — лейтенант Николай Шаповалов. Летчик

старший лейтенант Николаев, прикрывавший со своими боевыми друзьями торпедные катера с воздуха, передал: «Второй фашист взорвался. Только куски в разные стороны полетели!» Заканчивая постановку дымовой завесы, решил попытать счастья в атаке и Остряков. В хвосте конвоя шли низкобортная десантная баржа и сторожевой корабль. Окрыленный успехом с постановкой дымзавесы, капитан-лейтенант решил, было, атаковать сразу обе эти цели.

— Не гонись за двумя зайцами. Атакуй-ка лучше сторожевик, — посоветовал ему начальник штаба дивизиона капитан 3 ранга Н. Г. Холин, шедший на его катере.

Сторожевой корабль не смог отвернуть от выпущенных с предельно короткой дистанции торпед и, взорвавшись, затонул.

Мы все порадовались за Острякова. Он доказал, что может отлично воевать.

Разгром конвоя продолжался. К месту боя подоспели наши штурмовики, и теперь на вражеские корабли обрушивались удары и с моря, и с воздуха. Успешно выпустили по целям торпеды катера старшего лейтенанта Алексея Киреева, капитан-лейтенантов Виктора Чернявского и Леонида Алексеева. Выходя в атаку последним, старший лейтенант Георгий Макаров обнаружил вначале подбитый кем-то тральщик и хотел добить его, но капитан-лейтенант Решетько, находившийся на катере Макарова, протянул руку:

— Смотри!

Из-за тральщика показался форштевень сторожевого корабля. Да, эта цель позавиднее! И Макаров направил торпеды в борт сторожевика.

Бомбы с самолетов и торпеды, выпущенные с катеров, взрывались иногда одновременно, и тогда трудно было разобраться, что утопили летчики, что катерники.

Выполнив боевую задачу, катера начали отходить к Пумманкам. Тутгодились и дымовые завесы, поставленные самолетами. Под их прикрытием легче было вырываться из зоны обстрела береговых батарей.

Но бой еще не закончился.

Взбешенные понесенными потерями, гитлеровцы вызвали в Варангер-фиорд большую группу истребителей.

Проникнув сквозь барраж наших самолетов, один из «фокке-вульфов» атаковал катер В. Быкова. Фашист успел выпустить всего одну очередь и тут же был сбит. Но очередь эта оказалась точной. Упал бездыханным на палубу пулеметчик комсомолец старшина 2-й статьи Суворов. Повис на ремнях «эрликона» тяжелораненый комсомолец старшина 2-й статьи Полтавский. Ранило торпедиста Мамичева, старшину группы мотористов Горбунова.

— Что с вами, товарищ командир? — спросил помощник командира коммунист П. Заклинский, увидев, что по лицу старшего лейтенанта Быкова из-под стальной каски стекает кровь.

— Да вот царапнуло малость, — ответил, пытаюсь улыбнуться, Василий Иванович. — Становись-ка, мичман, на руль. А я посижу. Знаешь, в глазах что-то... Да и рука у меня, кажется, повреждена...

Второй «фокке-вульф» попытался, было, атаковать катер старшего лейтенанта Василия Кузнецова, но комендор старшина 1-й статьи Приенский и пулеметчик матрос Хазов встретили вражеский истребитель меткими очередями. Оставляя в небе черный хвост дыма, «фокке-вульф» направился к берегу. Там, теряя высоту, врезался в гранитную скалу и взорвался.

Последними подходили к Рыбачьему катера капитан-лейтенанта Чернявского и лейтенанта Шаповалова. У самого входа в Пумманский залив с катера Чернявского заметили плавающую мину. Капитан-лейтенант донес об этом на КП и получил приказание: «Мину уничтожить!» В это время со стороны нашего берега показалась группа самолетов. В первое мгновение они были приняты за свои истребители. Когда же сигнальщики разобрались в ошибке, было уже поздно. Сделав горку, немецкие самолеты осыпали катера ливнем снарядов и пуль. И почти все они обрушились на катер капитан-лейтенанта В. Чернявского. (Потом в корпусе этого катера судоремонтники насчитали 172 пробоины.) Три человека из экипажа были убиты. Остальные ранены. Лишь каким-то чудом осколки снарядов и пули не заделали командира и старшину группы мотористов.

На помощь Чернявскому поспешил катер лейтенанта Николая Шаповалова. Через несколько минут к ним подошел еще высланный из Пумманок Алексей Киреев.

Удерживая полузатонувший катер с обоих бортов на швартовах, они довели его до базы.

...На пирсе, накрытые бело-голубым полотнищем Военно-морского флага, лежали тела погибших моряков. Вокруг стояли, склонив головы, их боевые друзья. И вдруг, нарушая скорбные минуты сурового прощания, загрохотали залпы: наши береговые батареи проводили очередной огневой налет по артиллерийским позициям гитлеровцев в районе Лиинахамари.

Грозовые раскаты мощных орудий были одновременно и траурным салютом в честь наших погибших товарищей, и предвестниками близкой победы.

ОПЕРАЦИЯ „ВЕСТ“

В ночь на 26 сентября на одном из катеров дивизиона Алексеева я перешел из Пумманок в нашу основную базу. На рассвете высокие гранитные скалы, окружавшие бухту, многократным эхом повторили длинные пулеметные очереди: катерники извещали боевых друзей об одержанной победе в последнем бою в Варангер-фиорде.

Спустя три дня, уже собравшись возвращаться на КП-200, я получил приказание прибыть на линейный корабль «Архангельск».

— Цель прибытия? — повторил оперативный дежурный штаба флота мой вопрос. — На сей счет никаких указаний не было. Видимо, на совещание. А там, кто знает...

Захватив наугад кое-какие материалы, я вместо Пумманок вышел на катере в Ваенгу. «Архангельск» стоял на рейде. Вокруг линкора покачивались в дрейфе десятка полтора катеров. Над заливом барражировали истребители. Как видно, совещание важное. О чем же пойдет на нем речь?..

Встретивший у трапа старший помощник командира линкора мой давний знакомый капитан 1 ранга М. З. Чинчарадзе пригласил в кают-компанию.

— Военный совет совещается с армейскими генералами уже часа два, — сказал Михаил Захарович. — А командиры соединений флота только что прибывают.

В кают-компании линкора многолюдно. Судя по всему, совещание только что закончилось. Было много армейских генералов. Рядом с А. Г. Головки сидел командующий Карельским фронтом генерал армии

(ныне маршал) К. А. Мерецков. Остальные были незнакомы.

Я доложил о своем прибытии.

— Представляю вам, товарищи, — обратился Арсений Григорьевич к армейцам, — командира Краснознаменной бригады торпедных катеров. Обходи, Кузьмин, всех по кругу...

Так мне довелось познакомиться с руководством Карельского фронта и 14-й армии, дислоцированной в приморской полосе.

Командир линкора контр-адмирал В. И. Иванов пригласил к столу. За обедом завязалась оживленная беседа, но на темы, далекие от войны. Вспоминались разные смешные истории. Армейские товарищи пытались подшучивать над моряками. Адмиралы не оставались в долгу. Создавалось впечатление, что за столом сидят не военачальники, только что принявшие важнейшее для Родины решение, а беспечные приятели, коротающие время за веселой беседой.

После обеда, проводив гостей, командующий флотом и член Военного совета стали вызывать командиров соединений. Разговор был коротким. Но люди выходили из адмиральской каюты посуровевшими, сосредоточенными. И тотчас же сходили на свои катера.

Настал и мой черед. Адмирал Головкин сообщил, что Ставкой Верховного Главнокомандующего войскам Карельского фронта и Северному флоту приказано изгнать немецко-фашистских захватчиков из советского Заполярья и освободить район Петсамо. Наступление начнется в ближайшее время. Задача нашей бригады — во взаимодействии с авиацией прервать коммуникации противника в Варангер-фиорде, чтобы лишить гитлеровцев возможности эвакуировать свои войска и подвозить морем резервы и воинские грузы.

— В деталях боевая задача будет определена специальной директивой, — продолжал адмирал. — Вы получите ее через день-два. Но уже теперь вводите в действие как можно больше катеров. Каждому из них найдется дело.

Вице-адмирал Николаев подчеркнул необходимость еще активнее и действеннее организовывать в эти дни партийно-политическую работу среди моряков.

— Мы сейчас сильнее врага и приказ Верховного

Главкомандования несомненно будет выполнен. Но это вовсе не значит, что гитлеровцев можно шапками закидать. Людей нужно готовить к суровым испытаниям. От каждого матроса; старшины и офицера требуется мужество и полное напряжение сил.

Итак, наступление... Здесь, на Рыбачьем, многие новости приходили к нам с опозданием. Но мы сами заметили, что наша артиллерия, к примеру, за последнее время стала все чаще вступать в борьбу с вражескими береговыми батареями в районе Петсамо и Муста-Тунтури, словно бы пристреливаясь к ним. На аэродромах заметно увеличилось число самолетов. Появились летчики с Черного моря, где боевые действия заканчивались. Выехав как-то на КП командующего оборонительным районом, мы не без труда добрались до него: ночная дорога была забита колоннами автомашин, по обочинам шагали морские пехотинцы — их было много, и были они в новом обмундировании — свежие части из резерва.

Мы понимали, что предстоящее наступление не будет легким маршем.

19-й горнострелковый корпус «Норвегия», державший оборону на петсамо-кирккенесском направлении (корпусом этим, кстати сказать, командовал племянник одного из заправил фашистского рейха начальника штаба оперативного руководства ОКВ Йодля — генерал артиллерии Ф. Йодль), насчитывал, по свидетельству квартирмейстера этого корпуса, до 110 тысяч отборных солдат. За три года войны они понастроили немало различных дотов, дзотов и иных укреплений. У нас на полуострове Среднем линия фронта пересекала перешеек по горному хребту Муста-Тунтури. На его высокие обрывистые скалы не так-то просто было взобраться и специалисту-скалолазу. А нашим войскам предстояло на этом девятикилометровом участке преодолеть еще около двухсот дзотов и дотов, часть которых была соединена между собой туннелями. Подступы к горному хребту преграждали заполненный водой глубокий ров, минные поля и многоярусные проволочные заграждения.

Мы знали, что за главной оборонительной полосой немцы на рубеже реки Титовки создали вторую, а по

западному берегу реки Печенги еще и третью полосу укреплений. Недаром гитлеровцы хвастливо называли свою оборону «гранитным северным валом». Веря в его неприступность, командир 2-й немецкой горнострелковой дивизии генерал-лейтенант Деген писал в одном из своих приказов: «Русским мы предоставим возможность нахлынуть на наши сильно укрепленные позиции, а затем уничтожим их мощным контрударом... Мы именно здесь должны показать русским, что еще существует немецкая армия и держит фронт, который для них непреодолим».

Но наше командование придерживалось по этому поводу иного мнения. Заканчивая беседу, адмирал Головкин, как бы между прочим, сказал:

— Начинаем формирование Печенгской военно-морской базы... — И, хитровато улыбнувшись, добавил: — Как видишь, открываются новые вакантные должности...

Через два дня мы получили директиву командующего флотом на предстоящую наступательную операцию под кодовым наименованием «Вест». Боевая задача, определяемая этой директивой для нашей бригады, была уточнена: не только прервать коммуникации противника в Варангер-фиорде, но и быть готовыми участвовать в высадке десантов.

Предчувствуя приближение решающих боев, моряки бригады не жалели сил, чтобы лучше подготовить свои корабли. Катер капитан-лейтенанта Чернявского, получивший в бою 25 сентября более 170 пробоин, был введен в строй всего за четыре дня. Когда командир дивизиона доложил, что этот катер готов к выходу в море, то я, признаться, не очень в это поверил. Но Рихтер подтвердил, что полученные в предыдущем бою повреждения на катере устранены, и сделано все доброту.

— Весь новый экипаж работал так, что даже на обед и ужин людей приходилось чуть ли не по приказанию отправлять, — довольно улыбаясь, сказал Андрей Михайлович.

Горячая пора наступила для политотдела, партийных и комсомольских организаций. Необычайно горячо катерники воспринимали каждое слово агитатора. Наша многотиражная газета и листовки, выпускаемые полит-

отделом, расхватывались и зачитывались до дыр, и, как всегда бывает в особо ответственные для советских людей моменты жизни, усилился поток заявлений с просьбой принять в партию. Десятки матросов, старшин и офицеров выразили желание идти в бой коммунистами. Каждое заявление, написанное зачастую карандашом, со следами масляных пятен, потому что писалось оно прямо на моторе или на казеннике пушки, нельзя было читать без волнения. В них говорилось о самом сокровенном — о любви к Советской Родине, о преданности великой ленинской партии.

Объясняя сложность обстановки, призывая товарищей быть смелыми и мужественными в боях, коммунисты и комсомольцы заботились и о повышении мастерства каждого катерника.

— Беседуя с матросами и старшинами, — напутствовал агитаторов начальник политотдела А. Е. Мураневич, — не уставайте напоминать, что одного только желания разгромить врага мало. Тут необходимо еще и умение!..

И очень часто случалось, что беседа агитатора перерастала в своеобразную техническую конференцию — катерникам не терпелось поделиться друг с другом не только мыслями и чувствами, но и своим опытом, знаниями, умением.

В моей записной книжке тех лет сохранилась любопытная в этом смысле запись. Я зашел послушать беседу коммуниста старшины 2-й статьи Н. Иващенко с радистами. Говорил он горячо, увлеченно. Напомнил о героических делах своих друзей в последних боях. И вдруг задал неожиданный вопрос:

— Представьте себе, что пулеметной очередью или осколком срезало штырьевую антенну. Что вы будете делать?

Надо сказать, что такие случаи у нас бывали нередко и приводили к серьезным неприятностям: катер оказывался без радиосвязи.

Задумались матросы. Один предлагает одно, второй — другое, но все на поверку оказывается не то.

— А я убедился, — говорит агитатор, — что лучше всего в подобных случаях использовать штангу, которой чистят ствол автомата.

Возвратившись в штаб, я рассказал о предложении старшины флагманскому связисту капитану 3 ранга Смирнову. Тот отнесся к нему очень скептически. Но все же мы решили попробовать. И оказалось, здорово придумал старшина! Металлическая складная штанга в трудную минуту действительно могла с успехом заменить штырьевую антенну. В каком учебнике об этом прочитаешь?!

7 октября после сокрушительной артиллерийской подготовки войска 14-й армии перешли в наступление. В 10 часов 35 минут «гранитный северный вал», неприступностью которого так похвалялись гитлеровцы, был прорван южнее озера Чапр. Советские войска устремились вперед.

Наступление развивалось в невероятно трудных условиях: через тундру, незамерзающие болота, гранитные сопки. Солдаты шли временами по колено в ледяной воде. Тягачи застревали в непролазной грязи, пушки отставали. Вражеские доты и дзоты солдаты брали взрывчаткой и «карманной артиллерией» — гранатами.

И все же к исходу вторых суток боев наши войска форсировали реку Титовку и овладели основными опорными пунктами второй линии обороны противника. С гордостью за боевых друзей-пехотинцев читали мы оперативную сводку Карельского фронта.

В ночь на 9 октября к нам на полуостров Средний прибыли на двух больших охотниках адмирал Головко, вице-адмирал Николаев и группа офицеров штаба флота. На командном пункте генерала Дубовцева обосновался походный штаб командующего флотом. Неподалеку от КП бригады расположился со своим походным штабом генерал Преображенский, временно исполняющий обязанности командующего ВВС. В ту же ночь в Пумманки из Пала-губы перешли восемь малых и десять больших охотников.

Утром вместе с другими командирами соединений я был вызван к командующему флотом. Головко сообщил нам, что генерал армии Мерецков приказал перейти в наступление и частям Северного оборонительного района. Они должны прорвать оборону противника на хребте Муста-Тунтури, выйти на материк и перерезать доро-

гу Поровоара — Титовка, а затем вместе с частями 14-й армии наступать на Печенгу. Чтобы облегчить нашим войскам штурм Муста-Тунтури, нынешней ночью в тыл гитлеровцам будет высажен десант — 63-я бригада морской пехоты.

— Вопросы есть? — спросил Головко, заканчивая совещание (умели мы тогда проводить совещания коротко, без лишних словопрений!). — Нет? Ну, желаем всем успеха!

Возвращаемся в Пумманки. Обычно у нас днем безлюдно и тихо. Ведь до вражеских батарей — рукой подать! А теперь у причалов и на рейде скопилось десятка четыре торпедных катеров, больших и малых охотников. В сопках, окруживших бухту, расположилась со своим хозяйством бригада морской пехоты полковника Крылова. Здесь же разведчики Леонова и Барченко. Еще несколько месяцев назад мы вряд ли решились бы собрать столько войск в одном месте. Но теперь мы знаем, что ни один «юнкерс» сюда больше не сунется! В распоряжении ВВС флота семьсот боевых самолетов!

День пролетел в хлопотах. Вместе с командиром десанта полковником А. М. Крыловым и командиром высадки — командиром бригады сторожевых кораблей капитаном 1 ранга М. С. Клевенским (на мне лежит прикрытие десанта с моря) в последний раз уточнили детали перехода катеров морем и высадки десанта.

На южный берег губы Маативуоно (Малая Волоковая) нам нужно доставить в общей сложности около трех тысяч морских пехотинцев и несколько десятков тонн боеприпасов. Высадку решили провести тремя эшелонами.

Первыми подойдут к вражескому берегу три торпедных катера под командованием старшего лейтенанта Е. Г. Шкутова и высадят причальные команды. Затем восемь малых охотников под командованием гвардии капитана 3 ранга С. Д. Зюзина доставят разведгруппу и три роты автоматчиков. В это же время, но в соседнем районе катера-охотники гвардии старшего лейтенанта Б. Л. Ляха скрытно высадят разведчиков капитана И. П. Барченко-Емельянова и старшего лейтенанта В. Н. Леонова. Второй, основной, эшелон десанта следует в Маативуоно на одиннадцати больших охотниках капитана 3 ранга И. Н. Грицука. Третий эшелон следует

на семи торпедных катерах капитана 2 ранга В. Н. Алексеева.

Для прикрытия десанта с моря наша бригадаставляла две линии подвижного дозора: ближнюю — для наблюдения за выходом из Лиинахамари и дальнюю, в район Пеуровуоно, — для перехвата кораблей противника со стороны Бек-фиорда.

За час-полтора до высадки основного десанта в Варангер-фиорде, точнее в губе Маативуоно, катера нашей бригады и малые охотники при артиллерийской поддержке эскадренных миноносцев высадят две группы демонстративного десанта в Мотовском заливе. Главная задача там — наделать как можно больше шума, привлекая на себя внимание гитлеровцев.

Во второй половине дня ко всем этим заботам добавилась еще одна, не менее важная. Из штаба флота сообщили, что в 16 часов 10 минут в районе мыса Нордкин обнаружен вражеский конвой: транспорт в сопровождении четырех тральщиков и пяти сторожевых кораблей. Со скоростью семи узлов он идет к Варангер-фиорду. И надо же было немцам посылать свой конвой именно в этот день! Но, с другой стороны, это очень хорошо: значит, враг ни о чем не догадывается.

По расчетам операторов, конвой будет в пределах Варангер-фиорда около полуночи. У нас, таким образом, еще было время для развертывания своих сил. В 18 часов 15 минут из главной базы в море вышли шесть торпедных катеров под командованием капитана 3 ранга В. Федорова. По договоренности со штабом ВВС в районе Варде к ним должны были присоединиться два Ил-4, чтобы подсветить цели.

Вечером собрали командиров отрядов и катеров, которым предстояло идти с десантом. Рассказали об ожидающих их трудностях. Предупредили о створных огнях, подготовленных гидрографами.

— У меня одна просьба, — обратился к командирам катеров полковник Крылов, — чтобы бойцы вышли на берег сухими. Сами понимаете, обсушиться там будет не-

где. А сейчас не лето. Октябрь на дворе. Того и гляди выпадет снег.

Началась посадка десанта на корабли. Один за другим подходили в заранее условленном порядке ко всем трем причалам торпедные катера (каждый из них, оставив на базе торпеды, принимал на борт 50—60 человек), малые и большие охотники. Моряки разводили солдат по кубрикам. Крепили на палубах минометы, пулеметы, ящики с боеприпасами.

Пока в Пумманках продолжалась посадка, из бухты Порт-Владимир в Мотовский залив вышли торпедные катера, малые охотники и катерные тральщики с двумя группами демонстративного десанта. В 22 часа 15 минут поступил доклад, что первая группа десантников высажена у мыса Пикшуев. Спустя некоторое время западнее этого мыса, у опорного пункта гитлеровцев Обергоф, высадилась еще одна группа. Освободившись от десанта, катера начали маневрировать в этом районе. Они выпускали торпеды по берегу, обстреливали его из пушек и пулеметов, ставили дымовые завесы. Миноносцы «Гремящий» и «Громкий» в это время обстреливали переправы противника на реке Титовке.

— Шума и дыма столько,— ответили на наш запрос с поста СНИС,— словно тут целая дивизия высаживается!..

Немецкие радисты подняли в эфире переполох. Только и слышится: «Мотовский залив!.. Мотовский залив!..»

Что ж, очень хорошо!

А наша бухта все больше и больше пустела. Растаяли в ночной тьме торпедные катера Шкутова. Вслед за ними, заняв места в походном ордере, покинули рейд малые охотники Зюзина и Ляха. Приняв десантников и полностью подготовившись к недалекому (им предстояло пройти всего немногим более 20 миль), но опасному переходу, ждали своей очереди большие охотники Грицука и торпедные катера Алексеева.

Когда последний из кораблей с десантом покидал Пумманки, по вражескому побережью открыли огонь наши батареи со Среднего и Рыбачьего. За три часа артиллеристы оборонительного района выпустили по расположению противника около двух тысяч снарядов.

Мы вглядывались в темень. Лишь бы враг не обнаружил наши катера раньше времени. И вдруг на берегу вспыхнул прожектор. С нашего КП было хорошо видно, как его луч, скользя по гребням волн, ощупывает море. Посветив несколько минут, прожектор погас. Темнота стала еще непрогляднее. Ждем еще несколько минут. Пока все спокойно. Но вот вражеский берег ожил. Ударили минометы. Вспыхнуло до десятка прожекторов, лучи их засновали из стороны в сторону. Вот один из них, высветив строй малых охотников, замер. Тут же открыли огонь береговые батареи. Вокруг катеров стали вырастать яркие столбики разрывов. Потом мы перестали их видеть — все укрыла дымовая завеса.

В 23 часа 30 минут от С. Д. Зюзина была принята радиограмма: первый бросок десанта высажен на участке от мыса Пунайненниemi до мыса Ахкиюниemi. Тем временем в заливе Пунайнен-Лахти катера Б. Л. Ляха скрытно высадили разведчиков В. И. Леонова и И. П. Барченко-Емельянова.

На следующее утро старший лейтенант Е. Г. Шкутов рассказал подробности о действиях экипажей трех торпедных катеров, первыми подошедших к вражескому берегу.

— В общем-то нам пришлось, пожалуй, легче, чем всем остальным,— пытался уверить нас Евгений Германович.— Вот только когда сразу за ~~А~~иновскими островами немцы чуть не высветили нас прожектором, на душе, признаться, кошки заскребли. Ведь протяни они луч чуть-чуть дальше — и мы оказались бы у них как на ладони. Тогда уж наверняка обстрела не миновать. А у нас полные катера десантников. Однако пронесло. А когда у самого берега немцы стали нас из минометов обстреливать, то это было уже не так страшно. В суматохе они кидали мины куда глаза глядят.

Место высадки оказалось очень удачным, без подводных камней. Уткнулись форштевнями прямо в скалы. Я в центре, справа — катер Притворова, слева — Кузнецова. Чтобы от берега не отжимало, подбавывали одним мотором. Матросы сразу за борт — трап поддерживать. У меня прыгнули боцман коммунист Ярдынов и комендор Полтораков. Вода им выше пояса. Купание не из приятных. Но зато все десантники сошли с катеров сухими. Затем выгрузили боеприпасы. Через три

Нумерониеми и Ристиниеми, 210-миллиметровую батарею на одной из высот к западу от мыса Девкина, а по обоим берегам залива расставили противокатерные орудия и десятки железобетонных и каменных дотов. Но главным опорным пунктом обороны Лиинахамари был мыс Крестовый. Выступая острым уступом чуть ли не на середину залива, он накрепко закрывал проход в порт. С высоких, нависших над водой гранитных скал Крестового хорошо просматривался весь залив Петсавуоно и подступы к нему. Установив тут две батареи—88-миллиметровую зенитную и тяжелую 150-миллиметровую,—простреливающие продольным огнем весь более чем трехмильный проход в порт, гитлеровцы не зря считали Крестовый «замком Лиинахамари». Не подобрав верных и надежных ключей к этому замку, нельзя было рассчитывать на прорыв даже ценой очень больших потерь.

— Ну, что я тебе говорил, Александр Андреевич,—с улыбкой сказал Головки вице-адмиралу Николаеву.—И этот сразу же заинтересовался Крестовым...—А меня успокоил:—Об этом мы уже побеспокоились. Высаженные вчера разведчики Барченко и Леонова получили задание захватить батареи Крестового. Сейчас разведчики в пути. Дорога туда трудная и неблизкая. Но они дойдут! Мы в этом не сомневаемся. А как только батареи Крестового будут захвачены или блокированы, вы получите приказ о прорыве в Лиинахамари. Так что готовьтесь...

Прощаясь, Арсений Григорьевич добавил:

— Да, у меня есть намерение перебраться на несколько дней с КП Дубовцева сюда, в Пумманки. Примете?..

Я ответил, что катерники народ гостеприимный. Вот только бытовые условия у нас не ахти какие.

— Значит, «гранд-отеля» не обещаете? — пошутил адмирал.—Ну что же, учитывая военные условия, придется с этим смириться.

Возвращаясь на КП-200, я раздумывал о только что полученном приказании. Перебрал все операции, прове-

Н. И. Шаповалов

Г. Д. Курбатов

Катерники вернулись из боя. Поздравить друзей пришел любимец бригады Валерка

Катер лейтенанта Сиренко снова одержал победу. Как тут не веселиться! И чуть ступив на причал, мичман Ершов пускается в пляс. Благо гармонист свой — торпедист Громов

Я. С. Когаленко и М. И. Корсунский

денные с участием торпедных катеров за время второй мировой войны и не мог найти ни одной схожей с той, в которой предстояло участвовать нам. На Западе много говорилось о прорыве группы английских кораблей в марте 1942 года в захваченный немцами французский порт Сен-Назер. Действительно, задача перед отрядом из трех миноносцев и семнадцати катеров, принявших на борт десантные группы «командос», была нелегкая. Поднявшись вверх по реке Луаре, они должны были прорваться в порт и вывести из строя входные шлюзы (батопорт) единственного сухого дока на Атлантическом побережье оккупированной немцами Франции, способном принимать линейные корабли типа «Тирпиц». Предполагалось, что, ворвавшись в порт, миноносец, переоборудованный под брандер, таранит батопорт дока и, взорвавшись, затонет там. В это время высадившиеся с катеров группы «командос» подорвут вход в другой док, служивший убежищем для вражеских подводных лодок, насосное хозяйство и иное портовое оборудование Сен-Назера, являвшегося для немцев важной базой в боях за Атлантику.

Хотя и не все эти задачи были выполнены, английские моряки и «командос» сумели сделать главное: разрушить входные шлюзы большого сухого дока.

Но нам, готовясь к прорыву в Лиинахамари, нечем было попользоваться из опыта сен-назерской набеговой операции. Там, во-первых, ставилась задача диверсионная: разрушить док, оборудование порта и тотчас покинуть гавань. Мы же должны были захватить порт и, напротив, не допустить его разрушения. А это, разумеется, куда сложнее. Во-вторых, сен-назерская операция далась слишком дорогой ценой (причем английское командование заранее предусматривало большие потери). В результате из семнадцати катеров, вошедших в устье Луары, вернулось к двум поджидавшим их миноносцам только восемь, а на свою базу в Англии пришло всего три катера. Три из семнадцати! И хотя нашим катерам предстояло пройти более трех миль узким, простреливаемым с обоих берегов заливом, мы должны сделать все, чтобы потерь было как можно меньше.

Из десантных операций советских моряков я, конечно, прежде всего вспомнил Новороссийскую. Она готовилась тщательно и была осуществлена блестяще. Меж-

ду прочим мало кто знает, что в успехе этой операции есть и некоторая доля тихоокеанских катерников.

Ранней весной 1943 года нашей тихоокеанской бригаде было приказано провести испытание новых методов торпедной стрельбы — с неподвижного катера и торпедами, движущимися по поверхности воды. На катерах того времени, вооруженных желобными аппаратами, сталкивавшими торпеду за корму, и тот и другой метод осваивался очень трудно. Неудача следовала за неудачей, а Москва торопила. Приезжие инженеры испытывали то одно, то другое приспособление, что-то доделывали, что-то исправляли. И снова катера выходили на полигон и со «стопа» выпускали торпеды. Как мы ни торопились, все же испытания и доработка приспособлений заняли около двух месяцев. За это время мы выпустили в общей сложности более ста торпед.

Для чего это делалось? Об этом я узнал в октябре того же, 1943 года, когда в качестве стажера приехал на Черное море. Побывав в Новороссийске спустя месяц после успешно проведенной десантной операции, я увидел разорванные боны и разнесенные на куски молы вместе со стоявшими на них вражескими орудиями, дотами и дзотами. Все это сделали торпеды, идущие по поверхности воды. Значит, не зря мы столько труда потратили на их испытания и доводку.

Припоминая сейчас все, что мне удалось узнать и увидеть тогда в Новороссийске, я не без досады убеждался, что и опытом черноморцев нам вряд ли удастся воспользоваться в полной мере.

Там, в Новороссийске, прорыв осуществлялся широким фронтом, когда каждый катер более или менее был свободен в своем маневре, что заставляло противника рассредоточивать свой огонь. Нашим же катерам в Лиинахамари предстояло практически идти в кильватер друг другу по фиорду, который простреливался во всех направлениях.

Надо было придумать что-то новое. Нам волей-неволей нужно было идти какими-то своими собственными, еще никем не проторенными путями.

В. А. Чекуров, когда мы, оставшись вдвоем, обсуждали только что полученную задачу, сказал:

— Дело прошлое, но когда я узнал, что директива «Вест» возлагает на нас лишь участие в высадке десанта в Малой Волоковой, то сразу подумал: что-то не договорено. Так оно и оказалось. И только сейчас адмирал Головкин начинает «ходить козырями», которые до поры держал в секрете не только от противника, но и от нас.

Что ж, командующий верен мудрой пословице: то, что не должен знать враг, не говори до времени и другу.

Начали мы с подбора командиров катеров, знавших особенности прохода в Лиинахамари. Выяснилось, что прежде там бывал лишь один А. О. Шабалин.

— Да и то давно,— признался Александр Осипович.— А что, товарищ комбриг, если нам заручиться помощью специалистов-лоцманов? Они сейчас призваны на флот. Служат в гидрографии. Эти в порт и с закрытыми глазами войдут.

Обратились в штаб флота. Через сутки лоцманы были у нас. Следует сказать, что, находясь на торпедных катерах и малых охотниках при прорыве в Лиинахамари, они сыграли немалую роль в обеспечении успеха прорыва. К сожалению, не запомнились имена этих скромных тружеников моря.

Из многих вариантов плана предстоявшей высадки десанта мы остановились в конце концов на самом простом. Сводился он схематически к следующему. Первыми в Лиинахамари прорываются и высаживают головную группу десанта два торпедных катера типа «Д-3» под командованием капитан-лейтенанта Шабалина. На командиров этих катеров возлагалась также задача разведать наиболее безопасный путь к портовым причалам, в случае необходимости пробить торпедами проходы в бонах и сетях, а затем быть своеобразными «диспетчерами», показывая остальным катерам места швартовки. Вслед за Шабалиным, на дистанции в десять — пятнадцать кабельтовых, пойдут пять торпедных катеров под командованием капитана 2 ранга Коршуновича. Каждый из этих катеров, оставив, как и в предыдущей высадке в Маативуоно, торпеды на базе, принимает на борт до семидесяти десантников с вооружением и необходимым запасом боеприпасов. И, наконец, последними с основными силами десанта в порт проры-

ваются пять малых охотников гвардии капитана 3 ранга С. Д. Зюзина и торпедный катер, который будет прикрывать десантный отряд дымовыми завесами, а в случае появления вражеских кораблей — контратаковать их. С моря прорыв в Лиинахамари прикрывается подвижными дозорами — несколькими заранее развернутыми группами торпедных катеров.

Даже самый лучший план сам по себе еще не может гарантировать успеха. Последнее и решающее слово всегда остается за людьми, которые должны претворить этот план в жизнь. И мы всецело рассчитывали на мужество и инициативу моряков, на то, что каждый из них безупречно выполнит свой долг.

Не имея времени на разработку принятых в таких случаях штабных документов, мы запросили из штаба авиации фотоснимки Лиинахамари. Вычертили в крупном масштабе схему порта со всеми его причалами. По минутам расписали последовательность движения катеров: когда и к какому пирсу каждый из них должен швартоваться для высадки десанта, как и когда выходить обратно. Познакомили с этими расчетами командиров катеров, выделенных на прорыв. На тренировках перекрестными вопросами добились, чтобы каждый из них понял и твердо усвоил свою задачу.

Большие надежды возлагались нами на дымовые завесы. Поначалу это вызывало возражение некоторых офицеров.

— Такого еще никогда не бывало, чтобы при форсировании узкого залива корабли с десантом сами ставили дымовые завесы! — говорили наши оппоненты и стращали тем, что в дыму катера могут столкнуться, потерять ориентировку, сесть на мель...

Что касается утверждения, что такого еще никогда не бывало, с этим нельзя было не согласиться. Трудно было спорить и с тем, что ориентироваться в дыму не так-то просто. Но иного выхода у нас не было. Чем открыто лезть под прицельный огонь, лучше укрыться в дымзавесе, пусть это и грозит некоторыми неприятностями. К тому же, если мы не на словах, а на деле добьемся, чтобы каждый командир катера точно знал свое место, уяснил свою роль в общем маневре и был в меру осторожен, то риск, связанный с постановкой дымзавес, будет не так уж велик.

Против этого довода никто не мог возразить. И необходимость активного использования дымовых завес при прорыве в Лиинахамари была признана всеми.

Вечером 11 октября в Пумманки прибыл командующий флотом. Поместили мы Арсения Григорьевича на нашем запасном КП у подножия горы Клубб, на перешейке, соединяющем полуострова Рыбачий и Средний. Тут, чуть выше причала, в расщелинах гранитных скал было у нас несколько землянок, которые матросы называли кубриками, офицерское общежитие с двухъярусными койками, как в железнодорожном вагоне, и столовая. К стене офицерского общежития прилепилась крохотная пристройка, в которую не без труда удалось втиснуть две кровати и тумбочку. Среди катерников эта пристройка официально именовалась запасным командным пунктом — ЗКП, но в действительности у нее было куда более скромное назначение: намучившись на КП-200, мы с Валентином Андреевичем Чекуровым по очереди приезжали сюда, выкроив свободный часок, чтобы отоспаться в тепле и относительном уюте.

Узнав, что на ЗКП будет жить командующий флотом, Василий Игумнов пообещал, что тут будет полный порядок. А наш вестовой слов на ветер не бросал.

Интересный был человек Вася Игумнов.

В свое время он служил у нас на торпедных катерах. Потом пошел добровольцем в бригаду морской пехоты. В бою на Западной Лице был ранен. Подлечившись, снова вернулся на фронт. Стал разведчиком, раздобыл не одного «языка». Потом снова ранение. На этот раз серьезное. После госпиталя Игумнова хотели демобилизовать. Но он попросился к нам на бригаду. Отказать такому человеку у меня язык не повернулся. Плавать на катерах по состоянию здоровья Игумнов не мог. Согласился стать вестовым в офицерском общежитии в Пумманках. И тут еще раз убедительно подтвердилась справедливость слов, что не место красит человека, а человек место.

Вестовой, по правде говоря, не ахти какая завидная должность. Но надо было видеть, с какой любовью относился Вася — его так называли все офицеры — к своим многотрудным обязанностям! Первым вставая и пос-

ледним ложась отдыхать, он весь день проводил в хлопотах: топил печи, носил воду, следил, чтобы на постелях постоянно были чистые простыни. Да всего и не перечтешь... Игумнов был для нас и товарищем, и доброй нянькой. И если бы вдруг он перестал появляться в общежитии, то это было бы для всех наших офицеров очень большой потерей.

Вот и на этот раз к приезду комфлота заботами Васи Игумнова на нашем ЗКП был наведен образцовый порядок. Пол чисто вымыт. На столе свежая скатерть. Матрацы и подушки взбиты и застелены белоснежными простынями. Простенький рукомойник доверху налит ключевой водой.

— А ты приbedнялся: «Где поселим?!» Это же в наших условиях комфорт не хуже любого «гранд-отеля», — пошутил Головко, осматривая восьмиметровую комнатушку. — Вот только низковато малость. Когда строили эти хоромы, должно быть, к твоему росту примерялись...

Доложив адмиралу разработанный нами план прорыва в Лиинахамари, я собрался было вернуться на КП-200.

— Тебя там какие-то неотложные дела ждут? Нет. Ну так оставайся, — предложил Арсений Григорьевич. — Что же, я тут один бедовать буду?

За интересной беседой время пробежало незаметно. Отдыхать улеглись часа в два ночи. Разбудил нас легкий стук в дверь: связист принес срочную телеграмму из Главного морского штаба. Подсветив фонариком, Головко прочитал плотно исписанный лист бланка.

— Вот и благословение получено, — сказал Арсений Григорьевич, протягивая мне телеграмму. Начальник Главного морского штаба адмирал В. А. Алафузов сообщал, что нарком интересуется, какова будет роль Северного флота в операциях непосредственно против Петсамо. В конце телеграммы указывалось, что нарком считает весьма желательным участие флота в занятии будущей военно-морской базы и крупнейшего пункта на Севере.

— Так, значит, посылка разведчиков. Барченко и Леонова на мыс Крестовый, наша подготовка к высадке десанта в Лиинахамари — все это, — изумился я, — делалось в расчете...

Но комфлот не дал договорить.

— А как ты думал? Обязанность подчиненного — предвидеть мысли начальника! Мы так и поступаем. Ведь и без подсказки со стороны было очевидно, что высаживать десант там необходимо. Лиинахамари — ключ к Петсамо. А ключи к Лиинахамари — батареи на мысе Крестовом. Так зачем же было время терять? Теперь мы доложим Николаю Герасимовичу, что не только горим желанием выполнить его приказание, но кое-что уже и делаем... Немецкий гарнизон Лиинахамари ждет противника откуда угодно, но только не с моря. А мы нагрянем именно с моря...

Утром 12 октября стало известно, что разведчики капитана Барченко-Емельянова и старшего лейтенанта Леонова добрались до мыса Крестового и атаковали расположенные там батареи. После жаркой схватки с егерями леоновцам удалось вынуть замки из орудий зенитной батареи, а разведчики Барченко блокировали позицию 150-миллиметровой батареи. На мысе Крестовом шел еще тяжелый бой, но главное было сделано: его батареи не могли уже препятствовать проходу наших катеров. «Замок», закрывавший путь в Лиинахамари, был отперт!

— Теперь слово за вами с Зюзиным, — сказал адмирал. — В 19 часов соберите командиров.

Да, теперь слово было за нами.

Начались последние приготовления. Мы встретились с командиром десанта майором И. А. Тимофеевым — сухощавым, очень подвижным, но в то же время на редкость спокойным и рассудительным, и с командиром первого броска старшим лейтенантом Б. Ф. Петербургским. Плотный, со щегольскими усами, отпущенными, как видно, для солидности, старший лейтенант был одет в канадку — непромокаемую, подбитую искусственным мехом куртку с большим воротником. Порыжевшая кожаная шапка-ушанка чуть сдвинута на правое ухо. Широкую грудь пересекал ремень закинутого за спину автомата. Услышав, что высадка предстоит сегодня ночью, Петербургский обратился ко мне с просьбой разрешить конфликт, возникший у него с Шабалиным.

Ввиду того что звену Шабалина предстояло, быть может, пробивать проход в противокатерных бонах, установленных гитлеровцами в Лиинахамари на подходах к пирсам, было решено, что катера лейтенанта Литовченко и капитан-лейтенанта Успенского пойдут с торпедами. А потому возьмут на борт не 60—70 десантников, как все другие катера, а всего лишь 25—30 человек. Старший лейтенант Петербургский никак не хотел с этим согласиться.

— Заладил одно и то же — возьми всех его пулеметчиков, да и все тут, — жаловался Шабалин. — А ведь в карман к себе я их не посажу.

Петербургский горячо доказывал, что Литовченко и Успенский должны взять больше людей. Я понимал волнение старшего лейтенанта. Шел он действительно, пользуясь его терминологией, не к теще на блины, и каждый человек в первом броске десанта был очень нужен. Но чем тут можно было помочь? Пришлось объяснить старшему лейтенанту, что принятие такого решения — это не каприз, а необходимость.

В 19 часов собрали командиров катеров, участвовавших в десанте. Ознакомили с планом операции. Потом выступил адмирал Головко. Не скрывая трудностей, с которыми могли встретиться экипажи катеров при прорыве в Лиинахамари, Арсений Григорьевич в то же время убедительно показал, что только высадка там десанта могла спасти от разрушений этот важный для Родины заполярный порт. Командующий заверил, что катерникам будет оказана всемерная помощь. Артиллеристы СОРа получили приказание вести огонь по батареям противника, не жалея боеприпасов. Хотя погода и неблагоприятна — низкая облачность и видимость всего 10—15 кабельтовых, — в воздух будут подняты самолеты.

— Военный совет флота уверен, — закончил адмирал, — что каждый из вас и ваших подчиненных с честью выполнит свой долг и умножит боевую славу североморцев. Нет сомнений в том, что нынешняя операция займет достойное место в истории не только нашего Северного флота. Минут годы, и дети ваши с гордостью будут говорить: «В дни Великой Отечественной войны мой отец был в числе тех, кто высаживал десант в Лиинахамари!..»

А в это время на пирсах с катера на катер передавался густо исписанный подписями лист с текстом клятвы. У этого замечательного документа не было автора. Клятву писали сообща. Каждый из матросов и старшин внес в нее самую заветную свою мысль, самое дорогое для него слово.

«Настал долгожданный час для нас, катерников-североморцев: добить фашистских захватчиков в Заполярье, вернуть стране Печенгу и навсегда утвердить там победоносное знамя нашей Родины. Мы клянемся, что не жалея ни сил, ни самой жизни с честью выполним эту задачу! За нашу прекрасную Родину!..»

Клятву подписали все моряки торпедных катеров. В бою они сдержали свое слово. А инициаторы принятия клятвы — экипаж катера Б. Павлова — прошел через «коридор смерти», высадил десант в назначенном месте и вернулся обратно в Пумманки, затратив на это меньше всех времени — всего восемьдесят минут!

Головко заторопился на мыс Волоковой. Там на командном пункте самого передового артиллерийского дивизиона для него был оборудован наблюдательный пункт, имевший прямую телефонную связь с командными пунктами нашей бригады и оборонительного района.

— Поехали, поехали, — торопил Арсений Григорьевич представителя Главного морского штаба капитана 1 ранга Пилиповского и меня.

На КП-200 остался начальник штаба В. А. Чекуров. Около 23 часов Валентин Андреевич позвонил нам и доложил, что катера с десантом вышли в море.

Командующий поинтересовался, вылетели ли к Петсамо два звена Ил-4. Услышав утвердительный ответ, приказал:

— Свяжитесь с генералом Преображенским. Пусть он еще раз напомним летчикам: летать на небольшой высоте. Нам очень важно, чтобы самолеты отвлекли на себя внимание противника и облегчили катерам прорыв в фиорд.

Шел уже двенадцатый час ночи, а в окулярах стереотруб, устремленных на вражеский берег, — лишь непроглядный мрак. Но вот в небе рассыпалась гроздь осле-

пительных огней — вражеская батарея произвела залп осветительными снарядами. В их мертвенно-голубоватом свете крутые гранитные отроги берега выглядели особенно зловеще. Зажглись прожектора. Их щупальца ползали по морю, но выхватывали из темноты только мерно перекатывающиеся волны. Но вот в одном из лучей сверкнул серебристой звездочкой катер, за ним второй, третий... Противник всполошился. До нас докатился нарастающий гул канонады. Вокруг катеров выросли высокие всплески. Но гитлеровцы все же опоздали: обнаружив катера капитана 2 ранга Коршуновича, они проморгали головное звено капитан-лейтенанта Шабалина. Его катера в это время уже проникли в фиорд.

Перебирая свои бумаги военных лет, мне посчастливилось отыскать несколько успевших уже пожелтеть от времени листков — запись рассказа лейтенанта Литовченко — командира торпедного катера, на котором шел А. О. Шабалин. Обычно не очень многословный, Литовченко на этот раз довольно подробно описал, как Шабалин «немцев обдурил».

«Движение из Пумманок мы начали в 20 часов 40 минут, когда уже совсем стемнело. То ли немцы нас вообще не ожидали, то ли кружившие над заливом «ильюшины» их внимание отвлекли, но к берегу мы подошли незамеченными. Темнотища вокруг — хоть глаз выколи. На берегу ни огонька. Где вход в залив — не сразу и отыщешь. Когда батарея с Нурменсетти произвела залп осветительными снарядами, это нам даже помогло — мы смогли осмотреться. Оказалось, что до входа в Петсамовуоно рукой подать. Проскочили близ камней у мыса Нумерониemi и оказались в фиорде.

Тут Шабалин приказал уменьшить ход и прижиматься ближе к правому берегу. Поначалу я не очень понял, какой в этом резон, а потом стало ясно. Правый-то берег залива высокий, обрывистый. Ну, немцы там большинство своих дотов и понастроили. Считали, что с высоты сподручнее весь залив под обстрелом держать. Оно и точно: пойдя мы ближе к левому берегу или хотя бы серединой залива, досталось бы нам! А когда мы

прижались к кручам правого берега, гитлеровцы бьют сверху, а нас достать не могут — мы в «мертвом пространстве» оказались.

Так прошли до самого мыса Девкин. Вот и порт. Направляемся к пирсу, но тут катер словно бы в какую стену уперся: машины работают, а мы ни с места. Боцман с носа докладывает: «Противокатерные сети на буйках!» Пришлось назад отрабатывать. Я хотел было торпеды использовать — на такой случай мы их и брали.

— Не торопись, — говорит Шабалин, — зря шум поднимать. Глядишь, и без торпед обойдемся.

И верно: ткнулись вправо, влево и довольно скоро нашли проход.

Возле пирса близ бензобаков в самый берег форштевнем ткнулись. Средней машиной подрабатывали, чтобы швартовы не подавать. А десантники — мигом на сушу.

Уже после высадки, на отходе, гитлеровцы заметили наш катер. С противоположного мыса Виниеми ударили пушки и пулеметы. А когда наши десантники на берегу вступили в бой, так не скажу точно откуда, но шарахнули фашисты зажигательными снарядами по бензобакам. Там, конечно, взрыв. И такой факелище запылал, что по всему порту как днем стало светло...»

Позже немецкий офицер, взятый в плен в Лиинахамари, объяснил, что зажигательные снаряды угодили в бензобаки отнюдь не случайно. Враг рассчитывал, что горящий бензин хлынет в бухту, и наши катера сгорят в нем вместе с десантом. К счастью, этого не случилось. Но, осветив порт громадным пожаром, противник получил возможность вести по торпедным катерам и охотникам прицельный огонь. Вот тут-то и сыграли свою роль дымовые завесы: они укрыли наши корабли и ослепили гитлеровцев.

Прикрывшись дымзавесой, катер лейтенанта Литовченко продолжал, встав у мыса Девкин, выполнять сложную роль лоцманского судна. Капитан-лейтенант Шабалин встречал катера капитана 2 ранга Коршуновича и малые охотники капитана 3 ранга Зюзина и указывал подходы к пирсам для высадки десанта.

Катер Литовченко пробыл в обстреливаемом со всех сторон Лиинахамари (лишь в самом порту!) в общей сложности около часа и возвратился в Пумманки только

в два часа ночи. Сойдя на берег, А. О. Шабалин доложил, что среди членов экипажа и высаженных этим катером десантников нет ни одного убитого или раненого.

Еще днем, когда катера Коршуновича только вышли из нашей основной базы в Пумманки, чтобы взять десантников, на КП-200 позвонил начальник медсанслужбы бригады и пожаловался, что несколько матросов убежали из санчасти.

— Это безобразие! — возмущался доктор. — Они же больные! Что мне — караул к санчасти выставлять?!

В числе беглецов оказался и пулеметчик с торпедного катера Острякова Дмитрий Колынин, о котором я уже упоминал, рассказывая о бое 25 сентября. Тогда, раненный в грудь осколком снаряда, пулеметчик не сошел со своего боевого поста и разрешил сделать себе перевязку лишь после того, как закончилась схватка. И вот теперь, не долечившись, Дмитрий Михайлович сбежал из санчасти.

Когда отряд Коршуновича ошвартовался в Пумманках, я спросил Острякова о Колынине.

— Так точно, на катере, — ответил капитан-лейтенант, — но прошу поверить, что это и для меня было неожиданностью...

Оказывается, узнав, что товарищи идут в бой, пулеметчик, обманув бдительность врачей, убежал на катер. Спрятался там в укромном уголке и показался командиру, лишь когда подходили уже к Цып-Наволоку.

— Оставьте, товарищ комбриг, Колынина на катере, — попросил Остряков. — Ведь не в самоволку же он к девушкам сбежал. В бой. Вернемся, так он что положено в санчасти отлежит. Я за этим сам прослежу. А теперь пусть Колынин идет с нами. Пулеметчик он отменный...

Ну как было не удовлетворить такую просьбу?

В этом бою Колынин вновь отличился. В письме, полученном мною во время работы над этими записками, П. П. Остряков, вспоминая о «коридоре смерти», пишет, как приходилось тогда маневрировать скоростями, избегая вражеских снарядов и пулеметных трасс; как буквально силой загонял он обратно в кубрики морских пехотинцев, которые задолго до высадки под-

нимались на верхнюю палубу, чтобы помочь морякам подавить вражеские огневые точки. Пишет Остряков и о Колынине.

«Еще при входе в залив нас неожиданно осветило прожектором. Спрашиваю Колынина: «Можешь погасить его?» Пулеметчик ответил: «Сейчас». Дал короткую очередь, и прожектор погас. Так же быстро он покончил с крупнокалиберным пулеметом, который начал было бить по нас сверху, со скалы, уже в самом порту, когда мы высаживали десант».

Я уже говорил, что, планируя прорыв во вражеский фиорд, мы полагались прежде всего на мастерство и инициативу командиров. И мы не ошиблись в своих надеждах.

При входе в Девкину заводь, когда огонь противника стал особенно плотным, старший лейтенант Г. Макаров самостоятельно принял решение поставить вдоль северного берега бухты дымовую завесу. Немцы сосредоточили на этом катере весь огонь. Но дымзавеса все же была поставлена, и под ее прикрытием остальные катера уже в относительной безопасности начали высадку десанта.

На наблюдательном пункте в который раз зазвонил прямой телефон с КП-200. Трубку поднял командующий флотом. По его лицу нетрудно было понять, что на этот раз доклад Чекурова не очень приятен. На секунду оторвавшись от трубки, адмирал спросил:

— Кто командует «двести восьмым»?

— Лейтенант Шаповалов. На борту его катера находится также замполит дивизиона капитан-лейтенант Вышкинд.

— Поступило донесение: десант высажен, но катер получил прямое попадание. Моторы заглохли. Есть убитые и раненые.

Адмирал передал мне трубку. Поговорив с начальником штаба, я велел передать Шаповалову, чтобы он постарался ввести в строй хотя бы один мотор, подошел к берегу и, покинув катер, присоединился со своим экипажем к десанту.

Услышав это, командующий флотом подтвердил:

— Да, да. Пусть непременно сходит на берег!

Реплика комфлота не случайна. Незадолго до этого там же, в Петсамовуоно, сел на камни малый охотник старшего лейтенанта Штанько. На помощь ему поспешил катер старшего лейтенанта Ляха. Но уже начался отлив, а тут он достигает трех метров, и снять с камней попавший в беду охотник не удалось (это было сделано позже, на второй или третий день). Капитан 3 ранга Зюзин приказал, чтобы моряки попавшего в беду корабля перешли к Ляху. Но Штанько ответил, что ни сам он и никто из его подчиненных катера не оставят. Только после категорического настояния командира отряда они покинули свой корабль. А ведь происходило все это под ожесточенным вражеским обстрелом!

Когда радиоперехват этих переговоров был доложен Головки, тот сказал:

— Ишь ты какой. Ему приказывают собственную голову спасать, а он упрямится! — А потом добавил: — Но вообще-то настоящий моряк этот Штанько. Одно слово — гвардеец!..

Опасаясь, как видно, что теперь и лейтенант Шаповалов не захочет покинуть свой катер, адмирал от своего имени потребовал, чтобы экипаж «двести восьмого» непременно сходил на берег.

Но каково было наше удивление, когда торпедный катер лейтенанта Шаповалова, который мы считали погибшим, вернулся в родные Пумманки! Да еще собственным ходом. Правда, всего лишь под одним мотором.

Тогда доклад широкоплечего, неизменно спокойного, с совершенно, казалось, невозмутимым характером лейтенанта был очень кратким и скупым. И только много позже Н. И. Шаповалов, ныне уже капитан 1 ранга в запасе, припомнил в своем письме некоторые подробности из того, что пришлось пережить и испытать экипажу его торпедного катера в ту незабываемую ночь:

«После инструктажа, проведенного командующим флотом в землянке на берегу бухты Пумманки, я, получив задание высадить десант в западной части порта, вышел в море. Шли мы в группе капитана 2 ранга Коршуновича. Помощником у меня плавал тогда лейтенант Николай Быков. На катере находились заместитель

командира дивизиона по политической части капитан-лейтенант Яков Вышкинд и десантная группа, во главе со старшим лейтенантом Алексеевым.

Когда подошли к входным мысам залива Петсамо, с левого из них нас осветил прожектор. Головные катера, увеличив ход, начали ставить дымзавесы. Мы тоже включили дымаппаратуру, и полным ходом пошли в глубь залива. В районе мыса Крестового видимость несколько улучшилась. Боцман старшина 1-й статьи Попков доложил, что справа от нас идут еще два катера, направляющиеся в район топливных складов. Сориентировавшись, мы пошли к своему пирсу. Но на пути обнаружили противоторпедную сеть. Докладил об этом, помнится, впередсмотрящий — ученик пулеметчика Шишкин. Пришлось, маневрируя на малом ходу, искать проход.

На пирсе, когда мы к нему подходили, было замечено движение людей, какая-то повозка. Замерцали в темноте автоматные очереди. Комендоры и пулеметчики Самойлов, Кузнецов, Смирнов, Белик обстреляли причал. Немцев оттуда словно ветром сдуло. Но подходить к пирсу я все же не стал. А вдруг заминирован? Решил высадить десантников прямо на берег, метрах в пятидесяти в стороне. Это тоже было рискованно, но я полагал, что если и залезу носом слишком далеко на берег, так снимусь во время прилива.

Первым сошел на берег старший лейтенант Алексеев со своим связным. Но оба они тут же были скошены автоматными очередями из расположенного неподалеку склада. Там у немцев дот оказался. Наши комендоры и пулеметчики ударили по этому складу, потом по гостинице, откуда также стреляли. А ко мне подошел сержант из морских пехотинцев. Представился: «Помкомвзвода сержант Каторжный!» Я ему сказал, что командир группы Алексеев ранен, бери командование на себя.

Сержант Каторжный (за этот бой он был удостоен звания Героя Советского Союза), наш боцман старшина 1-й статьи Попков и торпедист старшина 2-й статьи Лукин с возгласами «ура», «за Родину!» повели десантников за собой. В это время все остальные из экипажа катера сгружали боезапас. Заняло все это минут 15—20.

Когда боцман с торпедистом вернулись на катер, мы завели моторы. С берега снялись легко. Набирая ход,

катер вошел в проход между сетями. В этот момент очередь трассирующих снарядов угодила нам с левого борта в машину. Моторы заглохли. Катер остановился посреди бухты, не дойдя до дымзавесы метров 100—150. Старшина группы мотористов главный старшина Иван Григорьевич Коваль кинулся в машину. На мостик мне доложили, что все находившиеся в моторном отсеке, убиты.

Дав команду «Осмотреть отсеки!», я подошел к машинному люку, заглянул вниз. На моих глазах Коваль упал. Не без труда вытащили его на палубу. Завести моторы вызвались ученик моториста юнга Рудкин и торпедист Лукин. Завести один мотор они завели, но обоих тоже пришлось вытаскивать из машины без сознания: угорели.

Пробыли мы без хода минут пятнадцать. И все это время под обстрелом. У нас кроме мотористов был убит еще пулеметчик Смирнов, тяжело ранен ученик пулеметчика Шишкин.

Вошли под одним мотором в дымзавесу. Обстрел катера прекратился. Немцы, правда, палили и в дымзавесу, однако тут их огонь был уже не так страшен. Мотор у нас опять заглох. Придя к этому времени немного в себя, главный старшина Коваль, теперь уже обвязавшись концом, снова спустился в люк. Доложил, что левый и средний моторы разбиты начисто. В правом моторе из пробитого осколком снаряда радиатора водяного охлаждения вытекла вся вода. А самое неприятное — нет бензина! Как оказалось, бензин из пробитых цистерн стек в трюм. Как мы не взорвались — ума не приложу!

Решено было бензин брать прямо из трюма касками и банками, а пресную воду перелить из разбитых моторов, заделав предварительно у правого двигателя пробитый радиатор. Работу эту под руководством главного старшины Ковалья вызвались сделать старшина 1-й статьи Попков, старшина 2-й статьи Лукин и юнга Рудкин. Радист старшина 1-й статьи Мокшин наблюдал за ними с палубы, чтобы помочь, если кто-нибудь потеряет сознание. В моторном отсеке было еще угарно. Но включить вентиляцию мы не могли — боялись взрыва.

Минут через тридцать мотор заработал, и мы пошли к выходу из залива, а потом и в базу.

Входя в Пумманки, дали радио, чтобы от пирса отвели все катера, потому что наш единственный мотор был заклинен на передний ход. Да и опасались, как бы при швартовке мы не взорвались. Тогда бы наверняка и другие катера пострадали.

Хорошо действовали в этом трудном походе все члены экипажа, но особенно коммунист Коваль. Не отставал от своего командира ученик моториста юнга Рудкин! А ведь ему было всего 15 лет. Настоящим храбрецом показал себя боцман Попков. Он потом учился на курсах и после войны служил командиром торпедного катера. Веселый по натуре, торпедист Лукин и во время боя действовал с веселой шуткой, появляясь всегда там, где в нем особенно нуждались. Да всех и не перечтешь...

Вот уж сколько лет минуло с той поры, а я все очень хорошо помню. Помню даже, как тогда в течение нескольких дней старался не показываться вам на глаза: вдруг отстраните от командования. Ведь катер-то был так побит снарядами и пулями, что его пришлось на ремонт ставить...».

О всех своих подчиненных вспомнил в этом письме Николай Иванович. Только о самом себе ни слова не сказал. А ведь вытащил-то главного старшину Ковалья из наполненного угарным газом машинного отделения сам Шаповалов. Да и во время всего этого трудного похода Николай Иванович проявил завидное мужество, выдержку и командирскую распорядительность. И напрасно опасался Шаповалов, что его снимут с должности. Снимать его никто не собирался. Не за что было. А вот к правительственной награде мы его и весь экипаж катера представили заслуженно!..

Не менее драматично сложилась судьба торпедного катера с бортовым номером «114». Слушая доклад его командира капитан-лейтенанта Е. Успенского, трудно было поверить, что катер с сотней пробоин в корпусе, с поврежденным кронштейном и сорванным сектором правого руля, управляясь одними моторами, все же добрался до базы. Но катер стоял у пирса. Его можно было пощупать руками. Можно было самому пересчитать пробоины (их, кстати сказать, когда катер был поднят на слип, насчитали не сто, а все двести).

Главным героем здесь стал коммунист старшина 1-й статьи Г. Д. Курбатов.

Георгий Дмитриевич — среднего роста, с открытым приветливым лицом — был ветераном нашего соединения. Первое время он плавал мотористом у Шабалина. В 1944 году назначили старшиной команды на катер капитан-лейтенанта Успенского. Примерно за месяц до прорыва в Лиинахамари коммунисты бригады приняли Курбатова в свои ряды.

Катер Е. Успенского в паре с катером лейтенанта Литовченко ворвался в Лиинахамари, как я уже говорил, первым. Под обстрелом подошел к причалу. Курбатов вместе с боцманом прыгнули на обледенелые бревна, чтобы занести носовые швартовы. Однако здесь не оказалось тумбы и ничего такого, что бы могло ее заменить. Тогда старшина обмотал трос вокруг своего туловища и так удерживал корабль, пока последний из десантников не сошел на берег.

Как было заранее условлено, капитан-лейтенант Успенский, закончив высадку, остался у пирса: может кому-нибудь катеру потребуется помощь. Но всего в нескольких десятках метров шел бой. Чтобы обезопасить стоянку катера, командир вместе с боцманом Светлаковым и матросами Яценко и Перетрухиным, захватив автоматы и гранаты, сошли на берег. Осмотрели находившиеся на пирсе амбары и организовали «первую линию обороны» на случай прорыва гитлеровцев на пирс. Курбатов остался на причале. Командир отделения мотористов старшина 2-й статьи Андрей Малякшин вынес ему автомат и несколько плотно набитых дисков. Хотя обстановка никак не располагала к веселью, но, увидев своего друга, Курбатов не мог удержаться от смеха: одетый в «канадку», командир отделения мотористов выскочил на пирс в носках, чтобы, как он объяснил старшине, «не поскользнуться ненароком да не угодить в воду».

Прошло более часа. Многие из кораблей, высадив десант, уже возвращались домой. Только тогда катер Успенского покинул свой пост.

Катер развернулся и, набирая скорость, направился к выходу из фиорда. Но тут его осветил прожектор, открыли огонь вражеские батареи, доты и дзоты. Прикрывшись дымовой завесой, Успенский, маневрируя

ходами, пробирался меж всплесков. И вдруг катер встал. «Влезли в противоторпедную сеть», — догадался Успенский. Пока с переднего хода давали полный назад, пока, вооружившись отпорным крюком, боцман Светлаков отцеплял сети, катер, освещенный прожектором, расстреливался противником чуть ли не в упор. Наконец сети остались за кормой.

Но на этом испытание не закончилось. Очередной вражеский снаряд разорвался совсем близко. Отброшенный взрывной волной к борту, Курбатов почувствовал нестерпимую боль в кисти левой руки. Подбежавший на помощь боцман стал, как умел, делать перевязку. В это время еще один снаряд разорвался под самой кормой катера, повредив кронштейн и сорвав с места сектор правого руля. Как ни старался командир, штурвал повернуть не смог: заело штур-трос. Управляться теперь можно было лишь с помощью моторов. Несмотря на ранение, Курбатов занял свое место у рычагов дросселей. При каждом движении левую руку пронизывала страшная боль. От большой потери крови кружилась голова. Но Георгий Дмитриевич, собрав все силы, выполнял приказания командира: «Левый — самый полный вперед!», «Правый — малый вперед!». Так и шли, меняя обороты то одного, то другого двигателя.

Катер рыскал из стороны в сторону. Порой казалось, вот-вот врежется в берег. Но капитан-лейтенант успевал вовремя подать очередную команду. Закусив губу, чтобы не закричать от боли, Курбатов вновь и вновь передвигал рычаги дросселей. Катер зигзагами мчался между отвесными берегами. Наконец «коридор смерти» остался позади. В последний раз поднялись по левому борту высокие всплески от упавших в воду снарядов. Прошло еще несколько минут, и катер был вне опасности. Уже на подходе к Рыбачьему заглохли моторы: кончилось горючее. Выпустив из рук рычаги дросселей, Курбатов упал без сознания.

Когда в Пумманках Курбатова укладывали в машину, чтобы отвезти в госпиталь, адмирал Головкин позвал врача и спросил:

— Как его рука?

— Сейчас ничего еще сказать нельзя. Посмотрим в госпитале...

— Я очень прошу сделать все возможное. Он ни с чем не посчитался, спасая катер и товарищей. Теперь наш черед отплатить ему тем же. Если потребуется помощь врачей главного госпиталя, звоните в любое время. Пошлем торпедный катер в Полярное.

Каждый из участников прорыва в Лиинахамари дрался геройски. Форсировать под ожесточенным обстрелом узкий фиорд, высадить десант прямо в порту и при этом не потерять ни одного катера! Нам самим трудно было поверить в такую удачу.

Немецкий генерал Эрфурт, бывший представителем Гитлера при ставке Маннергейма, признает в своей книге «Конец войны»:

«...положение 19-го горнострелкового корпуса 9 октября 1944 года обострилось в связи с высадкой советских десантов на северном фланге... 12 октября, когда русские высадились с торпедных катеров в Петсамо-фиорде, кризис усилился...»

Признание хотя и скупое, но существенное.

Высадка десанта в Лиинахамари не означала еще полного освобождения порта. 13 октября по обоим берегам залива все еще не стихал ожесточенный бой. Успешно преодолев первый пояс дотов и дзотов, наши десантники к рассвету подошли ко второму рубежу вражеской обороны. Здесь их встретил плотный огонь пулеметов, минометов, мелкокалиберной артиллерии. Получив подкрепление из военного городка и поселка Паркино, гитлеровцы не только отчаянно оборонялись, но предприняли несколько контратак. Трудный бой, нередко переходивший в яростные рукопашные схватки, вели в районе нефтескладов десантники капитана Волкова и старшего лейтенанта Кондратьева. Такой же нелегкий бой в западной стороне порта вели автоматчики старшего лейтенанта Петербургского.

Все еще продолжал сопротивление и гарнизон 150-миллиметровой батареи на мысе Крестовом. Утром 13 октября, когда на поддержку отряду капитана Барченко подошла группа десантников лейтенанта Ледина, высаженная на Крестовом одним из малых охотников,

гарнизону вражеской батареи был предъявлен ультиматум о прекращении огня и немедленной сдаче в плен с гарантией сохранения жизни солдатам и офицерам. Ультиматум был высокомерно отвергнут. Бой разгорелся с новой силой. И только к ночи, когда к Крестовому начали подходить передовые подразделения 12-й бригады морской пехоты полковника В. В. Рассохина, остатки разгромленного гарнизона подняли белый флаг. Оказалось, что при трех орудиях батареи находилось еще 1200 снарядов, которые гитлеровцам так и не удалось использовать.

В связи с выходом морских пехотинцев Рассохина на восточный берег Петсамовуоно, командующий флотом приказал бригаде торпедных катеров в ночь на 14 октября еще раз прорваться в фиорд, чтобы перебросить части морской пехоты СОРа с восточного берега залива непосредственно в порт Лиинахамари.

Хотя за минувшие сутки систематическим огнем береговых батарей и мощными бомбо-штурмовыми ударами нашей авиации оборона противника в Петсамовуоно была в значительной мере дезорганизована и ослаблена (к примеру, крупнокалиберная вражеская батарея полуострова Нумерониemi вела огонь всего лишь одним, а батарея полуострова Нурменсетти — только двумя орудиями), мы понимали, что нашим катерам будет нелегко. Поэтому отряд капитана 3 ранга Федорова основательно готовился к походу.

Мы условились с Федоровым, что до обнаружения противником наши катера не будут вести никаких радиопереговоров, чтобы раньше времени не выдать своего приближения. Подходить к Петсамовуоно они будут на малом ходу, чтобы по возможности более скрытно миновать опасную зону. Даже обстрел полуостровов Нурменсетти и Нумерониemi нашими береговыми батареями со Среднего было решено начать лишь по требованию самого Федорова. Все это в какой-то мере облегчило прорыв.

Вспоминая о тех днях, В. П. Федоров (ныне контр-адмирал, руководитель кафедры одного из высших военно-морских училищ) писал мне: «Наши четыре катера были встречены огнем противника. Но прорыв

прошел организованно. До подхода подразделений бригады полковника Рассохина мы почти сутки отбивались от врага, оказывая помощь десанникам Тимофеева и разведчикам, сражавшимся в порту. Затем, тоже под огнем, стали переправлять морскую пехоту с восточного на западный берег залива».

Новый удар наших частей окончательно решил судьбу вражеской группировки в Лиинахамари. Скоро наши радисты перехватили радиogramму немецкого коменданта порта. Открытым текстом (было не до шифрования!) он докладывал своему начальству в Киркенес: «Лиинахамари захвачен русскими матросами. Отхожу на запад. Согласно приказу корветтенкапитана Франка все взрываю».

Да, уцелевшие гитлеровцы поспешно отходили на запад. Что же касается слов «все взрываю», так в это заявление немецкого коменданта наши морские пехотинцы внесли существенную поправку: большинство из того, что враг намеревался взорвать, осталось в целости и сохранности.

Успешно завершив разгром группировки противника в Лиинахамари, морские пехотинцы, преследуя врага, продвигались все ближе и ближе к Печенге (Петсамо). Сюда же приближались с боями и части 14-й армии. Вечером 14 октября к Печенге подошли подразделения 10-й стрелковой дивизии и 7-й танковой бригады. В это же время, форсировав реку, в восточную часть города ворвались части 14-й стрелковой дивизии. Начались жаркие уличные бои.

Днем 15 октября позвонил адмирал Головко.

— Подготовь торпедный катер. И сам никуда не отлучайся. Пойдешь со мной в Лиинахамари.

Спустя полчаса два торпедных катера (один в качестве охраны) вышли из Пумманок.

За последние месяцы мы успели привыкнуть к тому, что, стоило только днем торпедному катеру выйти из Пумманок, как с ближнего фашистского аэродрома тотчас же поднимались в воздух несколько истребителей. Но теперь там стояли уже наши, советские самолеты.

Показался вход в Петсамовуоно. Еще два дня назад

мы наблюдали в стереотрубы, как при подходе наших катеров, тут, словно бы подкаливая небо алыми всполохами, с Нурменсетти и Нумерониеми палили вражеские батареи. Теперь здесь было тихо. Батареи еще вчера были захвачены нашими десантниками. Чем дальше проходили мы в глубь залива, тем он, сдавливаемый суровыми гранитными скалами, становился все уже. Без труда можно было рассмотреть по обоим берегам остатки разбитых дотов, дзотов, огневых позиций минометов и орудий.

Да, только увидев все это собственными глазами, можно было в полной мере представить себе, с чем пришлось встретиться нашим катерникам во время прорывов в Лиинахамари!

На пирсе адмирала Головки встретил генерал-майор Е. Т. Дубовцев с группой своих офицеров. Ефим Тимофеевич прибыл сюда еще утром.

Осмотрели отбитый у врага порт. Здесь еще все напоминало о недавнем бое. На пирсах, возле многочисленных дотов и дзотов, врытых в землю танков валялись не успевшие еще потускнеть гильзы. Чуть ли не на каждом шагу были видны воронки от снарядов и бомб. Тут и там торчали столбики с табличками — череп и две скрещенные кости — гитлеровцы грозили смертью каждому, кто отваживался проникнуть на территорию порта.

Одна из таких зловещих табличек стояла перед высотой, на которой располагалась 210-миллиметровая батарея. Крутые склоны немцы усеяли минами, оплели колючей проволокой. Но и это не помогло. Ошеломленные нашим дерзким десантом, вражеские артиллеристы убежали, не успев уничтожить батарею.

По узкому проходу, проделанному нашими минерами в минном поле и проволочных заграждениях, мы поднялись к одному из бетонных двориков. Ствол «Берты», как гитлеровцы называли свои тяжелые пушки, все еще был устремлен на северо-восток — туда, где в легкой туманной дымке просматривались полуострова Средний и Рыбачий. Но стрелять в этом направлении «Берта» уже не будет. Никогда!

Взобравшись на массивную стенку орудийного дворика, Головки, окинув взглядом окрестность, сказал:

— Ну, здравствуй Печенга, русская земля!..

Да, кругом лежала опаленная боем, израненная, затоптанная врагом, но родная и близкая сердцу русская земля!

Еще десять с лишним веков назад бросили в этом заливе якоря своих ладей сыны великого Новгорода и, нарушая бывшее безмолвие, зазвучала тут русская речь. Спугивая чаек, застучал на этих берегах топор, отесывая смолистые леса для рубленых русских изб. Отсюда отважные кормчие выводили карбасы на добычу морского зверя, рыбы. И с той поры остались за приметными местами залива русские имена: мыс Крикун, мыс Девкин, Трифонов ручей, Девкина заводь, перенесенные потом на все морские карты.

Но берега этого залива были свидетелями не только созидательного труда русского человека. В 1589 году сюда неожиданно ворвались иноземные захватчики. Враг рассчитывал на богатую и легкую поживу. Однако рыбаки, зверобой и монахи обосновавшегося тут монастыря достойно встретили неприятеля. Не их вина, что победа тогда осталась за иноземцами. Русские люди с топорами, дубинами, рогатинами сражались до последнего. Даже женщины и дети, укрывшись в монастыре, предпочли сгореть заживо, но не идти в полон врагу.

Предав все огню и мечу, захватчики ушли.

Но потом снова ожили здешние места. Появились в Девкиной заводи русские суда. По берегам залива поднялись бревенчатые избы.

За минувшие с тех пор столетия много наших знаменитых соотечественников побывало в этих водах, дающих, по словам составителя старинной «Лоции Мурманского побережья», «приятный отдых для глаза мореплавателя, утомленного мрачным видом неприветливых, голых скал нашего Мурмана». В 1767 году заходил сюда еще мичманом на корабле «Норген» Ф. Ф. Ушаков, а чуть позже — П. С. Нахимов — прославленные русские адмиралы, чьими именами в годы Великой Отечественной войны были названы ордена и медали, которыми благодарная Родина отмечала боевые заслуги военных моряков. Побывал тут известный русский мореплаватель и составитель первой лоции северных морей Ф. Литке. В 1897 году стоял в этом заливе первый

русский ледокол «Ермак», на борту которого находился его создатель вице-адмирал С. О. Макаров. Бывал здесь в конце прошлого столетия выдающийся русский художник И. А. Коровин: северная природа покорила его своей суровой, но величественной красотой.

Четверть века назад Печенга отошла к Финляндии, а последние несколько лет в ней хозяйничали гитлеровцы. Но исконная русская земля знала и верила, что недалек час, когда законные хозяева освободят ее от фашистского рабства. И, преодолев все трудности, они пришли сюда — советские солдаты и матросы! Наш флотский поэт Николай Флеров писал в те дни:

Вперед прорываясь упрямо,
Мечтали мы ночью и днем,
Что время придет, и Петсамо
Мы Печенгой вновь назовем.

И кажется: с нами незримо
В едином и грозном строю
Пришли Ушаков и Нахимов,
Что Печенгу знали свою.

На месте сражений горячих
Наш доблестный флаг водружен.
И страж Заполярья — Рыбачий —
Шлет Печенге братский поклон.

А песня летит над волнами,
И глухо рокочет прибой.
Над Печенгой Красное знамя,
А путь нам, товарищи, — в бой!

Да, как ни велика была радость от большой победы — освобождения родной Печенги — но война еще продолжалась, и дела нам хватало.

Я вернулся в Пумманки, на ЗКП. Вечером прилег отдохнуть после нескольких бессонных ночей. Разбудил Вася Игумнов. Он влетел, словно вихрь:

— Так что же вы, товарищ комбриг, Москва ведь! Про нас!

И он включил приемник на всю мощь. Знакомый левитановский голос заполнил комнату:

— «Приказ Верховного Главнокомандующего.

Генералу армии Мерецкову.

Адмиралу Головкину.

Войска Карельского фронта прорвали сильно укреп-

ленную оборону немцев северо-западнее Мурманска и сегодня, 15 октября, при содействии кораблей и десантных частей Северного флота овладели городом Петсамо (Печенга) — важной военно-морской базой и мощным опорным пунктом обороны немцев на Крайнем Севере...»

Далее следовали имена командиров частей, личный состав которых отличился в проведенной операции. В числе других слышу свою фамилию и фамилии командиров наших дивизионов — капитана 2 ранга Алексеева, капитана 3 ранга Федорова, капитана 2 ранга Коршуновича.

— «В ознаменование одержанной победы, — Левитан еще повысил голос, — войсковые соединения, корабли и части флота, наиболее отличившиеся в боях за Петсамо (Печенга), представить к присвоению наименования Печенгских и к награждению орденами.

Сегодня, 15 октября, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Карельского фронта, кораблям и частям Северного флота, овладевшим Петсамо, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий...»

Тут было уже не до сна!

Из офицерского общежития, из матросских землянок несло многоголосое «ура». Все поздравляли друг друга. Обнимались. Целовались.

Заслужить благодарность Родины, народа — есть ли для советского человека что-нибудь радостнее и выше!

Вызвал на связь Е. Т. Дубовцев. После теплых взаимных поздравлений Ефим Тимофеевич рассказал, что, узнав о приказе, один из морских пехотинцев взобрался на колокольню в Печенге и ударил во все колокола.

— Такой торжественный перезвон устроил, что и финалу «Ивана Сусанина» не уступит. Праздник получился по всем статьям!

Да, это был большой и волнующий праздник!

На пирсе в Пумманках возник митинг. Один за другим поднимались на трибуну матросы, старшины, офицеры. Звучали идущие от самого сердца слова сыновней благодарности советскому народу, Коммунистической партии за высокую оценку ратного труда моряков и заверения не пожалеть сил и самой жизни во имя любимой Родины.

Курт Типпельскирх в своей «Истории второй мировой войны» пишет: «Из накопленных на Крайнем Севере запасов продовольствия и огромного количества военного имущества всех трех видов германских вооруженных сил лишь частица могла быть вывезена через северные порты. Отход осложнялся трудностями полярной ночи и зимы...».

Что касается признания, что из больших запасов, накопленных германскими вооруженными силами на Севере (добавим сразу же — и из войск, которые у них там были), гитлеровцы смогли вывезти «лишь частицу», с Типпельскирхом нельзя спорить. Бывшему начальнику разведывательного управления генерального штаба гитлеровских сухопутных сил, а в конце войны — командующему армией — это лучше известно. Но вот в объяснении причин, почему так произошло, К. Типпельскирх явно грешит против истины. Вывоз различных грузов и эвакуация частей германских вооруженных сил через северные порты Норвегии осложнялись не столько трудностями полярной ночи и зимы, сколько (и это в первую очередь!) плотной блокадой морских коммуникаций противника авиацией, подводными лодками и торпедными катерами Северного флота.

После высадки десантов в губе Малой Волоковой (Маативуоно) и Лиинахамари катерники нашей бригады приняли активное участие в высадке ряда других тактических десантов на территории Финляндии и Северной Норвегии. 18 октября батальон 12-й бригады морской пехоты был высажен с наших катеров на побережье заливов Суоловуоно и Аресвуоно. Через пять дней, 23 октября, еще один батальон этой бригады и отряд морских пехотинцев 125-го отдельного полка был доставлен торпедными катерами капитан-лейтенанта И. Решетько и морскими охотниками в Кообхольм-фиорд. А 25 октября пятнадцать торпедных катеров, четыре малых и один большой охотник, совершив трудный штормовой переход, высадили более восьмисот морских пехотинцев в Холменгро-фиорде. (Мне довелось быть командиром высадки этого десанта.) Захватив расположенные здесь мощные батареи противника, десантники, вместе с частями 14-й армии, приняли участие в штурме Киркенеса — важной военно-морской ба-

зы гитлеровцев и крупнейшего порта Норвегии в Варангер-фиорде.

Наряду с участием в высадке десантов, экипажи торпедных катеров бригады с такой же активностью выполняли и вторую важную задачу, определенную для нас директивой на операцию «Вест»: «...блокаду морских коммуникаций противника с целью воспрепятствовать эвакуации войск и вывоза грузов через порты Варангер-фиорда».

Из многих боевых эпизодов этого периода примечательным был, в частности, бой, проведенный двумя нашими торпедными катерами против восьми сторожевых катеров противника, поддержанных еще береговой батареей, в ночь на 3 октября.

Получив задание на поиск в районе от Кообхольм-фиорда до острова Лилле-Эккерей, в море тогда вышли три торпедных катера. Командир отряда капитан-лейтенант Иван Антонов находился на катере старшего лейтенанта Петра Косовнина, имевшем радиолокационную станцию. Двумя другими катерами командовали старший лейтенант Николай Травин и лейтенант Степан Тодоров.

После полуночи на подходе к острову Лилле-Эккерей юнга-радиометрист Женя Малиновский доложил командиру отряда о появлении на дистанции 18—20 кабельтовых пяти целей. Полагая, что это конвой противника, капитан-лейтенант пошел на сближение. Однако в 1 час 3 минуты, с дистанции 6—7 кабельтовых, уже визуально, было определено, что вместо конвоя обнаружены пять немецких сторожевых катеров.

Гитлеровцы тоже заметили наши катера. В небо взвилась ракета. Как видно, это был условный сигнал: через несколько минут береговая батарея с мыса Скальнес открыла огонь осветительными снарядами. Убедившись в своем численном превосходстве, фашисты осмелели и кинулись к нашим катерам. В 1 час 15 минут радиометрист доложил капитан-лейтенанту Антонову об обнаружении еще трех целей, предположительно сторожевых катеров, идущих на пересечку курса. Стало очевидным, что боя не миновать.

Учитывая слабость вооружения катера Косовнина —

на нем имелась только одна спаренная пулеметная установка, — Травин предложил командиру отряда отойти одному. (Все мы очень оберегали радиолокационные катера: ведь тогда у нас на бригаде их было только три.)

— Отходите, — убеждал Антонова старший лейтенант, — а мы вас прикроем. Отходите! Не теряйте времени!..

Капитан-лейтенант понимал, что Травин прав. Действительно, рисковать радиолокационным катером нельзя. И командир отряда приказал Косовнину отходить. А экипажи Травина и Тодорова вступили в бой с четырьмя превосходящим по силам противником.

Группа из трех сторожевых катеров, навстречу которой пошел лейтенант Тодоров, попыталась было оттеснить его к берегу. Выигрывая время, необходимое для отхода радиолокационного катера, Тодоров сделал вид, что врагу затея удастся. А потом, развив полную скорость, ловким маневром прорвался сквозь полукольцо вражеских катеров и, ставя отсекающие дымзавесы, начал отходить в сторону Рыбачьего. Через 25 минут он благополучно оторвался от преследования.

Более тяжелое положение сложилось для старшего лейтенанта Травина. Пять сторожевых катеров, с которыми он вступил в бой, разделились на две группы: три зашли с правого, а два — с левого борта. Огонь их пушек и пулеметов дополняла еще береговая батарея: сделав залп осветительными снарядами и уточнив место нашего катера, она выпускала по нему два-три залпа.

Советские моряки мужественно отбивались. Когда вражеский 37-миллиметровый снаряд угодил в моторный отсек, комсомольцы Злагарев и Иванисов быстро погасили возникший пожар. Но правый мотор остановился. Скорость катера снизилась до четырнадцати узлов. Численное превосходство противника дополнилось еще и преимуществом в скорости. И тут очень убедительно подтвердилось старое воинское правило, что храбрость превосходит силу. Идя в сторону дымовых завес, поставленных лейтенантом Тодоровым, Травин принял единственно правильное в этих условиях решение: в момент, когда погасли очередные осветительные снаряды батареи, он приказал своим комендорам и пу-

леметчикам прекратить стрельбу. На какие-то считанные секунды гитлеровцы потеряли из вида наш катер. А как только все вокруг вновь залило зеленоватое сияние осветительных снарядов, по команде старшего лейтенанта огонь был открыт не по нескольким целям, как прежде, а сосредоточен лишь на головном вражеском катере, шедшем по правому борту. После нескольких метких очередей старшины 2-й статьи Третьякова, старшего матроса Низовцева и матроса Шайдулина на сторожевом катере возник пожар. С новым залпом батареи осветительными снарядами наши катерники повторили этот же прием, сосредоточив теперь весь огонь на следующем немецком катере, вынудив и его выйти из боя.

Наконец Травин укрылся в первой из дымовых завес, получив тем самым несколько минут передышки. Выйдя из завесы, наши моряки вновь обнаружили немецкие катера. Но их осталось теперь три и, продолжая преследование, они старались держаться уже на более почтительном расстоянии.

Так, переходя из одной дымзавесы в другую, периодически вступая в перестрелку с противником, экипажу нашего катера удалось через 45 минут после начала этого трудного боя оторваться от преследования. И как это ни покажется удивительным, но среди подчиненных старшего лейтенанта Травина не было даже раненых.

Узнав об этом бое, мы на КП-200 решили было выслать в море другие катера на перехват противника.

— А не прикрывали ли немцы там свои транспорты? — спросил адмирал Головкин, когда я доложил ему о нашем намерении.

Выслушав мой ответ, что никаких крупных целей в этом районе не обнаружено, адмирал выход катеров не разрешил.

— Зачем дразнить гусей раньше времени. А Травину с Тодоровым и их подчиненным передайте благодарность Военного совета. Молодцы!

Я уже упоминал, что в день высадки десанта в Маативуоно мы получили из штаба флота сообщение об

обнаружении в районе мыса Нордкин вражеского транспорта, шедшего в сопровождении пяти сторожевых кораблей и четырех тральщиков на юго-восток, в сторону Варангер-фиорда. На перехват этого конвоя из нашей основной базы вышли шесть торпедных катеров под командованием капитана 3 ранга В. П. Федорова. По договоренности со штабом ВВС, в районе Варде к ним должны были присоединиться два Ил-4, чтобы подсветить цели.

Осенняя погода в Заполярье коварна. Выходишь в море, и ничто будто не предвещает ненастья. Легкий ветерок ласково развеивает полотнище флага. В низких облаках проглядывает голубоватое небо, ночами нет-нет да заиграет нежными чарующими красками северное сияние. И только разве высокий накат, мерно раскачивающий катер, напоминает о том, что где-то там, в бескрайних просторах Ледовитого океана, бушует шторм. Но как знать, куда он продвигается: на юг или на север, на запад или на восток? В Заполярье тогда вообще было не так много метеостанций. А с 1941 года число их еще более сократилось. Обмен метеонаблюдениями между странами тоже прекратился (в то время и погода имела военное значение). Поэтому прогнозы синоптиков не отличались особой точностью. Словно бы пользуясь этим, заполярная погода нередко преподносила нам довольно коварные сюрпризы, когда за каких-нибудь два-три часа слабый ветер набирал чуть ли не ураганную силу, а налетавшие неведомо откуда бешеные хороводы метели обступали катер непроглядной стеной.

Так случилось и на этот раз.

Когда торпедные катера капитана 3 ранга В. П. Федорова выходили в море, погода была хорошей. Но часа через три Василий Панфилович сообщил о внезапном усилении ветра. К полуночи ветер достиг шести баллов. Шедшие навстречу волне торпедные катера заливало так, что они вынуждены были перейти на самый малый ход. Стало очевидным, что к условленному времени подойти к Варде Федоров не успеет. Мы перенацелили торпедные катера на район Лилле-Эккерей: направляясь отсюда к мысу Скальнес, с наибольшей вероятностью можно было рассчитывать на встречу с конвоем.

С приходом к острову Лилле-Эккерей и началом

движения на норд-ост к торпедным катерам присоединились два самолета Ил-4, но выполнить поставленную перед ними задачу — подсветить цели — летчики не смогли: была слишком низка облачность. Самолеты пришлось отозвать на аэродром. Торпедные катера продолжали поиск самостоятельно.

А погода все ухудшалась. К 4 часам 10 октября ветер достиг восьми-девяти, а волна семи баллов. Снежные заряды сменились неистовой полярной пургой. Идущие против волны катера, плохо слушаясь руля, начали рыскать по курсу. Качало их так, что трубы торпедных аппаратов то и дело черпали воду. Выпуск торпед в таких условиях невозможен. Учитывая это, мы приказали Федорову вернуться в базу.

О том, какой тяжелой для моряков была борьба с разбушевавшейся стихией, можно судить хотя бы по тому, что тридцать миль, отделявших от базы, они шли без малого пять часов. Их скорость, таким образом, не превышала шести узлов — это для торпедных-то катеров!

Мы не без оснований опасались, что от многочасовой неистовой качки компасы на катерах выйдут из меридиана и на точность их работы полагаться будет нельзя. А видимость в море из-за метели не превышала полкабельтова. Возникла реальная угроза, что катера попросту заблудятся. Тогда флагманский связист штаба капитан 3 ранга Смирнов предложил воспользоваться радиопеленгатором, который имелся у летчиков.

— Будем делать с его помощью засечки пеленгов по отсчету катеров, а потом передавать им нужный курс на базу.

Хотя никакого опыта в этом деле у нас тогда еще не было, все же решили попробовать. Летчики не только любезно согласились предоставить в наше распоряжение свой радиопеленгатор, но и вызвались помочь в задуманном нами деле. Не сразу все пошло на лад. Но в конечном итоге радиопеленгатор все же полностью оправдал надежды. С его помощью катера были благополучно приведены в базу.

Пробыв почти пятнадцать часов в разбушевавшемся море, не просто промокшие, но и обледеневшие так, что брови и выбившиеся из-под шлемов волосы обросли сосульками, катерники, сойдя на берег, прежде всего спра-

Н. И. Виноградов

Г. П. Тимченко

В. В. Солодовников

Е. В. Осецкий

В. И. Троненко

А. М. Аксенов

В. А. Калмыков

В. Я. Александров

шивали, как прошла высадка десанта и началось ли наше наступление на Муста-Тунтури. И только узнав, что операция развивается успешно, отправлялись отогреваться.

11 октября стал черным днем для немецкой конвойной службы в зоне прибрежных коммуникаций от мыса Нордкин до Бек-фиорда. Около сотни наших самолетов нанесли бомбо-штурмовые удары по конвоям и стоянкам вражеских кораблей. Трижды за эти сутки их успешно атаковали североморские подводные лодки. Внесли свою лепту в разгром вражеских конвоев и торпедные катера нашей бригады. Было это так.

Во второй половине дня воздушный разведчик сообщил, что в районе Гамвика, западнее Тана-фиорда, обнаружены три транспорта, следующие в сильном охранении вдоль побережья к Варангер-фиорду.

В 17 часов 30 минут конвой миновал Сюльте-фиорд. Стало очевидным, что гитлеровцы задались целью с наступлением темноты провести транспорты в Киркенес. Решаем выслать в море три группы торпедных катеров: первая — четыре катера под командованием капитана 2 ранга Алексеева — должна вести поиск в районе острова Лилле-Эккерей, маяк Стуршер; вторая — два катера под командованием капитана 3 ранга Федорова — будет поджидать конвой на подходах к Бек-фиорду и третья, тоже из двух катеров под командованием капитан-лейтенанта Паламарчука, выйдет к Кообхольм-фиорду на случай, если противник попытается вдруг ввести свой конвой туда. На всякий случай капитан-лейтенанту Шабалину было приказано держать в готовности к выходу в море в Пумманках еще звено катеров.

По нашим предварительным расчетам наибольшая вероятность встречи с конвоем была у В. Н. Алексеева. Поэтому мы включили в его группу радиолокационный катер старшего лейтенанта Петра Косовнина, а для страховки — локация была в то время делом новым — придали еще звено самолетов — ночных разведчиков с осветительными бомбами. Однако недоверие к новой технике, как известно, не остается безнаказанным. Не избежали этой участи и мы.

С наступлением темноты, в 19 часов с минутами,

группы Алексеева и Федорова покинули Пумманки. Скоро радиоразведка штаба флота перехватила оповещение киркенесской радиостанции о выходе в Варангер-фиорд советских катеров. Причем наиболее точно указывался район, в котором находились катера капитана 2 ранга Алексеева. Объяснялось это не столько бдительностью немцев и точностью работы их радара на мысе Кибергнес, сколько нашей ошибкой: стремясь использовать в поиске конвоя одновременно самолеты и локацию, командир группы вынужден был вести довольно оживленные переговоры то с летчиками, то с катером Косовнина. Перехватить эти переговоры и определить по ним место наших катеров для противника не составило большого труда. Наше недоверие к новой технике было, таким образом, заслуженно наказано.

Мы тут же постарались исправить ошибку. Самолеты были отозваны на аэродром. Пересадить капитана 2 ранга Алексеева с катера лейтенанта Никитина к Косовнину, — а место командира группы, как мы убедились, было именно там, возле радиолокатора, — возможности не было. Пришлось ограничиться полумерой: Алексеев был предупрежден о необходимости до минимума сократить радиопереговоры и до поры до времени только отвечать на вызовы старшего лейтенанта Косовнина.

Успех или неудача поиска и атаки конвоя теперь в полной мере зависели от флагманского специалиста бригады по радиолокации инженер-капитан-лейтенанта А. Г. Приймака и радиометриста юнги Малиновского. Все предыдущие выходы в море наших радиолокационных катеров, как я уже упоминал, оказывались безрезультатными из-за отсутствия объектов атаки. Этот поиск был, по существу, первым, когда мы точно знали, что корабли противника в Варангер-фиорде есть и их нужно только обнаружить. А «первый блин», по народной поговорке, зачастую бывает комом.

Около 23 часов, ведя поиск в районе Ютре-Киберга, радиометристу показалось, что у самого берега находятся корабли. Об этом было тотчас сообщено командиру группы. Алексеев, однако, не торопился с командой на атаку. Но самый молодой и менее опытный из

командиров катеров старший лейтенант Н. М. Ганкин, услышав по радиофону доклад радиометриста, не ожидая команды, вышел в атаку и поспешил выпустить по обнаруженным «целям» одну за другой две торпеды. Мы на КП-200 получили от Ганкина доклад, что «торпедирован вражеский транспорт». Однако командир группы тотчас же внес в этот доклад довольно существенную поправку: оказывается, старший лейтенант довольно лихо атаковал не транспорт, а... прибрежную скалу.

Сам Н. М. Ганкин, вспоминая этот случай, пишет в письме:

«Камни в районе Ютре-Киберга, надо сказать, очень похожи на силуэты транспортов. Возле них даже пенный след прибоя тянется лентой, словно от форштевня идущего корабля. В этом походе обеспечивающим у меня на катере шел Виктор Домысловский. Услышав доклад радиолокационного катера, мы приняли эти камни за вражеские корабли, и Домысловский сказал: «Атакуй!..» А мне, признаться, очень хотелось иметь победу. Ну, я и атаковал... Когда же после взрыва торпед Алексеев запросил по радиофону: «Кто стрелял?», я сразу понял, что допустил ошибку. Но исправить что-либо было уже нельзя. Переживал я потом этот случай очень тяжело. Ведь, выпустив попусту торпеды, я лишился возможности участвовать в атаке конвоя...»

Да, держать в море разрядившийся катер не было никакого смысла, и Ганкин получил приказание возвратиться в Пумманки. Учитывая недостаточную опытность старшего лейтенанта, мы не предъявили ему особых претензий. Только друзья довольно долго разыгрывали Наума Моисеевича, припоминая при удобном случае его «лихую атаку».

А три оставшихся в море торпедных катера группы капитана 2 ранга Алексеева продолжали поиск. И не без успеха. В 00 часов 7 минут 12 октября, при движении вдоль берега на юго-запад, А. Г. Приймак доложил на мостик:

— Конвой в десяти милях по корме. Идет от мыса Кибергнес в сторону Киркенеса.

Локатор вскрыл и ордер обнаруженного конвоя, и определил места транспортов, которые представляли

для атакующих катеров куда большую ценность, нежели корабли охранения.

А. Г. Приймак, вспоминая об этом бое, рассказывал потом:

— Нам с Малиновским на экране было хорошо видно, как впереди трех больших целей, наверняка транспортов, шло охранение — две цели поменьше. Это, кстати, потом подтвердилось. А с моря транспорты прикрывались еще несколькими кораблями. Такой ордер конвоя подсказывал выгодность атаки из-под берега, с наименее охраняемого направления. Получив разрешение командира дивизиона, я начал наводить катера на цели...

Первым по данным радиолокации сблизился на выгодном курсовом угле и с короткой дистанции выпустил торпеды по крупнотоннажному двухтрубному транспорту флагманский катер лейтенанта Никитина.

Хотя командиры кораблей конвоя были заранее предупреждены о возможной встрече с советскими торпедными катерами (недаром же радиостанция Киркенеса несколько раз передала ставшее уже привычным: «Ахтунг!.. Ахтунг!..»), все же наша атака оказалась для противника неожиданной. Во всяком случае, до взрыва первого из транспортов корабли охранения, соблюдая скрытность, не стреляли. Но зато сразу же после этого, словно бы наверстывая упущенное, со сторожевых кораблей, тральщиков и сторожевых катеров был открыт яростный огонь. К кораблям охранения тут же присоединилась еще береговая батарея, начав стрельбу осветительными снарядами. Все это осложнило действия наших катерников, но не охладило их стремления к атаке. Командир «катера-контакта» старший лейтенант Косовнин, не выдержав, сам сблизился со вторым транспортом и торпедировал его. По третьему, последнему в составе конвоя, транспорту выпустил торпеды капитан-лейтенант Г. Шерстюк.

Косовнин и Шерстюк, прикрываясь дымзавесами и проходя после выпуска торпед под кормой атакованных транспортов в сторону моря, сравнительно легко оторвались от преследования кораблей охранения, не понеся при этом никаких потерь.

Труднее пришлось лейтенанту Никитину. Прижатый к берегу, его катер оказался в огненных тисках: со сто-

роны моря его обстреливали, расположившись полукругом, немецкие сторожевые катера, а с суши — береговая батарея. Спасти мог только смелый и неожиданный для противника маневр. По совету капитана 2 ранга Алексеева лейтенант Никитин прикрылся дымзавесой, а потом на самом полном ходу вырвался из плотного дымного облака и, разбрасывая по сторонам густые пенные усы, устремился на немецкие катера. Решив, по-видимому, что командир советского торпедного катера, отчаявшись, идет на таран, гитлеровцы, струхнув, расступились.

Мы на КП-200 с облегчением вздохнули, получив донесение лейтенанта Никитина о благополучном прорыве в открытое море.

Итак, боевую задачу, поставленную командованием флота перед нашей бригадой, можно было считать по существу выполненной. Вражеский конвой разгромлен. Но у нас была возможность, используя заблаговременно развернутые в море группы торпедных катеров, нанести врагу еще больший урон, и этим грешно было бы не воспользоваться.

Отозвав катера лейтенанта Никитина и капитан-лейтенанта Шерстюка в базу, мы с КП-200 приказали старшему лейтенанту Косовнину остаться в море и, продолжая наблюдение за кораблями противника, навести на них последующие группы торпедных катеров.

Менее чем через полчаса после первой атаки, в 00 часов 37 минут, по данным радиолокационного катера Косовнина, к конвою подошло звено капитана 3 ранга Федорова.

Приученные действовать по шаблону, гитлеровцы и наших моряков мерили на свой аршин: раз, дескать, первая атака была со стороны берега, то и теперь следует ее ждать оттуда же. Все внимание противника было направлено в сторону берега. А наши катера на этот раз ударили со стороны моря. После успешной атаки лейтенанта Родионова и старшего лейтенанта Диренко, на дно Варангер-фиорда отправились сторожевой корабль и тральщик противника.

Продолжая оставаться в море и вести наблюдение, старший лейтенант Косовнин около половины второго ночи доложил на КП-200, что радиометрист обнаружил в районе мыса Комагнес еще несколько целей, идущих

к Варде. Трудно было сказать, что это за корабли: то ли, воспользовавшись тем, что две группы наших катеров уже разрядились, гитлеровцы решили вывести свои транспорты из Бек-фиорда, то ли послали несколько боевых кораблей, чтобы собрать и сопроводить остатки разгромленного нами конвоя. На перехват этих целей из Пумманок тотчас вышло звено катеров капитан-лейтенанта Шабалина. Туда мы направили и катера капитан-лейтенанта Паламарчука, которые до этого несли дозор у Кообхольм-фиорда. Но до боя дело не дошло: обнаружив в фиорде наши катера, гитлеровцы решили, как видно, не рисковать и повернули свои корабли на обратный курс.

Оставив на КП-200 начальника штаба, я выехал в Пумманки встретить возвратившиеся с моря катера.

На борту катера лейтенанта Никитина лежали, прикрытые кормовым флагом, тела убитых — командира отделения мотористов старшины 1-й статьи Николая Вейнаровского и старшего моториста старшины 2-й статьи Михаила Кормича.

Старшина 2-й статьи Кормич повторил в этом бою подвиг Саши Ковалева. Снарядом был перебит коллектор одного из моторов. В отсек ударила струя горячей воды. Каждая минута замешательства неминуемо вела к остановке мотора. Не раздумывая, Михаил Кормич телом своим закрыл пробоину. Осколок второго снаряда смертельно ранил старшину. Но до последней минуты жизни моряк думал о спасении родного катера, своих товарищей и, даже умирая, не отошел от коллектора. Позже комсомолец старшина 2-й статьи Михаил Кормич был навечно зачислен в списки личного состава 3-го дивизиона бригады торпедных катеров Северного флота.

Вечером, приехав в Пумманки, адмирал Головкин пригласил в одну из землянок Алексева, Косовнина, Приймака и юнгу Малиновского.

— Ну, вы заслуживаете особой награды, — сказал Арсений Григорьевич, выслушав короткие рассказы каждого о прошедшем бое. — Ведь вы первые в совет-

ском Военно-Морском Флоте успешно применили в бою радиолокацию.

Расспросив юнгу, как его зовут, сколько лет, где живут родители, Арсений Григорьевич дружески обнял Малиновского.

— Вот она, такая смена-то у нас растет боевая! Что же, Женя, пиши отцу, что ты награжден орденом Красного Знамени.

Кстати сказать, спустя месяц мы пригласили отца Евгения Малиновского, рабочего одного из московских заводов, к нам в гости. Он прожил несколько дней в нашей базе. Рассказывал морякам о трудовых успехах коллектива родного завода. Побывал на торпедных катерах. Выходил вместе с сыном в море.

Разгром немецкого конвоя 12 октября довольно широко комментировался в зарубежной печати. Даже газеты фашистской Германии вынуждены были опубликовать сообщение, что в эту ночь советскими торпедными катерами были потоплены в Варангер-фиорде транспорт «Люммс» и тральщик «М-303». То, что в этом невольном признании число потопленных нами кораблей значительно преуменьшено, не удивительно. Гитлеровское командование ведь вообще старалось умалчивать о своих потерях на восточном фронте. А если и признавалось, то сокращало их в несколько раз.

После 12 октября мы с еще большей настойчивостью продолжали поиски конвоев (наша авиация — днем, торпедные катера — ночью). В каждую группу торпедных катеров теперь непременно включались катера с радиолокационными станциями. Октябрьские ночи в Заполярье долгие. Каждый из этих походов продолжался по 10—12 часов. Другие корабли мы могли менять, давая возможность экипажам отдохнуть, но катеров с радиолокационными станциями у нас было мало, и они выходили в море чуть ли не каждую ночь. Моряки этих катеров с ног валились от усталости. Но никто из них не сетовал на трудности.

21 октября позвонили из штаба флота:

— У мыса Нордкин обнаружены пять немецких де-

сантных барж. В сопровождении нескольких сторожевых катеров идут к Варангер-фиорду. Командующий приказал с наступлением темноты провести поиск и атаковать их...

Не будучи уверенным, что эти БДБ действительно дойдут до Варангер-фиорда (на пути от Нордкина было немало и других мест, куда они могли зайти, что потом и подтвердилось), В. А. Чекуров предложил выслать на поиск лишь одно звено катеров, с тем чтобы в случае необходимости подкрепить его новой группой.

— А старшим предлагаю послать капитана 3 ранга Холина, — сказал Валентин Андреевич. — Он уж очень просится пустить его в море.

Начальник штаба 1-го дивизиона капитан 3 ранга Н. Г. Холин начал войну на Черноморском флоте. Проходя службу на ледоколе «Микоян», он в 1942 году участвовал в легендарном переходе этого судна с Черного моря на Дальний Восток. К нам на бригаду пришел летом 1944 года.

Перед звеном капитана 3 ранга Н. Г. Холина (головным шел катер лейтенанта С. Тодорова, а ведомым — капитан-лейтенанта П. Шуляковского) была поставлена задача: провести поиск в районе от острова Лилле-Эккерей до Варде, а затем, выйдя за пределы Варангер-фиорда, установить линию дозора примерно на полпути от Варде до мыса Харбакен.

Поздним вечером катера покинули Пумманки. А спустя некоторое время нам стало известно о выходе из Бек-фиорда еще одного конвоя в составе трех крупнотоннажных транспортов, буксируемого парусника и более десятка кораблей охраны. Не так уж трудно было представить себе ход мыслей немецкого командования: проследив радаром за звеном наших катеров, уже огибавших к этому времени острова Варде, оно решило воспользоваться этим. Пока мы перенацелим катера, конвой успеет дойти до пролива Буссесунн.

Но если немцы считали себя «с бородой», то и мы были «с усами». Отправив звено капитана 3 ранга Холина на поиск десантных барж, подходивших с северо-запада, мы тут же подготовили к выходу в море еще три торпедных катера под командованием капитана 3 ранга А. И. Ефимова. Главным в этой группе был

радиолокационный катер Косовнина, а двумя другими катерами командовали старшие лейтенанты П. Диренко и В. Кузнецов. Дав возможность немецким кораблям без помех пройти некоторое расстояние, чтобы, обнаружив новую группу наших катеров, они не успели вернуться в Бек-фиорд, мы примерно около полуночи направили Ефимова в море. Спустя час юнга Малиновский уже доложил на мостик об обнаружении целей. Спустившись к радиометристу, капитан 3 ранга Ефимов отчетливо увидел на экране локатора четыре крупных корабля, прижимавшихся к берегу, и мористее их — две завесы охранения.

В 1 час 48 минут первым устремился в атаку и точным двухторпедным залпом отправил тральщик на дно старший лейтенант Диренко. За ним, используя выгодную позицию, атаковал сторожевой корабль старший лейтенант Косовнин. Не повезло лишь экипажу Кузнецова. Катер старшего лейтенанта был контратакован четырьмя немецкими сторожевыми катерами. Выпускать торпеды, не будучи твердо уверенным, что они попадут в цель, Кузнецов не хотел, и потому вынужден был отойти. Через 16 минут он предпринял вторую попытку прорваться к конвою севернее мыса Кибергнес, потом — уже у самого входа в пролив Буссесунн. Трижды в течение часа! Но всякий раз путь преграждали сторожевые катера. Опасаясь, как бы боевой азарт старшего лейтенанта не привел в конце концов к печальным последствиям, с КП-200 Кузнецову было рекомендовано оставить на время конвой в покое. Пусть гитлеровцы уверуют, что советский торпедный катер отказался от атаки.

— А пока корабли будут проходить проливом, вы, обогните острова Варде да атакуйте противника уже за пределами Варангер-фиорда.

Старший лейтенант так и поступил. Догнав конвой у мыса Блудшютодден, он в 4 часа 9 минут атаковал и потопил тральщик. Открыв огонь, сторожевые катера бросились вдогонку за Кузнецовым. Погоня продолжалась около 17 минут, но успеха гитлеровцам не принесла. Наш катер благополучно вышел из боя и возвратился в Пумманки.

Воспользовавшись замешательством, вызванным среди кораблей охранения атакой старшего лейтенанта

Кузнецова, еще один — третий за эту ночь! — удар по немецкому конвою нанесло звено Холина. Правильно оценив обстановку, капитан 3 ранга вывел свои катера к целям со стороны берега — с направления, откуда они меньше всего ожидали атаки. И сначала лейтенант Тодоров, потом капитан-лейтенант Шуляковский выпустили торпеды по грузно осевшим в воду транспортам. Окончательно сбитые с толку, корабли охранения конвоя принялись сбрасывать глубинные бомбы, полагая, что транспорты атакованы подводной лодкой. Что же, нашим катерникам это было только на руку...

Так, в результате трех атак — последних торпедных атак североморских катерников в Великой Отечественной войне — из состава вражеского конвоя, насчитывавшего пятнадцать вымпелов, за эту ночь было выведено из строя пять кораблей: потоплены транспорт и два тральщика да сильно повреждены транспорт и сторожевой корабль.

Значительные потери, понесенные от атак нашей авиации, подводных лодок и торпедных катеров, вынудили немецко-фашистское командование отказаться от посылки конвоев в Варангер-фиорд. Эвакуацию своих войск противник начал по шоссейной дороге до Танна-фиорда, а то и дальше и лишь оттуда вывозил их на кораблях.

Несмотря на это, мы до конца октября, до освобождения советскими войсками Киркенеса и портов Варде и Вадсе, почти каждую ночь проводили поиск в Варангер-фиорде. Не обнаружив кораблей противника, капитан 2 ранга В. Н. Алексеев с нашего согласия решился даже на атаку судов, стоявших в порту Вадсе. В ночь на 26 октября, оставив остальные катера своей группы в море, сам командир дивизиона подошел на радиолокационном катере к Вадсе и, ориентируясь по экрану локатора, выпустил торпеды в глубь бухты по скопившимся у причала судам. Взрывы и наблюдавшиеся затем пожары в порту подтвердили, что торпеды были потрачены не зря.

Наши катера проводили систематический поиск вражеских кораблей не только в Варангер-фиорде, но и за

его пределами. Один такой поиск был проведен, в частности, в Танна-фиорде. Узнав из сообщения воздушной разведки о том, что в этом фиорде находились крупные немецкие боевые корабли, мы послали туда шесть торпедных катеров под командованием В. Н. Алексеева. Они прошли около трехсот миль в прибрежных водах противника и успешно достигли фиорда, но нанести удар им не удалось. По-видимому, заранее предупрежденные о подходе наших катеров, фашистские корабли сменили место стоянки. А побережье Танна-фиорда изрезано множеством хорошо укрытых бухт. Наши моряки не имели возможности вести длительный поиск: на катерах осталось так мало бензина, что его еле хватало на обратный путь. Однако сам факт выхода в Танна-фиорд убедительно свидетельствовал и о хорошей морской выучке экипажей торпедных катеров, и о большом желании искать и громить врага.

Октябрь был для моряков нашей бригады самым напряженным месяцем за весь 1944 год. По подсчетам флагманского инженер-механика, за один этот месяц моторы наших катеров выработали годовую норму.

25 октября столица нашей Родины салютовала войскам Карельского фронта и морякам Северного флота, овладевшим городом и портом Киркенес. 1 ноября 1944 года Москва торжественным салютом оповестила мир о крупнейшей победе в Заполярье — полном освобождении от врага Печенгской области. Бригада торпедных катеров наряду с другими соединениями флота получила наименование Печенгской.

Народ дружественной Норвегии выражал советским воинам глубокую признательность за помощь в освобождении страны от гитлеровских захватчиков. Мне по ряду обстоятельств не довелось в то время посетить Норвегию, но друзья, побывавшие в Киркенесе и других местах, рассказывали, с какой любовью и признательностью встречали норвежцы наших солдат и матросов.

В числе других офицеров Северного флота я был удостоен норвежского ордена «Крест свободы».

Большие и радостные события переживали мы в канун 27-й годовщины Великого Октября. 3 ноября бригада была награждена орденом Ушакова I степени, 5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Со-

вета СССР девяти нашим катерникам было присвоено звание Героя Советского Союза. Капитан-лейтенант А. О. Шабалин удостоился этого высокого звания во второй раз. Это была заслуженная награда. Александр Осипович, один из старожилов нашей бригады, добился первой победы еще в сентябре 1941 года. А теперь на его боевом счету уже девять потопленных вражеских кораблей.

Звания Героя Советского Союза были удостоены командиры дивизионов капитаны 2 ранга В. Н. Алексеев и С. Г. Коршунович, командиры отрядов капитан-лейтенанты В. М. Лозовский и А. И. Кисов, командиры катеров старшие лейтенанты И. М. Желваков, В. И. Быков и Б. Т. Павлов, старшина группы мотористов Г. Д. Курбатов. Каждый из них в боях с врагом служил примером мужества и верности воинскому долгу.

Присвоение большой группе боевых товарищей звания Героя Советского Союза моряки бригады расценивали как высокую оценку наших общих успехов в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Потому-то день 5 ноября и стал для матросов, старшин и офицеров бригады общим большим праздником.

Враг теперь был далеко от Варангер-фиорда, и мы покинули свой КП-200 на горе Земляной и ставшие уже родными Пумманки. Хотя жилось тут порой и не очень сладко, но сколько дорогого и памятного на всю жизнь было связано у каждого из нас с этими местами!..

На бригаде теперь верховодили флагманские специалисты. Вынужденные прежде мириться с тем, что ремонт механизмов, оружия и приборов проводился спешным порядком, лишь бы скорее подготовить корабли к новому бою, теперь капитан-лейтенант Сударев, старший лейтенант Стрелков, капитан-лейтенант Чириков, капитан 3 ранга Смирнов, инженер-капитан 2 ранга Рихтер, инженер-капитан-лейтенант Приймак приводили свои заведования в идеальное состояние. А штаб переключился на обобщение боевого опыта бригады, корректуру боевых наставлений. Начались, в общем, обычные дела и заботы мирного времени.

Война в Заполярье, казалось, уже прекратилась.

Но вскоре нам снова пришлось по боевой тревоге выводить катера в море.

Мстя за свое поражение на Севере, командование

гитлеровского флота, отозвав свои подводные лодки с других театров военных действий, бросило их в Заполярье. Они все чаще нападали на союзные конвои и наши торговые и боевые корабли. Это заставило наше командование принять срочные меры. К борьбе с вражескими подводными лодками были привлечены все силы, в том числе и бригада торпедных катеров.

Мы проводили поиск вражеских субмарин как самостоятельно, так и во взаимодействии с катерами-охотниками. Эта напряженная работа длилась всю зиму.

4 марта 1945 года бригаде вручались ее боевые награды.

Хотя март считается весенним месяцем, у нас еще царствовала зима. Неподдалеку от пирса матросы утопали глубокий снег, образовав небольшую площадку. Стройными рядами здесь построились моряки.

Командующий флотом зачитал Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении бригады орденами Красного Знамени и Ушакова I степени. Прикрепил к знамени ордена и орденские ленты. Высоко поднятое в руках Героя Советского Союза главного старшины Курбатова, знамя торжественно проплыло вдоль строя катерников.

— Я счастлив вручить вам высокие награды, которыми наша Родина заслуженно отметила ратный труд людей вашего соединения, — сказал на митинге адмирал Головко. — Своими подвигами в борьбе с врагом вы еще выше подняли боевую славу Северного флота. Как старый катерник, я горжусь вами!..

За год существования бригады наши катерники провели более ста групповых поисков конвоев противника. Враг делал все возможное, чтобы сберечь свои суда. Из двухсот с лишним единиц, входивших в состав атакованных нами конвоев, транспортов было сорок, остальные — корабли охранения — миноносцы, сторожевые корабли и катера, тральщики. В некоторых случаях соотношение транспортов и кораблей охранения достигало одного к десяти. Однако ничто не могло остановить наших катерников. Они смело атаковали врага и добивались победы.

В четвертом томе «Истории Великой Отечественной войны» есть такие строки:

«На вражеских коммуникациях в Варангер-фиорде активно действовала бригада торпедных катеров... Успех этой бригады объяснялся прежде всего массированным использованием торпедных катеров и их четким взаимодействием с авиацией. Настойчивые атаки торпедных катеров не только в темное, но и в светлое время суток вынудили врага бросить на борьбу с ними все эскадренные миноносцы и значительную часть авиации. Но наши катерники, применяя дымовые завесы, используя прикрытие истребителей, продолжали смело действовать... Даже буржуазные военные историки вынуждены дать высокую оценку боевым действиям советских торпедных катеров. Юрг Мейстер, например, пишет: «Немцы с удивлением отмечали, что русские торпедные катера действовали... с необычной предприимчивостью... Их боевая деятельность осенью 1944 года достигла наивысшего уровня, чем значительно затруднила эвакуацию германских войск».

12 апреля позвонил адмирал Головкин и сообщил, что меня вызывают в Москву:

— Вылетай завтра же. Судя по тому, что тебе приказано сдать дела, получишь новое назначение. Куда?.. Ну, этого я не знаю. В должностях теперь недостатка нет. Кому сдашь дела?

Я ответил, что, конечно, В. А. Чекурову. А начальником штаба бригады рекомендую капитана 2 ранга В. Н. Алексеева. Командующий согласился.

Обхожу торпедные катера, прощаясь с моряками. Как дороги стали мне эти люди, с которыми сроднила нас самая крепкая дружба — дружба, испытанная в боях!

Ранним утром я уже с самолета смотрел на проступающие в разрывах облачности знакомые берега. Прощай, Заполярье! Военная судьба соединила нас не надолго. Всего на год. Но я буду всегда помнить тебя!..

Часъ

ВТОРАЯ

7

**А ЮЖНОЙ
БАЛТИКЕ**

БАЛТИЙСКАЯ БРИГАДА

В Москве меня принял Народный комиссар ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов. Николай Герасимович сразу перешел к делу:

— Есть намерение назначить тебя на Тихий океан, начальником штаба морского оборонительного района. Что скажешь?..

Я ожидал всего чего угодно, но только не этого, и потому вид у меня, нужно полагать, был недоумевающий. Во всяком случае, нарком с улыбкой спросил:

— Что, не радует?

Я ответил, что готов, разумеется, поехать снова на Тихоокеанский флот, но, откровенно говоря, без особой охоты. Война не кончилась, а у меня уже есть некоторый боевой опыт. Считаю, что он был бы полезен на действующем флоте.

— Значит, возвращаться на Тихоокеанский флот охоты нет? — спросил нарком. — Ну что же, быть по сему. Тогда поедешь на Балтику. Примешь там бригаду торпедных катеров. В Москве тебя никакие личные дела не задерживают? Ну, тогда завтра же вылетай в Палангу. Там сейчас выносной командный пункт Трибуца. Ты с ним знаком?..

Я ответил, что наслышан об адмирале много, но служить под его командованием не доводилось.

— Ну вот теперь познакомишься. Приказ о твоём назначении будет сегодня же подписан. Желаю успеха.

Назначение на балтийскую бригаду я расценивал как большую честь. Бригада эта — одно из старейших со-

единений торпедных катеров. Еще в двадцатых годах на Балтике была сформирована группа торпедных катеров из трофейных «торникрофтов». Потом эти деревянные суденышки пошли на слом, их заменили катера отечественного производства. Группа была преобразована в Отряд особого назначения.

Балтийским отрядом, а потом и бригадой торпедных катеров командовали многие широко известные теперь адмиралы. Первым командиром был В. Ф. Чернышев — в прошлом «черный гардемарин», как назывались выпускники Морского кадетского корпуса. Ныне он — контр-адмирал, доцент, старший преподаватель кафедры тактики Военно-морской академии. Все мы, катерники, по праву считаем его одним из основоположников тактики торпедных катеров.

Мне посчастливилось познакомиться с Всеволодом Феодосеевичем в конце тридцатых годов. Я был в то время начальником штаба бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота, а В. Ф. Чернышев в составе инспекции Главного морского штаба приезжал проверять нашу работу. Среднего роста, уже достаточно пожилой к тому времени, Всеволод Феодосеевич запомнился прежде всего очень внимательным и мягким обращением со всеми — и с матросами, и с офицерами. Старые катерники, кому довелось служить еще в Отряде особого назначения, вспоминали, что Чернышев никогда и ни на кого не повышал голоса. Скорее просил, чем приказывал. И тем не менее каждое его слово было для подчиненных законом, — так велико было обаяние этого человека! Я испытал это на самом себе. Несколько бесед с Всеволодом Феодосеевичем можно было сравнить с наставлениями учителя и близкого человека, который делится с тобой своими богатыми знаниями не по обязанности, а по щедрости души, благородному стремлению быть тебе полезным. Хотя штаб бригады в ту пору по оценке инспекции был отнесен к числу лучших на флоте, В. Ф. Чернышев за время пребывания у нас говорил, разумеется, не только приятное. Однако даже недовольство свое он умел выразить так, что это никого не обижало, а лишь побуждало как можно скорее исправить ошибки.

Командиром балтийских катерников был одно время

капитан 1 ранга Г. Л. Нествед — потом тоже преподаватель Военно-морской академии. И он много труда вложил в разработку методов торпедной стрельбы для катеров.

В 1929 году в Отряд особого назначения пришел Ф. С. Октябрьский — ныне адмирал, Герой Советского Союза. В то время Филипп Сергеевич был уже немало послужившим и опытным офицером (он носил, как тогда говорили, «три средних», что в наше время равноценно воинскому званию капитана 3 ранга), но с такими маленькими кораблями имел дело впервые и поэтому упросил, чтобы его назначили командиром катера. Примерно через два года Ф. С. Октябрьский с группой катеров был переведен на Дальний Восток, где он положил начало формированию бригады торпедных катеров Тихоокеанского флота. Мне довелось служить под командованием Филиппа Сергеевича в должностях командира звена, отряда, дивизиона, и я вспоминаю о том времени с большим удовлетворением.

Балтийские катерники заслужили в народе добрую славу мужественных и смелых моряков. В годы Великой Отечественной войны они отличились во многих боях. Не случайно первыми среди катерников всех наших флотов высокое звание Героя Советского Союза заслужили именно балтийцы — в ту пору еще капитан-лейтенант С. А. Осипов, старший лейтенант В. П. Гуманенко и лейтенант А. И. Афанасьев (воспитанник нашей тихоокеанской бригады, переведенный на Балтику в 1940 году).

В 1942 году балтийские катерники выставляли активные минные заграждения на опушках финских шхер, чем доставляли врагу крупные неприятности. В 1943 году, базируясь на остров Лавенсаари, торпедные катера, совместно с катерами-охотниками и тральщиками, вели трудную борьбу за поддержание минной безопасности на фарватерах, участвовали в конвоировании подводных лодок, выходивших за пределы Финского залива в южную Балтику. В 1944 году, с началом победоносного наступления Советской Армии вдоль побережья Прибалтики, торпедные катера приняли участие во многих десантных операциях. Локса, Таллин, Палдиски, острова

Моонзундского архипелага — все это места, где на долю катерников выпадало самое трудное и опасное — высадка первого броска десанта.

В оперативном управлении Главного морского штаба меня огорчили, сообщив, что подготовленные еще в мою бытность в Заполярье и отправленные с Северного флота на Балтику большие торпедные катера придут к месту назначения не скоро: реки и озера, по которым они пойдут, пока еще покрыты льдом, и природу никакими приказами не поторопишь.

На следующий день, 14 апреля 1945 года, я вылетел из Москвы к новому месту службы.

Первым, кому я представился в Паланге, был начальник штаба Юго-западного морского района (в него входила бригада катеров) контр-адмирал Н. Г. Богданов. Николай Георгиевич рассказал о трудностях, которые переживает бригада. В боях за освобождение островов Моонзундского архипелага многие торпедные катера, участвовавшие в высадке десантов, получили повреждения и теперь ремонтируются в Кронштадте и Ленинграде. Судоремонтники довольно быстро «лечат» их, но задерживается перевозка: железные дороги заняты грузами для наступающих войск Ленинградского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Сейчас же бригада располагает всего тремя десятками торпедных катеров, да и те распылены по всему побережью от Клайпеды до Померании.

— Такое теперь у вас широкое поле деятельности, только воюй! — сказал контр-адмирал в заключение. — Ну, а окончательную ориентацию получите у командующего флотом.

Ехал я к комфлота, а из головы не выходила беседа с Богдановым. Что и говорить, «поле деятельности» и перечень боевых задач у бригады такие, что действительно «только воюй». Но как раз в условиях такого «широкого поля деятельности» воевать будет трудно. На Севере мы давно убедились, что наибольшего успеха добиваешься, когда действуешь, как говорил А. Г. Головкин, не растопыренными пальцами, а туго сжатым

кулаком. И в данном случае наверняка полезнее было бы не рассредоточивать катера по многим базам, а собрать все воедино, чтобы наносить массированные удары. Вот сосредоточить бригаду, скажем, в Данцигской бухте да вместе с авиацией нагрянуть на порт Хела, откуда вражеские корабли выходят для артиллерийской поддержки своих отступающих частей и обстрела наших войск на Земландском полуострове... Эти свои соображения я уже высказал в разговоре с Богдановым, но начальник штаба ЮЗМОРа остановил меня:

— Не забывайте, что Северный флот — это одно, а Балтика — другое.

Слов нет, Балтику не сравнить с Севером. Но ведь основные-то принципы боевого использования торпедных катеров должны оставаться едиными для любого морского театра. Больше того, мне казалось, что для массированного использования торпедных катеров на Балтике имеется еще больше оснований, чем на Севере. Из-за минной опасности в Финском заливе большие корабли все еще вынуждены отсиживаться в Кронштадте и Ленинграде. Поддержка морских флангов наступающей Красной Армии поэтому легла в основном на малые корабли, в том числе на торпедные катера. Сама жизнь требует, чтобы мы сосредоточивали свои силы на самых главных направлениях, где наша помощь особенно необходима сухопутным войскам.

Но вступать в дебаты со старшими в первый день прибытия на новый флот было не совсем прилично, да, как оказалось, взгляды, высказанные Богдановым, не были только его личными взглядами.

Командующий флотом адмирал В. Ф. Трибуц отнесся к моим предложениям тоже довольно холодно. Он куда-то спешил и только перечислил стоящие перед бригадой боевые задачи: участвовать в блокаде Либавы, действовать на коммуникациях противника в Данцигской бухте, готовить группу катеров по мере их поступления в Клайпеду из Кронштадта и Ленинграда к перебазированию в Кольберг для действий против немецкой военно-морской базы Свинемюнде и ко всему этому иметь еще в виду возможность участия торпедных катеров в высадке десанта в Пиллау.

Получив этот довольно внушительный перечень задач, я выехал из Паланги в Клайпеду, где находился

штаб Краснознаменной бригады торпедных катеров, которой мне предстояло теперь командовать.

Здесь, на Балтике, мне, по существу, впервые довелось лицом к лицу встретиться с последствиями войны. На Севере от вражеских бомбардировок тяжело пострадал лишь Мурманск. Но бывали мы там только проездом, и его разрушения как-то не очень врезались в память. А тут за стеклом автомашины, сменяя одна другую, проходили страшные картины разрушенных городов и поселков — горы щебня и редкие остовы зданий, глядящие в мир пустыми глазницами окон. По полям тут и там чернели обгоревшие стальные коробки танков, искореженные орудия. На месте недавних лесных массивов, словно после неистового урагана, валялись поваленные сосны.

И все же жизнь — всемогущая и неистребимая — побеждала. В полях вокруг сгоревших танков поднималась яркая зелень озимых. В городах и поселках люди, хлопотливо разбирая завалы, лепили себе временные жилища. Там, где живет и трудится народ, отстоявший свою свободу, пустыне не бывать!..

Сильно была разрушена и Клайпеда, переименованная гитлеровцами на свой лад, в Мемель. По рассказам оставшихся в живых жителей, немецкие подрывники перед отступлением методически уничтожали улицу за улицей. В этом хаосе битого кирпича неведомо как все же сохранилось несколько целых зданий. В одном из них — в прошлом городской гимназии, а во время хозяйничанья гитлеровцев — помещении гестапо (вскоре это здание тоже было разрушено взрывом припрятанного в подвале минного «сюрприза», да, к счастью, за несколько дней до этого мы перебрались в другое место) — я и отыскал штаб и политотдел бригады.

Начальника штаба бригады капитана 3 ранга Г. П. Тимченко я знал еще по тихоокеанской бригаде, где он служил командиром катера. Потом Георгий Павлович уехал учиться в академию. С той поры минуло почти десять лет. И вот мы снова встретились. С первых дней совместной работы стало очевидно, что Тимченко — превосходный специалист, человек трудолюбивый и ини-

циативный, под стать в этом смысле В. А. Чекурову. Единственной слабостью Георгия Павловича, если это, конечно, можно назвать слабостью, являлось его постоянное стремление самому выйти в море. Сколько я ни доказывал ему, что наша с ним задача — организация боевых действий катеров здесь, в штабе, а в море бой организуют командиры дивизионов или отрядов, все равно при первой же возможности Тимченко старался «улизнуть» из штаба в море. Но в общем-то работали мы с Георгием Павловичем дружно. Расстались после окончания войны друзьями и до сих пор поддерживаем самые теплые отношения.

Вообще-то на принятие дел официально положено несколько дней, в течение которых происходит фактическое безвластие, потому что подчиненные не знают, к кому обращаться: не то к старому, не то к новому командиру. В данном случае соблюдение всех формальностей не имело никакого смысла. Катера и люди, которые на них воевали, — это не «дела». Чтобы ознакомиться с документами, много времени не требовалось. Безвластие же в боевых условиях — положение совершенно недопустимое. Поэтому мое вступление в командование бригадой не заняло и получаса. Мы с начальником политотдела капитаном 2 ранга Ильиным начали знакомиться с моряками бригады.

Ильин, как и я, был на бригаде человеком новым. Работал он до этого в ОВР, специфики службы на торпедных катерах не знал и оказался примерно в таком же положении, как в свое время на североморской бригаде А. Е. Мураневич. Но у Андрея Евгеньевича была возможность, пока североморская бригада формировалась, в сравнительно спокойной обстановке осмотреться и войти в круг новых обязанностей. Здесь же бригада уже воевала, причем воевала в очень сложных условиях, и Ильину «раскачиваться» было некогда. Нужно было сразу же приниматься за дела, тем более что первое же наше знакомство с состоянием партийно-политической работы на дивизионах показало, что ее необходимо решительно улучшать.

Надо сказать, что моряки балтийской бригады находились в это время в куда более трудных условиях, чем

даже катерники Северного флота. Матросы, старшины и офицеры жили прямо на катерах, без самых элементарных бытовых удобств. Не легче было и с материально-техническим обеспечением. Если офицеры нашей передвижной береговой базы Прохоренко, Костицын, Минкин хотя и с трудом, но все же ухитрялись, несмотря на разбросанность, обеспечивать катера бензином и боеприпасами, то с ремонтом механизмов и с доставкой необходимых запасных частей дело обстояло далеко не так благополучно. Мотористы, торпедисты, радисты, пулеметчики, чтобы поддерживать свои заведования в постоянной боевой готовности, трудились круглыми сутками: проведя всю ночь в море, они, вернувшись в маневренную базу, весь день занимались ремонтом, а вечером опять уходили на задание. От политработников в этих условиях требовались не общие указания, которыми некоторые товарищи слишком злоупотребляли, а заботливое внимание в мелочи быта, жизни, настроения людей. И капитан 2 ранга Ильин, нужно отдать ему должное, сразу стал перестраивать всю работу в этом направлении.

Знакомство с бригадой мы начали с гвардейского дивизиона, которым командовал Герой Советского Союза гвардии капитан 2 ранга С. А. Осипов.

Прославленный катерник, в свое время воевавший еще добровольцем в Испании, Сергей Александрович сражался на Балтике с первых дней войны. О его лихих, построенных на строгом расчете атаках знали все наши катерники. Среди подчиненных он пользовался непревзойденным авторитетом и искренней любовью. Беседуя с командирами отрядов этого дивизиона — гвардии капитан-лейтенантом Виктором Александровым и старшим лейтенантом Сергеем Головко (братом адмирала А. Г. Головко), с командирами звеньев и катеров — гвардии старшими лейтенантами Константином Шлисом, Василием Калмыковым, лейтенантом Кузнецовым и другими, со старшинами и матросами, мы заметили: каждый из них старается чем-то походить на своего командира, так же, как он, всегда рвутся в море, в бой.

Вечером я зашел на катер гвардии старшего лейтенанта Василия Алексеевича Калмыкова. Матросы и старшины сидели на палубе за скромным ужином.

— Присаживайтесь к нам, товарищ капитан первого ранга, подзакусить тем, что береговая база послала,— с шуточкой пригласил боцман гвардии старшина 2-й статьи Иванов. По внешнему виду невысокому ладному старшине можно было дать лет 17—18. Но на его фланелевке вместе с гвардейским значком поблескивали ордена Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды и медаль «За оборону Ленинграда».

Я сел в тесном матросском кружке. Завязалась беседа. Узнал я, что Юрий Иванов родом из города Малая Вишера. В 1940 году поступил в школу юнг. Наставником Юрия там был бывший боцман с линейного корабля «Андрей Первозванный» коммунист с 1919 года Емельян Лаврентьевич Костюченко. Однако учиться Иванову, как и другим юнгам, пришлось недолго. Началась война. В сентябре 1941 года Юрий уже участвовал в бою, отбив с группой моряков у врага Бугровский маяк на южном берегу Ладоги. За участие в десанте на остров Муху получил первую правительственную награду — орден Отечественной войны II степени. А теперь за плечами бывшего юнга, ставшего боцманом торпедного катера, славный боевой путь от Кронштадта до Восточной Пруссии.

— Мать все спрашивает в письмах: когда же мы окончательно доколотим супостата,— с юморком, очень схожим с юмором комдива, рассказывал старшина 2-й статьи.— Я ей отвечаю: не расстраивайтесь, милая моя мамаша, не тратьте нервы понапрасну — теперь уже скоро! — Юрий задумался и продолжал уже без улыбки: — Оно и действительно, скорее уже надо кончать с гитлеровцами. Сами они, конечно, просто так оружия не сложат: нашкодили много. Надо заставить их поднять руки. И хотя обидно погибнуть сейчас, когда победа близка, но мы готовы к любой схватке. Лишь бы победу приблизить.

Понравился мне командир другого дивизиона капитан 3 ранга Е. В. Осецкий — высокий, элегантный (более точного определения, пожалуй, и не подберешь). Он был очень скромным и на первый взгляд даже несколько застенчивым человеком. Но это, однако, никак не мешало ему в нужное время проявлять недю-

жинную силу воли, решительность, командирскую требовательность. И Осецкого уважала не только молодежь, недавно пришедшая на дивизион, но и такие прославленные катерники — ветераны бригады, как Герои Советского Союза капитан 3 ранга В. М. Старостин, капитан-лейтенант А. Г. Свердлов; уважали не по должности, а за опыт, мастерство и мужество. Ведь это Евгений Вячеславович Осецкий возглавил и успешно провел зимой 1945 года два выхода торпедных катеров с острова Эзель к Либаве. Он же вывел из гавани Кихельконна и в ледовых условиях перебазировал в Швентой семь торпедных катеров.

Бывший штурман этого дивизиона, ныне капитан 1 ранга И. Н. Ратьков вспоминает об этом переходе:

«Многое довелось испытать и пережить за время войны, но все же самым памятным для нас останется, несомненно, наш переход из Кихельконны в Швентой зимой 1945 года.

Февраль на Балтике — месяц суровый, с самыми, пожалуй, злыми штормами. Разбивая у берегов ледяной прибой, волны громоздят тут льдину на льдину, создавая такие баррикады-заторы, сквозь которые и пароходу не всегда удастся пробиться. А тут торпедные катера. В иное время подобный переход посчитали бы сумасшествием. Но у войны свои критерии. От гавани Кихельконна на острове Эзель, где мы тогда стояли, до Либавы, откуда немцы пытались вывести войска своей курляндской группировки, более ста миль. Запасов топлива на наших катерах только дойти туда и возвратиться назад еле-еле хватало, а о поиске и атаках вражеских конвоев даже думать было нельзя. Другое дело — Швентой. Отсюда до Либавы рукой подать. Потому-то, как это ни сложно, переходить туда нужно было. И мы распрощались с Кихельконной...

Первую половину пути прошли, можно считать, более или менее спокойно. Правда, на морозе катера, заливаемые волной, обледеневали. Всем, за исключением мотористов и командира, приходилось обивать лед, чтобы катера не превратились в ледяные глыбы. Но вот миль за восемь до берега чистая вода уступила место мелкобитому льду, а потом и сплошным ледяным полям. Тут каждый метр продвижения вперед стоил неимоверного труда. Чтобы не порезать деревянные кор-

пуса катеров, путь им приходилось пробивать, — пробивать нередко с риском для жизни! Так потеряли мы боцмана Федорова. Не удержался он на обледенелой палубе. Упал за борт и ушел под лед. И ничем помочь ему нельзя было. У многих тогда, по правде говоря, закралось сомнение, не напрасны ли все эти наши труды. И только командир дивизиона Е. В. Осецкий был, как всегда, спокоен. Бодрым словом, умным советом поддерживал он силы безмерно уставших моряков, вселял уверенность, что нам, катерникам, даже такое испытание по плечу. И мы дошли!

Надо ли говорить, что таким офицерам, как Е. В. Осецкий, с которыми люди выходят победителями из любых испытаний, авторитета не занимать. С таким командиром каждый катерник готов пойти и в огонь, и в воду!..»

Опытными катерниками, прославившимися во многих лихих торпедных атаках, были и командиры двух других дивизионов — Герой Советского Союза капитан 3 ранга Б. Ущев и капитан 2 ранга А. Крючков.

В общем, коллектив бригады был отличный — боевой, сплоченный. О лучших подчиненных я и мечтать не мог.

КОСА ФРИШ-НЕРУНГ

За несколько дней до моего вступления в командование бригадой, 11 апреля, четыре торпедных катера вышли из Клайпеды в Нейфарвассер.

Вообще-то создание в аванпорте Данцига маневренной базы торпедных катеров было полностью оправданным. Гавань Нейфарвассер находилась в 45 милях от крупной военно-морской базы гитлеровцев Пиллау, за овладение которой вела в ту пору бои 11-я гвардейская армия генерал-полковника К. Н. Галицкого. До Кольберг-Липа — основной гавани в южной части косы Фриш-Нерунг, на которой сосредоточилась большая группировка противника, было 29 миль. Десять миль отделяли аванпорт Данцига от устья реки Вислы, откуда, используя речные суда, немцы вывозили свои части, окруженные нашими войсками в районе Мозурских болот. И наконец, в 12 милях от Нейфарвассера находится порт Хела, имевший в то время для гитлеровцев особо важное значение: тут сходились пути из Пиллау, Кольберг-Липа, устья Вислы, и именно здесь, в порту Хела, формировались конвои для дальнейшей эвакуации разгромленных немецких частей в западные порты Германии. Таким образом, базируясь на Нейфарвассер, наши торпедные катера оказывались как бы в тылу всех этих важных вражеских коммуникаций, получая возможность полностью контролировать морские перевозки противника в районе Данцигской бухты.

Гитлеровцы, судя по всему, хорошо понимали, какие неприятности грозят им в случае, если мы переведем свои торпедные катера в Нейфарвассер. Недаром же,

перед тем как оставить Данциг, они не пожалели затопить у мола крупнотоннажный транспорт, надеясь таким образом закрыть вход в аванпорт. Однако надежда эта не оправдалась. Гитлеровцы затопили судно не совсем удачно, оставив между ним и бетонной стенкой мола семиметровую щель, которой и воспользовались наши катерники для входа и выхода из гавани.

Переход этой передовой группы торпедных катеров к месту нового базирования был нелегким. 14 апреля, в день, когда я принял бригаду, стало известно, что один из четырех катеров отстал в пути, и судьба его экипажа неизвестна. Три других катера дошли до Нейфарвассера, но в пути побили винты, и поэтому вести поиск немецких кораблей не в состоянии.

В вышестоящих штабах все случившееся готовы были поставить в вину командиру этого отряда капитан-лейтенанту П. П. Ефименко. Но, разобравшись во всем спокойно, мы убедились, что он тут мало в чем повинен. Его поставили в очень тяжелые условия. Начать хотя бы с того, что с отправкой катеров так торопились, что не позаботились узнать, готовы ли в Нейфарвассере к приему катеров. Нельзя было считать правильным также, что отряду приказали перейти из Клайпеды сразу в Данциг, без захода в наши попутные маневренные базы, в частности в Кранц. А нужно было зайти сюда, чтобы дозаправиться горючим — переход в 134 мили был для этого типа катеров максимальным по дальности, — и, что не менее существенно, штурману перехода капитан-лейтенанту Журавлеву лишний раз можно было бы проверить точность работы навигационных приборов (ведь ни маяки, ни радиомаяки в ту пору не работали, и уточнить свое место ночью катерникам было практически не по чему). Никто, наконец, не побеспокоился и о том, чтобы необходимое в таком случае оповещение о переходе четырех торпедных катеров в аванпорт Данцига передать по всему побережью. А отряд все же послали. И случилось так, что попавшие в туман катера всякий раз при подходе к берегу принимались нашими армейскими частями за вражеские корабли и обстреливались пулеметным и артиллерийским огнем. В итоге вместо аванпорта Данцига катера пошли в самый конец Данцигской бухты, к порту Цоппот. Тут на мелководье побили винты. Лишь с наступлением утра

штурман наконец-то получил возможность уточнить свое место. После этого катера, несмотря на поврежденные винты, все же вошли в Нейфарвассер. Учитывая все это, капитан-лейтенанта П. П. Ефименко и экипажи катеров его отряда следовало не бранить, а скорее уж похвалить.

Приняв всю немилость вышестоящих штабов на себя, мы, не теряя времени, направили в Данциг ремонтную бригаду и необходимые запасные части. Побитые винты на катерах были заменены. И первый же их поисковый выход в Данцигскую бухту ознаменовался боевым успехом. Несмотря на пятибалльный шторм, звено катеров под командованием капитан-лейтенанта П. П. Ефименко, скрытно миновав вражеский дозор, проникло на внешний рейд порта Хела, где стояли пять немецких миноносцев. Один из миноносцев был атакован флагманским торпедным катером. Еще через минуту, получив в борт две торпеды с катера капитан-лейтенанта Солодовникова, взорвался второй миноносец.

На отходе по нашим катерам открыла огонь береговая батарея. Вдогонку бросились сторожевые корабли. Прикрываясь дымовыми завесами, капитан-лейтенант Ефименко благополучно оторвался от преследования и привел звено в Нейфарвассер.

Боевой счет катеров, обосновавшихся на только что созданной маневренной базе, был открыт!

А в конце апреля в штабе бригады неожиданно-негданно появился лейтенант Л. А. Замураев — командир торпедного катера, отставшего от отряда Ефименко во время перехода из Клайпеды в Нейфарвассер. Не получив с того времени никаких сведений о судьбе этого экипажа, мы считали его уже без вести пропавшим.

Лейтенант поведал нам о нелегком испытании, выпавшем на долю его самого и всего личного состава катера. На траверзе устья Вислы вышел из строя один из моторов. Пока мотористы под руководством старшего техник-лейтенанта Максимова исправляли повреждение, катер отстал от отряда. На рассвете мотор был введен в строй, и Замураев, прибавив ход, попытался было догнать остальные три катера. Но погода стала портиться, опустился туман, и катер на полном ходу

врезался в стоявший на якоре немецкий тральщик. Нос катера смяло до одиннадцатого шпангоута. На тральщике поднялся переполох. Немцы открыли огонь из пушек и пулеметов. Лейтенант дал задний ход и укрылся в тумане. Но через несколько минут в 40—30 метрах вновь открылся немецкий тральщик. Потом еще какой-то корабль. Стало очевидным, что катер попал в строй отступающего в тумане вражеского конвоя.

— Велик был соблазн выпустить торпеды по противнику, — рассказывал Л. А. Замураев. — Но в тумане попасть можно было лишь с такой дистанции, при которой от взрыва торпеды неминуемо пострадал бы и наш катер...

Блуждая в тумане, лейтенант потерял ориентировку. Только с рассветом удалось более или менее точно определиться. Замураев направился к Данцигу. При подходе к порту катер был обстрелян артиллерией. Напрасно катерники давали ракетами свои опознавательные. Не помогло. Оповещение о переходе отряда еще не было получено, и армейские артиллеристы приняли наш катер за корабль противника.

Положение создалось критическое. Бензина оставалось еще максимум на час хода. А в гавань не войти — артиллерия не прекращает огня — значит, там враг, рассудил Замураев. Все попытки связаться по радио со штабом бригады или капитан-лейтенантом Ефименко окончились неудачей. В этих условиях лейтенант принял единственно правильное решение: вышел к пологой песчаной отмели и, дав самый полный ход, выбросился на нее. Экипаж, захватив оружие и секретные документы, сошел на берег. Катер подорвали.

Беда не приходит одна. Район, где высадились катерники, оказался занятым гитлеровцами. В первом же неравном бою шесть из десяти членов экипажа пали смертью храбрых. Четверо остальных, вырвавшись из окружения, начали пробираться к своим. Однако через несколько дней, практически безоружные, обессиленные, попали в руки гитлеровцев. Многие довелись испытать советским морякам. Улучив удобный момент, лейтенант бежал. Прятался в лесу, голодал, но, вернувшись в бригаду, Л. А. Замураев с гордостью показал свой партийный билет: несмотря ни на что, сберег его.

После капитуляции столицы Восточной Пруссии — Кенигсберга — положение окруженной и прижатой к морю немецкой группировки на Земландском полуострове стало фактически безнадежным. Однако, вопреки здравому смыслу, враг продолжал сопротивляться. И 13 апреля 1945 года наши войска начали на этом направлении новое мощное наступление. Захватив к 17 апреля город Фишгаузен, 11-я гвардейская армия, ломая упорное сопротивление противника, неудержимо продвигалась вперед, к военно-морской базе и крепости Пиллау.

Терпя очередное поражение, гитлеровцы начали отводить свои разбитые части на косу Фриш-Нерунг.

Отделенная от Пиллау проливом шириной 10—11 кабельтовых, коса эта, покрытая песчаными дюнами, поросшая лесом и кустарником, протянулась узким — от двух с половиной до полкилометра шириной — языком от Зеетифа до устья реки Вислы. Гитлеровцы спешно возводили здесь мощные оборонительные сооружения: строили бункера, доты и дзоты. Вдоль линий окопов полного профиля закапывали в землю танки и самоходные орудия. Делалось это по всей длине косы.

Но в ту пору врагу уже ничто не могло помочь. Слишком велики были боевая мощь и наступательный порыв наших войск.

15 или 16 апреля, не помню точно, командующий ЮЗМОРОм вице-адмирал Н. И. Виноградов обсудил с представителями береговой обороны, отряда бронекатеров и бригады торпедных катеров (от нас на этом совещании присутствовал начальник штаба Г. П. Тимченко) план высадки морского десанта в северном и восточном предместьях Пиллау.

Первоначально предусматривалось, что десант этот будет высажен двумя группами. Первая — 1200 человек из подразделений 260-й бригады морской пехоты и сводного стрелкового полка 13-го гвардейского корпуса — высаживалась со стороны залива Фриш-Гаф отрядом бронекатеров капитана 2 ранга М. Ф. Крохина в район Камстигала. Вторая группа — 600 человек из полка 11-й гвардейской армии — высаживалась нашими торпедными катерами, двумя дивизионами катерных тральщиков капитан-лейтенанта А. В. Дудина и отрядом бронекатеров капитана 2 ранга Г. С. Гапковского в

район парка Платанген. Главная задача десанта — содействовать нашим войскам в быстрейшем захвате военно-морской базы и крепости Пиллау.

Но 25 апреля, прорвав последние рубежи обороны гитлеровцев, 11-я гвардейская армия овладела Пиллау. Поэтому перед десантом была поставлена новая задача: высадиться на косе Фриш-Нерунг, чтобы отрезать врагу путь отхода с северной ее части. До высадки оставалось всего десять часов — и это несмотря на коренное изменение боевой задачи. Срок предельно короткий. Хорошо, что мы, когда еще готовились к действиям по первоначальному плану (а у нас было для этого более недели), не тратили время попусту: организовали с десантниками несколько тренировочных высадок, в том числе и в темное время суток, на необорудованный берег; провели учения по отработке организации связи как между отдельными группами катеров, участвующих в обеспечении высадки, так и между самим десантом и катерами; назначили и оттренировали «поводырей» — так называли матросов, которые первыми сходили с катеров на берег, показывая путь десантникам. Политотдел выпустил листовки, памятки. Агитаторы провели беседы с моряками и десантниками.

К 16 часам 25 апреля на рейде Пальмникена (ныне Янтарное) и у причала янтарного завода выстроились корабли нашей группы — 38 торпедных катеров, катерных тральщиков и бронекатеров, выделенных для приема десанта и его обеспечения. Отсюда до района Вальдхале, в северной части косы Фриш-Нерунг, — места высадки — нам предстояло пройти немногим более пятнадцати миль.

В связи с перенацеливанием десанта, штаб бригады срочно сделал перерасчет плана высадки и ее обеспечения. Двенадцать торпедных катеров — три отряда по четыре катера — под командованием Героев Советского Союза капитанов 3 ранга В. М. Старостина и А. Г. Свердлова и капитан-лейтенанта П. П. Ефименко вошли в силы прикрытия десанта, общее командование которыми я оставил за собой. Два первых отряда выходили из Пальмникена на 30—40 минут раньше других кораблей с тем, чтобы тщательно просмотреть район

перехода. В случае обнаружения кораблей противника отряды Старостина и Свердлова должны были либо уничтожить их, либо, связав боем, увлечь за собой в другой район. Отряд П. П. Ефименко выходил из Ней-фарвассера, прикрывая десант со стороны устья реки Вислы, где у немцев, по нашим данным, находилась к тому времени довольно значительная группа кораблей.

Выделение такого числа торпедных катеров для прикрытия десанта (мы называли их «отрядами дальнего прикрытия») диктовалось тем обстоятельством, что гитлеровцы сосредоточили к тому времени на Балтике чуть ли не все свои надводные боевые корабли. Сюда они в январе перевели из Северной Норвегии 4-ю флотилию эскадренных миноносцев, а в последние недели войны собрали на Балтике все свои миноносцы, торпедные катера и конвойные суда. Кроме того, на Балтике у немцев были также крупные артиллерийские корабли — крейсера «Принц Ойген», «Лютцов», учебный линейный корабль «Шлезииен» и другие. Нам нельзя было забывать об этом и надлежало сделать все возможное, чтобы обезопасить десант.

Высадочные средства нашей группы десанта сводились тоже в три отряда, общее командование которыми было возложено на начальника штаба бригады капитана 3 ранга Г. П. Тимченко (на этот раз он опять выпросился в море). Первый из этих отрядов, в составе семи торпедных катеров под командованием Героя Советского Союза гвардии капитана 2 ранга С. А. Осипова, состоял из двух групп: одной из них (четыре катера) командовал гвардии старший лейтенант С. Г. Головкин, второй — гвардии капитан-лейтенант В. Я. Александров. Во второй и третий отряды высадочных средств вошло по шесть катерных тральщиков типа «Рыбинец» и «КМ» капитан-лейтенанта А. В. Дудина. Учитывая возможность артиллерийского противодействия противника с косы Фриш-Нерунг, в голову каждого из этих трех отрядов было поставлено по бронекатеру, которые одновременно должны были выполнять также роль уравнилелей и навигационных лидеров. Со стороны берега десант прикрывало звено торпедных катеров капитана 3 ранга И. С. Становного, а замыкал строй высадочных средств торпедный катер старшего лейтенанта В. Горячева. Артиллерийская поддержка десанта обеспечивалась двумя

пушечно-артиллерийскими бригадами 43-й армии и тяжелыми железнодорожными батареями флота. С рассветом 26 апреля с десантниками должны были взаимодействовать более 300 истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков.

Днем 25 апреля к Пальмникену подтянулся включенный в состав группы нашего десанта сводный полк 83-й гвардейской дивизии — стрелковые роты, взводы противотанковых ружей, минометчиков и другие подразделения.

В штабе у нас появился широкоплечий, с веселой белозубой улыбкой командир десанта полковник Белый. На мой вопрос, доводилось ли ему прежде участвовать в десантах, полковник откровенно признался, что нет.

— То есть вообще-то с преодолением водных преград дело приходилось иметь не раз. Сколько рек и речек разных — и узеньких, и широких — форсировали, пока сюда, в Восточную Пруссию, дошел, — не сочтешь. Но по большей части все на «подручных средствах». А так вот, на катерах, да по морю — не доводилось ни разу. Но я полагаю, что как-нибудь выдюжим. А?!

Судя по гвардейскому значку и нескольким рядам орденских планок, украшавшим грудь полковника, он действительно все мог выдюжить.

В 21 час 45 минут мне вручили радиogramму командующего ЮЗМОРОм. Вице-адмирал Виноградов подтверждал, что наша группа десанта должна быть высажена на косу Фриш-Нерунг в районе Вальдхале в 2 часа 15 минут 26 апреля 1945 года.

И всюду — у нас в штабе, на причале маленькой гавани, на рейде — все пришло в движение, словно бы стала распускаться до того туго сжатая пружина. Торпедные катера и катерные тральщики, сменяя друг друга, подходили к причалу, принимая на борт десантников. Тут и там слышались звонкие голоса моряков, рассказывавших солдат, для многих из которых предстоящий переход был своеобразным «морским крещением». Бывалые катерники с доброй шуткой советовали пехотинцам: «Садись, братцы, поплотнее, да держись друг за друга и за небо покрепче. В море выходим! Да в плащ-палат-

ки поплотнее завернитесь, а то, чего доброго, насморк схватите. С ветерком прокатим».

Через полтора часа десантники, оружие и боеприпасы были на катерах. Посадка была организована таким образом, чтобы по возможности не дробить мелких подразделений десанта и обеспечить боевое управление ими: ведь с первых минут высадки гвардейцам полковника Белого предстояло вступить в трудный бой.

В 23 часа 30 минут с рейда Пальмникена в море вышли отряды катеров капитанов 3 ранга Старостина и Свердлова. Провожая их, я смотрел, как в переливающейся серебром лунной дорожке, перечеркнувшей море, таял пенный след, взбитый винтами. С зюйд-веста тянул слабый ветерок. Волнение моря не превышало одного балла. Все вокруг залил нежный сумеречный свет луны. Стояла та торжественная тишина, которая бывает свойственна первым весенним ночам. О бушующей на земле войне напоминали только подсвеченное багровым заревом пожара небо над Пиллау, да далекий гром тяжелых орудий.

Как ни хороша была ночь, но любоваться ею было некогда. В радиорубке настороженно ждали сообщений от командиров отрядов дальнего прикрытия: не встретятся ли они с кораблями противника? От этого в немалой степени зависело, сумеем ли мы в точно определенный приказом срок доставить и успешно высадить десант.

Первый тревожный сигнал поступил от В. М. Старостина: вблизи берега обнаружены вражеские быстроходные десантные баржи и сторожевые катера. Все попытки выманить их в море окончились неудачей.

— Упрямятся?.. Ну тогда заставьте их уйти!..

— Есть, заставить!..

И через несколько минут из динамика донеслось татканье пулеметов, резкие удары пушек. Получив несколько попаданий, вражеские корабли развернулись и ушли в море.

Примерно в это же время в западной части Данцигской бухты в артиллерийский бой с двумя десантными баржами и сторожевым катером противника вступил отряд П. П. Ефименко. И там после короткой перестрелки гитлеровцы посчитали за лучшее отойти и укрыться в туманной дымке.

— Мы позаботимся, чтобы они оттуда и не вылезали! — донес капитан-лейтенант.

А три отряда катеров с десантниками уже шли в это время к косе Фриш-Нерунг. Примерно на половине пути сигнальщики с головных катеров донесли командиру высадочных средств, что слева по курсу обнаружены три БДБ. По приказанию капитана 3 ранга Г. П. Тимченко по обнаруженным целям, — как потом оказалось это были не БДБ, а шестидесятитонные самоходные баржи, — открыли огонь наши бронекатера. После нескольких залпов две баржи были потоплены (с них подобрали немецких моряков, которые сообщили, что баржи эти шли в порт Хела), а третьей удалось удрать. Г. П. Тимченко совершенно правильно решил, что гнаться за ней нет резона: главное — это высадка десанта!

В 1 час 45 минут 26 апреля по району высадки открыла огонь артиллерия прикрытия десанта. Перепавшая прибрежные дюны, били по косе пушки двух артиллерийских бригад 43-й армии и тяжелые орудия железнодорожных батарей флота из районов Зоргенау и Кенигсберга. Через 20 минут артиллеристы перенесли огонь в глубь косы, чтобы не дать возможности противнику подбросить подкрепления к берегу. И почти тут же торпедный катер, на котором держал свой брейдивмпел С. А. Осипов, первым начал высадку десантников. Вслед за ним к берегу подходили другие корабли. В течение 45 минут все 600 гвардейцев полковника Белого вместе с вооружением и боеприпасами были высажены на низкий песчаный берег Фриш-Нерунга. Общий фронт высадки не превысил и одного километра.

Вторая группа десанта была доставлена катерами капитана 2 ранга М. Ф. Крохина на противоположный берег косы с некоторым опозданием: десантники высадились в районе Невеи-Хакен только лишь в 6 часов утра. Но это не оказало особого влияния на общий боевой успех высаженного десанта.

Около 10 часов утра 26 апреля, то есть через четыре часа после того, как вторая группа десанта высадилась на Фриш-Нерунг с востока, бойцы обеих групп соединились, перерезав косу и встав непреодолимым заслоном на пути отступающей от Пиллау 4-й немецкой армии. А примерно в полдень к нашим десантникам подошли гвардейцы генерал-полковника К. Н. Галицкого, пере-

правившиеся через пролив Зеетиф со стороны Пиллау. В коротком, но жестоком бою северная часть косы Фриш-Нерунг была очищена от неприятеля. Гвардейцы 11-й армии и морские десантники уничтожили и взяли в плен около восьми тысяч вражеских солдат и офицеров. А всего в боях на косе Фриш-Нерунг наши войска захватили около двадцати тысяч пленных и богатые боевые трофеи.

Десант на косу Фриш-Нерунг был практически последним крупным тактическим десантом, высаженным кораблями советского Военно-Морского Флота в Великую Отечественную войну. Участвовавшие в высадке десанта экипажи катеров показали образец мужества и отваги.

Берег в районе высадки нашей группы десанта, как, впрочем, и вдоль всей косы, был коварным: прибой намыл на мелководном плесе незаметные с поверхности воды гряды перекатов — баров. Не заметишь, перескочишь через такую отмель и окажешься в песчаной ловушке.

Так именно и случилось с торпедным катером гвардии старшего лейтенанта Калмыкова (бортовой номер «802»), на котором шел командир отряда гвардии старший лейтенант Сергей Головкин.

«Восемьсот второй» подошел к косе в первом эшелоне высадки. Как и на других катерах, «поводырь» — боцман коммунист гвардии старшина 2-й статьи Юрий Иванов — первым прыгнул в воду и с возгласом «Вперед! За Родину!» повел десантников на берег, к ближайшим дюнам, откуда, оправившись от удара нашей артиллерии, открыли огонь уцелевшие вражеские доты. Остальные члены экипажа начали выгрузку боеприпасов. Это не заняло и пяти минут. Но когда катер начал отходить в море, под килем закрипел песок: за кормой оказался намытый прибоем бар! Моторы пришлось остановить: еще один-два оборота — и можно было повредить винты или сломать кронштейны, поддерживающие гребные валы.

Боцман Иванов вновь вернулся на берег. Привел оттуда под автоматом несколько десятков уже захваченных в плен немцев. Вместе с экипажем они добросовестно старались перетащить катер через бар на глубокую

воду. Но напрасно... Командир отряда, старший лейтенант С. Г. Головкин, вынужден был донести: «Катер сел на мель. Несмотря на все попытки, сняться своими силами не могу. По катеру ведет огонь вражеский дот».

На помощь боевым друзьям поспешили экипажи других торпедных катеров. Гвардии лейтенант Пискунов прикрыл «802» дымовой завесой. Гвардии старший лейтенант К. Шлисс (с ним находился С. А. Осипов) подошел и передал на катер Калмыкова буксирный трос.

Гитлеровцы сосредоточили теперь весь огонь по катеру Константина Шлисса. Осколками угодившего в рубку снаряда тяжело ранило командира и старшину группы мотористов гвардии мичмана Глуходедова. К штурвалу встал штурман дивизиона гвардии капитан-лейтенант Николай Маряхин.

С помощью буксировщика корма «802» наконец-то сошла с мели. Казалось, еще три-четыре рывка, и катер будет на глубокой воде. Но старший лейтенант Калмыков, поторопившись, запустил моторы, и это привело к новой беде: на винты намотало конец провисшей кормовой браги. Положение катера еще более осложнилось. Тот же старшина 2-й статьи Юрий Иванов несколько раз нырял в холодную воду, однако освободить винты от стального троса не удалось. Неудачей закончилась и попытка стащить с мели «802» с помощью бронекатера.

Перехватив радиопереговоры Головкин, Осипов и Тимченко, я вынужден был приказать Головкину: «Экипажу сойти на берег и влиться в состав десанта. Катер, при угрозе захвата противником, уничтожить!»

Ответ был коротким: «Вас понял — выполняю!» На этом связь с «802» прекратилась. Все остальное мы узнали из рассказов вернувшихся спустя несколько дней в бригаду Головкин, Калмыкова и тех матросов и старшин, кто остался в живых.

...Получив приказ сойти на берег, командир катера спустил с мачты пробитый осколками Военно-морской флаг и спрятал его на груди под кителем. Радист поджег секретные документы, терпеливо дожидаясь пока ветер развеет пепел. Боец Иванов и моторист Микляев сняли катерный пулемет: он еще мог пригодиться в бою на берегу! Потом, захватив автоматы, заполнив

патронами и гранатами пазухи и карманы, восемь моряков-гвардейцев сошли на косу Фриш-Нерунг.

А тут шел жаркий бой... Теснимые частями 11-й гвардейской армии, гитлеровцы, отступавшие из Пиллау, рвались по неширокой песчаной косе к устью Вислы. Но путь преградили наши десантники. И для вражеских солдат и офицеров начались, как довольно образно сказал один из пленных гитлеровских генералов, «часы непередаваемого кошмара».

Почти тотчас же после схода на косу моряки встретились с большой группой гитлеровцев. С возгласами «Полундра!», «Даешь!» восемь гвардейцев пошли в атаку, строча из автоматов, забрасывая врага гранатами. Несмотря на многократное численное превосходство, враг дрогнул. Захватив около сорока пленных, катерники передали их резервной группе гвардии полковника Белого, а сами вновь пошли туда, где гремел бой.

Поднявшись на вершину одной из дюн, моряки увидели на другой ее стороне малокалиберную спаренную пушку. Гитлеровцы выкатили ее сюда, чтобы поддержать очередную атаку своих пехотинцев. Головки распределил обязанности: сам он и гвардии старший лейтенант Калмыков обстреляют расчет пушки из автоматов, боцман Иванов и матрос Микляев поддержат их в случае необходимости огнем пулемета, а четверо других, во главе со старшиной 1-й статьи Пустыльниковым, идут в атаку.

— Пушку нужно захватить во что бы то ни стало!..

Все остальное произошло в течение нескольких минут. С первой автоматной очередью Пустыльников, Вапилов, Трофимов и юнга Можаяев покатались с вершины дюны вниз. И когда цепь вражеских солдат поднялась в атаку, пушка, на огневую поддержку которой они так рассчитывали, открыла огонь, но... по их же цепи. В умелых руках спешно сформированного расчета моряков-гвардейцев трофейная пушка действовала безотказно. Вражеская атака была сорвана.

Атака!.. Сколько их было, этих неистовых атак гитлеровцев в ту апрельскую ночь! Уже тяжело ранило гвардии старшину 1-й статьи Пустыльникова и юнгу Можаяева. Контузило гвардии матроса Вапилова. Оторвав кусок тельняшки, матрос Микляев натуго перетянул кровоточащую рану своего друга гвардии старшины 2-й статьи Иванова. Но, как и всюду, где вели бой

десантники, тут, на участке моряков-гвардейцев, врагу не было пути вперед!

Утром возле неглубокого, вырытого касками окопа, откуда Иванов и Микляев вели огонь, разорвалась немецкая мина. Два друга — старшина и матрос, коммунист и комсомолец, на двоих делившие в жизни все радости и горести — вместе и погибли.

После войны останки двух отважных гвардейцев были торжественно перенесены и захоронены в Балтийске. Достойным памятником их мужеству и верности воинскому долгу стал установленный на могиле торпедный катер с бортовым номером «802» — тот самый, на котором они воевали.

Гордо приподнявшись на крутой бетонной волне, катер навечно устремился вперед...

Такой же устремленный вперед, к победе во имя счастья и свободы своего народа, была короткая, но яркая жизнь героев, что покоятся в этой братской могиле.

САМАЯ СВЕТЛАЯ ВЕСНА

В небольшом курортном городке Кранц, где мне довелось встречать первомай 1945 года, воздух был напоен ароматом сирени. Ее цветущие кусты — то белые, как пена морского прибоя, то розоватые, напоминающие подкрашенные заходящим солнцем облака, то нежно-фиолетовые — со всех сторон обступали протянувшиеся вдоль золотистого пляжа дачи, отели, клиники.

Явственно слышный артиллерийский гул не смущал птиц. Они шумно хозяйничали в зарослях сирени, а по утрам, словно соревнуясь друг с другом, затевали бесконечные концерты.

Весна. В тот год она была необыкновенно солнечная. Она несла с собой не только тепло. Она принесла с собой долгожданную победу. Война, длившаяся четыре долгих года, подходила к концу. Это понимал теперь каждый. Наши войска сражались уже на Шпрее, в центре Берлина.

Но враг еще сопротивлялся. Это была агония злобы и отчаяния. Спасти она гитлеровцев не могла. Иного выхода, кроме безоговорочной капитуляции, для них не было. Но эту очевидную истину приходилось втолковывать им залпами пушек, что грохотали в этот первомайский день в германской столице, подавляя последние очаги сопротивления врага на подходах к рейхстагу. Не стихали бои и в других местах, в частности и здесь, в Прибалтике.

Гром орудий доносился со стороны Либавы, где наши войска все туже сжимали кольцо вокруг прижатой

к морю курляндской группировки противника. Бой гремел на косе Хела, откуда гитлеровцы все еще пытались вывести своих солдат — а их там было около пятидесяти тысяч. Жаркие схватки продолжались на побережье Померанской бухты, где противник пока еще удерживал военно-морскую базу Свинемюнде и остров Рюген.

На этих направлениях действовали в то время и торпедные катера нашей бригады.

В последних числах апреля прибыли по железной дороге с Черного моря шесть торпедных катеров типа «Г-5». После спуска на воду и опробования моторов вся эта шестерка в ночь на 1 мая перешла из Клайпеды в Нейфарвассер на усиление базировавшегося там дивизиона Героя Советского Союза капитана 2 ранга Б. П. Ущева.

Дивизион этот был численно невелик, но он нанес врагу несколько довольно чувствительных ударов. В ночь на 16 апреля, как я уже упоминал, звено катеров этого дивизиона, незаметно проникнув на внешний рейд порта Хела, торпедировало два немецких миноносца — по миноносцу на каждый из катеров! Трудный бой провели три торпедных катера этого дивизиона в ночь на 21 апреля. Капитан-лейтенант П. П. Ефименко получил задание осмотреть открытый рейд порта Хела. В случае если там кораблей противника не окажется, провести поиск в районе устья Вислы и на подходах к Пиллау (в то время эта база была еще в руках гитлеровцев).

Вот что рассказывает в своем письме о подробностях этого боя его участник — в то время командир торпедного катера старший лейтенант А. Н. Аксенов:

«...В 4 часа мы вышли из Нейфарвассера. Шли строем кильватера, без бортовых огней. Головным — катер лейтенанта Н. А. Короткевича (на его борту был командир отряда П. П. Ефименко), вторым — старший лейтенант И. Я. Устимов и третьим — мой катер.

У косы Хела противника не нашли, увеличив скорость, направились к устью Вислы.

На переходе боцман мне доложил:

— Правый борт сорок градусов — два силуэта.

Это были немецкие сторожевые катера. Вступать с

ними в бой и обнаруживать себя нам никакого резона не было. Но я подумал, что болтаются они тут неспроста. Наверняка где-то поблизости есть «рыба» и покрупнее.

Но и в устье Вислы кораблей противника не оказалось. Петр Петрович Ефименко повел нас на норд-вест, приказав увеличить ход до полного. Нужно было спешить: ночь на исходе.

Наконец в предутренней дымке показался долгожданный конвой: за миноносцем и сторожевым кораблем шел осевший в воду по самую ватерлинию транспорт. Потом еще сторожевой корабль. А в правом уступе от них — две БДБ и сторожевые катера. В наушниках шлемофона я услышал спокойный голос капитан-лейтенанта Ефименко:

— Внимание!.. Конвой прямо по курсу. Атака!.. Я атакую эсминец, Устимов — сторожевой корабль, Аксенов — транспорт!

Я ответил:

— Вас понял. Атакую транспорт.

Заметив нас, корабли охранения открыли огонь из всего, что только могло у них стрелять. Но мы, маневрируя, подходили к целям все ближе и ближе. Четыре кабельтова. Включаю автомат стрельбы. С шумом вырвавшись из аппаратов, торпеды устремились к транспорту. Выполняю послезалповое маневрирование, а сам то и дело оборачиваюсь на транспорт: попал или промахнулся? Но вот над морем прокатился взрыв. Получив в борт обе торпеды, транспорт быстро погружался в воду...»

Тут рассказ А. Н. Аксенова хочется дополнить одной подробностью. Вместе с Аксеновым атаковали свои цели Короткевич и Устимов. Атаковали даже дважды, но, выпуская оба раза по одной торпедой, успеха не добились. И миноносец, и сторожевой корабль всякий раз успевали увернуться, и торпеды проходили мимо. Знакомая ошибка! Многие североморские катерники первое время тоже не решались сразу выпускать обе торпеды, но быстро убедились, что такая экономия не оправдывается. К сожалению, на Балтике некоторые командиры катеров не смогли избавиться от этого заблуждения до конца войны.

Но вернемся к письму:

«...Я передал по радио:

— Транспорт атаковал и потопил. Отхожу в точку встречи.

Но не прошли мы и двух миль, как катер вздрогнул, словно бы стукнулся обо что-то, сбросил скорость и начал зарываться форштевнем в волны. Оказалось, осколки разорвавшегося вблизи снаряда угодили в моторный отсек, и оба мотора стали.

Вражеский сторожевой корабль и обе быстроходные десантные баржи направились к нам, стреляя из всех пушек. На наше счастье, их артиллеристы стреляли далеко не лучшим образом. Трассы проходили то по корме, то по носу катера. А может быть, немцы делали это умышленно, рассчитывая запугать нас и взять живыми.

Мы решили драться до последнего. Пока мотористы старались завести моторы, наши пулеметчики стреляли по немецким кораблям. Два пулемета против десятка пушек!

Один мотор заработал, катер получил ход. Правда, со скоростью 16—18 узлов, которую мог обеспечить один мотор, трудно было оторваться от преследования. Но хорошо уже то, что мы перестали быть неподвижной мишенью.

А гитлеровцы усилили обстрел. Со сторожевого корабля стали бить шрапнелью. Худо пришлось бы нам. Но в это время в предрассветной дымке показался торпедный катер старшего лейтенанта Устимова. Боевые друзья спешили на помощь.

Поставив короткую дымзавесу, они приблизились к нам и подали буксирный конец. Мы не мешкая закрепили его на битинге. На среднем ходу буксировка шла нормально, но, как только Устимов дал полный, трос натянулся струной и лопнул. Все пришлось начинать сначала. Отойдя немного вперед, Устимов поставил новую дымзавесу. Под ее прикрытием он вновь пытался взять нас на буксир. Тут к нам подошел флагманский катер лейтенанта Короткевича. Командир отряда П. П. Ефименко скомандовал:

— Аксенова беру на буксир я. Устимов, прикрывайте нас!..

Наш катер снова повели на буксире.

А немцы палили не жалея боеприпасов, палили на-

угад в дымовую завесу. Снаряды рвались вокруг. Но мы уходили все дальше и дальше. И вот когда, казалось, что все опасности уже позади, снаряд разорвался совсем рядом. Осколком перерезало трос. В третий раз заводим буксир. Но руководил маневром уже не Короткевич — он упал, тяжело раненный. К штурвалу флагманского катера встал капитан-лейтенант Ефименко.

Устимов все это время прикрывал нас дымзавесами и огнем пулеметов. Наконец показался берег. На выручку к нам пришли армейские артиллеристы. Своим огнем они преградили путь вражеским кораблям. Несколько снарядов попали в БДБ. Баржа загорелась...»

Уже утром три катера капитан-лейтенанта П. П. Ефименко благополучно ошвартовались в Нейфарвассере. Лейтенанта Короткевича вынесли на берег мертвым. Отважный офицер пожертвовал своей жизнью для спасения товарищей. На польской земле, в Гданьске, появилась еще одна могила советского моряка.

В первых числах мая мы получили приказ адмирала Трибуца о перебазировании части торпедных катеров бригады в Кольберг. Оттуда они должны были поддерживать войска 1-го Белорусского фронта, которые вели бои на побережье Померанской бухты, а также действовать против вражеских группировок, сосредоточившихся на островах Рюген и Борнхольм. Сюда же направились пятнадцать бронекатеров и три дивизиона тральщиков.

В Кольберг мы направили торпедные катера типа «Д-3» Героя Советского Союза капитана 3 ранга В. М. Старостина и капитана 3 ранга Е. В. Осецкого, базировавшиеся до этого в Кранце, где армейские саперы построили для нас небольшой пирс.

3 мая в далекий 135-мильный путь вышли шесть торпедных катеров капитана 3 ранга Е. В. Осецкого. Для обеспечения этого перехода штаб бригады вынужден был развернуть на маяке Рисхефт — это примерно на полпути от Кранца до Кольберга — свою передвижную радиостанцию. Вынудил нас к этому случай с ди-

визионом Героя Советского Союза капитана 3 ранга В. М. Старостина. Три звена катеров этого дивизиона вышли из Кранца первыми. Около двух часов ночи от командира дивизиона была получена последняя радиogramма. Потом связь прекратилась. Мы в штабе места себе не находили: неужели погиб весь отряд? Лишь через двое суток из Кольберга поступило сообщение: катера прибыли благополучно.

А молчание Старостина объяснялось просто: мало-мощные радиостанции катеров не могли обеспечивать связь на таком расстоянии.

Помня этот горький урок, штаб бригады, отправляя в Кольберг катера капитана 3 ранга Осецкого, развернул на маяке Рисхейфт свою собственную радиостанцию. Теперь мы, уже ни от кого не завися, могли поддерживать с ними связь на всем пути.

И все же 3 мая переход катеров Е. В. Осецкого не удался. Миновав меридиан мыса Брюстерорт, отряд попал в густой туман и распался. Собирая катера, Евгений Вячеславович вынужден был включить ходовые огни, вести открытые радиопереговоры, которые без труда мог подслушать противник. Пока враг не бросил авиацию и корабли на перехват наших катеров, мы вернули их. В Кольберг они перешли спустя двое суток.

6 мая, проводив из Кранца в Кольберг последние торпедные катера, я тоже перешел в новую базу.

Блокада Либавы и Виндавы — портов, через которые немецко-фашистское командование питало, а последнее время и эвакуировало, войска группы «Курляндия», окруженные Красной Армией, вначале осуществлялась лишь авиацией да подводными лодками. И только с февраля 1945 года в ней приняли участие торпедные катера бригады. Тяжело тогда было нашим катерникам. Ведь бороться приходилось не только с сильным охранением вражеских конвоев, но также со злыми зимними штормами, плавающими льдинами, туманами. Тем не менее торпедные катера в общей сложности более двадцати раз ходили к Либаве на перехват конвоев, уничтожив восемь транспортов и сторожевой корабль.

Наиболее, пожалуй, примечательной была атака конвоя, проведенная 17 марта 1945 года двумя звеньями

торпедных катеров под общим командованием капитана 3 ранга Чебыкина — рослого, чуть грузноватого, но очень энергичного для своих сорока лет офицера. Они обнаружили тогда вышедший из Либавы конвой, насчитывавший в своем составе до десяти транспортов и более трех десятков кораблей охранения.

Первым повел в атаку свое звено капитан-лейтенант Яков Беляев. Стремительно ворвавшись в середину конвоя, капитан-лейтенант чуть ли не в упор выпустил торпеду в один из самых крупных транспортов, а его ведомый лейтенант Александр Самарин атаковал второе судно.

Вторая пара катеров напала на конвой с правого борта. Командир звена Герой Советского Союза капитан-лейтенант Алексей Афанасьев атаковал четвертый в строю транспорт, но, как это зачастую случалось при стрельбе одной торпедой, промахнулся. Пришлось вновь прорываться сквозь смертоносную паутину трасс и повторять атаку. Теперь, чтобы не промахнуться, Афанасьев стрелял с предельно короткой дистанции. Транспорт затонул.

Последним выходил в атаку катер лейтенанта Михайловского. Удачно выпустив торпеды, лейтенант вынужден был провести свой катер между двумя колоннами транспортов. Наперерез ему устремились корабли охранения. Советским морякам пришлось вступить в неравный бой. Катер получил несколько попаданий. Была разбита радиостанция. Через пробоину в борту затопило носовой отсек. Сам лейтенант и несколько старшин и матросов получили ранения. Лишь несгибаемая воля помогла молодому офицеру и его подчиненным с честью выйти из испытания и довести свой корабль до базы.

Вступив в командование бригадой, в числе других я познакомился и с лейтенантом Михайловским. Внешне он мало походил на героя. Чуть выше среднего роста, худощавый, застенчивый. А в бою оказался вон каким молодцом!

Выполняя малыми силами нелегкую задачу по блокированию с моря курляндской группировки противника, катерники, случалось, несли и потери. Так, спустя десять дней после только что упомянутого боя шесть наших торпедных катеров были встречены вдвое большим числом сторожевых и торпедных катеров гитлеров-

цев. В результате ожесточенной схватки гитлеровцы не досчитались двух кораблей. Но не вернулись в базу и два наших катера.

Бригада наша все время пополнялась. Стали прибывать катера с Севера. В Клайпеде я встретился с А. О. Шабалиным. Он привел к нам отряд катеров, переданных североморской бригадой, и готовился вместе со всеми принять участие в поиске и атаках конвоев у Либавы. Клайпедские рабочие в условиях разрушенного врагом порта самоотверженно помогали морякам быстрее отремонтировать корабли, совершившие длинный путь по воде и по железной дороге. Этим неутомимым труженикам мы были обязаны тем, что поступившие на пополнение нам торпедные катера уже через несколько дней вступали в боевой строй бригады.

Прибытие отряда Шабалина имело для нас особое значение. Один из его катеров имел радиолокационную станцию. Эх, будь она у нас пораньше!.. Тогда наверняка боевые успехи бригады были бы еще больше.

Встреча с Александром Осиповичем очень обрадовала. Вспомнили родное Заполярье, сослуживцев по североморской бригаде.

Александр Осипович был настроен по боевому.

— Разбили гитлеровцев на Севере, не дадим им спуска и здесь!..

Ранним утром 8 мая стало известно, что немецкая радиостанция в Фленсбурге передала приказ адмирала Деница вооруженным силам Германии о том, что с 1 часа 00 минут 9 мая боевые действия должны быть прекращены. Все служебные инстанции немецкой армии, флота и авиации, а также части, говорилось в этом приказе, остаются на своих местах. Не должно быть потоплений или повреждений судов и самолетов. Приказы, которые после 1 часа 00 минут 9 мая будут отданы Верховным командованием советских войск и союзников должны беспрекословно исполняться. Казалось, что полная и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии наконец-то стала реальным фактом и вторую мировую войну можно считать законченной. Однако спустя несколько часов другая немецкая радиостанция, теперь

уже с острова Борнхольм, передала довольно странную радиogramму с приказанием: «Транспортировку немцев с востока производить с максимальной быстротой». Гитлеровцы явно замыслили какую-то очередную авантюру. Наше командование приказало усилить блокаду побережья. Мы решили послать в море не одну и не две, а сразу несколько групп торпедных катеров. Теперь у нас такая возможность была.

Еще накануне вместе с капитаном 3 ранга Тимченко мы побывали в штабе ВВС флота и договорились во всех деталях о взаимодействии торпедных катеров и авиации.

Катера готовились к выходу. Мы разъяснили боевую задачу. Политработники провели беседы с моряками. Но внезапно получили распоряжение: до темноты в море не выходить. Нам разъяснили: над Либавой идут жаркие воздушные бои, в которых наряду с флотской авиацией участвуют и армейские истребители; как бы армейские летчики не перепутали наши катера с немецкими.

Вообще-то эти опасения имели под собой почву. Никто не смог бы полностью гарантировать, что кто-то из армейских летчиков не перепутает в горячке боя наши катера с катерами противника и не обстреляет их. На войне вообще трудно все заранее предусмотреть и какая-то доля риска есть постоянно. Но нам было известно, что в боях над Либавой между авиацией армии и флота строго разграничены районы. Над портом и морем, в частности, должны действовать только флотские истребители, а у нас с ними был заранее оговоренный план взаимодействия. Так что, строго говоря, не следовало бы задерживать нас в базе. Но никакие доводы не помогли.

Мы сидели у радиоприемника, настроенного на волну истребительной авиации. Летчики то и дело докладывали о выходявших из Либавы вражеских судах. Наша авиация атаковывала их, но далеко не каждое судно попадало под бомбы. Вот если бы вместе с самолетами эти цели атаковывали еще и наши торпедные катера!.. Частенько звонил телефон или раздавался стук в дверь: командиры отрядов, нервничая не меньше нас, задавали один и тот же вопрос: когда же наконец разрешат выход?

Промучившись около часа, я позвонил вице-адмиралу Виноградову.

— Николай Игнатьевич! Катерам нужно выходить в море сейчас же или уж не выходить совсем. Ведь до Либавы два часа хода. Какой же смысл появляться там к шапочному разбору?..

— Ну ладно. Ослушаемся на этот раз начальства, возьмем грех на душу. Давай выпускай катера...

Но выйти в море успел только лишь один отряд «Г-5» капитан-лейтенанта В. Я. Александрова. Штаб флота распорядился остальные катера задержать.

Приказ был выполнен. Отряды капитана 3 ранга Шабалина, капитан-лейтенанта Ефименко, капитана 3 ранга Становного вышли в море лишь с наступлением полной темноты. И, как мы ожидали, ни одного корабля там уже не оказалось.

А три катера капитан-лейтенанта Александрова, вышедшие засветло, успели до наступления полной темноты подойти к Либаве. Связались, как было заранее условлено планом боевого взаимодействия, с авиацией. Летчики не только навели катера на недавно вышедший из Либавы конвой, но и подсветили цели САБами. И в 23 часа с минутами старший лейтенант Олейник с короткой дистанции выпустил торпеды по крупнотоннажному транспорту. Лейтенант Кузнецов, на катере которого находился командир отряда, атаковал и потопил тральщик. А лейтенант Лаптев метким торпедным залпом уничтожил неопознанное судно. Успешность всех этих трех атак была подтверждена летчиками.

Ночью, пока мы дожидались докладов от вышедших в море катеров, у нас в штабе возник замысел: а что, если вместо пассивного выжидания на либавских фарватерах прорваться прямо в порт? Для осуществления этой цели у нас были все условия. По показаниям пленных и перебежчиков, солдаты потрепанных частей курляндской группировки, прижатых к морю, в значительной мере деморализованы. Высшие фашистские чины, спасая собственную шкуру, бегут на самолетах и кораблях, хотя им это далеко не всегда удается. В Либаве начались пожары, слышны взрывы — верные своему варварскому обычаю, гитлеровцы приступили к уничтоже-

нию города и сооружений порта. Прорыв торпедных катеров в Либаву давал возможность не только сохранить важный для страны порт, но в какой то мере и ускорить капитуляцию остатков вражеской группировки.

Чем подробнее обсуждали мы различные варианты этого плана, тем все более убеждались в его практической реальности. В этот момент нам позвонил вице-адмирал Н. И. Виноградов и повел разговор тоже о прорыве катеров в Либаву. Я признался, что мы тут думаем о том же самом.

— Значит, вопрос действительно назрел, если пришел в голову сразу нескольким людям. И что же вы там надумали?

Я высказал наши соображения. Вице-адмирал дополнил их своими предложениями и в заключение сказал:

— На том и порешим. Главное — не дать возможности противнику разрушить порт. А кто возглавит прорыв?..

Я попросил разрешения идти в Либаву мне самому.

— Хорошо. Ну, готовьтесь. Времени у вас в обрез. А я свяжусь с Кольбергом и поговорю обо всем этом с комфлотом.

— А там что? Борнхольм?..

— Да. На рассвете начинается.

Датский остров Борнхольм, расположенный в западной части Балтийского моря, стал в последние недели войны прибежищем для многих фашистских солдат и офицеров. По данным штаба Краснознаменного Балтийского флота, к началу мая 1945 года на Борнхольме находилось около 11—13 тысяч гитлеровцев, перебравшихся сюда главным образом из Померании. Возглавлял гарнизон острова командир корпуса генерал-лейтенант Вутман.

Имея сведения, что противник пытается вывезти хотя бы часть гарнизона Борнхольма в западные порты Германии, наша бригада по приказанию командующего флотом сосредоточила в этом районе несколько отрядов торпедных катеров. Базируясь на Кольберг, они вели поиск в районе треугольника Свинемюнде — остров Рюген — остров Борнхольм.

5 мая войска 2-го Белорусского фронта овладели крупным портом и важной военно-морской базой противника Свинемюнде. На следующий день был занят остров Рюген. После этого основной задачей стало овладение Борнхольмом.

7 мая командование флота направило по радио открытым текстом требование коменданту гарнизона острова о капитуляции. Ответа не последовало. Тогда, заблаговременно предупредив жителей, по острову нанесла мощные бомбо-штурмовые удары флотская авиация (за один день 8 мая балтийские летчики совершили 600 боевых вылетов).

Перед торпедными катерами бригады была поставлена задача обеспечить высадку на остров Борнхольм десанта с тем, чтобы принудить к капитуляции его гарнизон, взять под свою охрану плавсредства и все сооружения порта Ренне. По рекомендации штаба бригады практическое осуществление этой задачи было возложено на командира дивизиона капитана 3 ранга Е. В. Осецкого.

Самому мне участвовать в высадке десанта на Борнхольм не довелось (мы почти одновременно с катерами Е. В. Осецкого осуществили прорыв в Либаву). Но эту операцию подробно описал мне сам Евгений Вячеславович — ныне капитан 1 ранга запаса.

«...8 мая все торпедные катера, стоявшие в Кольберге, находились в боевой готовности номер один, но в море не выходили. Около 18 часов меня вызвал к себе командир Кольбергской военно-морской базы капитан 1 ранга Е. В. Гуськов и передал приказание: на рассвете 9 мая высадить морской десант на остров Борнхольм, в порт Ренне».

Тут рассказ Е. В. Осецкого следует дополнить такой деталью: для обеспечения предстоявшего десанта вечером 8 мая к Борнхольму высылался на разведку отряд торпедных катеров. Герою Советского Союза капитану 3 ранга А. Г. Свердлову было поручено разведать подходы к Ренне и по возможности уточнить работу навигационного ограждения порта. Вернувшись около 4 часов 9 мая Свердлов доложил, что все навигационное ограждение действует нормально. Никаких кораблей противника на подходах к порту не обнаружено.

Проведение этой разведки в какой-то мере способствовало успеху прорыва в Ренне и высадке там десанта.

Возвратимся, однако, к воспоминаниям Е. В. Осецкого: «...Десант в составе 108 человек был сформирован, как помнится, из состава комендантских частей базы, во главе с майором П. И. Антонюком — будущим комендантом Борнхольма. С нами шли начальник штаба Кольбергской военно-морской базы капитан 2 ранга Шевцов и еще два офицера штаба. Воздушное прикрытие десанта обеспечивала расположенная поблизости авиационная истребительная дивизия флота. После получения приказа и беседы с капитаном 1 ранга Гуськовым я побывал в этой дивизии, и мы договорились о всех деталях взаимодействия.

В 6 часов 15 минут 9 мая шесть торпедных катеров, приняв на борт десант, вышли в море, взяв курс на остров Борнхольм.

Примерно на полпути у нас, не скажу уж точно по какой причине, нарушилась связь с истребителями прикрытия. А они спустя некоторое время начали вдруг проделывать замысловатые горки, виражи. Мы поначалу никак не могли понять, что все это означало. Потом кто-то из находившихся на мостике офицеров высказал предположение: уж не обнаружили ли они что-нибудь? Я попробовал на всякий случай еще раз вызвать самолеты по радио и попросил командира ведущего истребителя в случае, если обнаружены какие-то цели, показать направление на них, как мы об этом ранее договаривались. И вот удача!.. Оказывается, приемник на самолете работал. Истребители зашли нам в корму. Прошли над нами, а потом сделали резкий разворот вправо.

Теперь все было ясно.

Мы легли на новый курс. Вскоре были обнаружены быстроходная десантная баржа и шесть рыбацких мотоботов, битком набитых фашистскими солдатами и офицерами. Наши катера разошлись и звеньями с трех направлений пошли в атаку. Но на мачте БДБ запылала по ветру поднятая на фалах простыня — флаг довольно красноречивый. Один из катеров ошвартовался к ее борту. Майору — старшему из немецких офицеров — было сказано, что баржа и мотоботы будут отведены в Кольберг. В случае какой-либо провокации на любом из судов, оно будет немедленно потоплено. И

весь караван с сотнями пленных в сопровождении торпедного катера, с которого были сняты десантники, отправился к нашему берегу. Возглавил эту армаду командир отряда катеров Герой Советского Союза капитан 3 ранга В. И. Тихонов. Довел он суда до Кольберга без каких-либо происшествий.

А пять остальных катеров продолжали путь к Борнхольму. Около 11 часов попали в полосу тумана. Хотя задержка была очень нежелательна, но пришлось все же остановиться — видимость сократилась до 8—10 метров. Легли в дрейф.

Минут через сорок туман стал рассеиваться. Двинулись, идя по счислению (с этим, надо сказать, отлично справился штурман дивизиона капитан-лейтенант И. Н. Ратьков). Вскоре перед нами открылась панорама южного берега острова. Увеличив скорость, мы направились к входу в порт. Два звена катеров — старшего лейтенанта Пьянова и лейтенанта Воскресенского — получили приказание прорваться в бухту и ошвартоваться у стенки.

Когда мы приблизились к берегу, то увидели, что все возвышенности, окружавшие бухту, усеяны толпами гитлеровцев. Их тут было несколько тысяч, а наш десант, как я уже говорил, не насчитывал и полутора человека...

Миновав входные ворота порта, катера Пьянова и Воскресенского ошвартовались в назначенных им местах. Причем звено старшего лейтенанта Пьянова встало к борту баржи. В ее трюме оказались согнанные со всего острова русские — мужчины и женщины, в свое время насильственно привезенные на остров из оккупированных врагом областей Украины, Белоруссии и других мест. Как потом было установлено, гитлеровцы готовились вывести эту баржу в море и затопить вместе с находившимися на ней людьми. Только приход наших катеров не дал возможности фашистам осуществить это очередное злодеяние.

Вслед за двумя первыми звеньями катеров вошел в порт и ошвартовался у пирса наш головной катер, который вел лейтенант Троненко.

Через несколько минут на причале появилась автомашина, накрытая полотнищем с большим красным крестом. Вышедший из нее пожилой человек предста-

вился как датский губернатор острова. С ним был переводчик и еще один датчанин — командир борнхольмского отряда Сопротивления. Мы сообщили губернатору о цели нашего прибытия и попросили предоставить помещение для советской комендатуры. Командир отряда Сопротивления, насчитывавшего, по его словам, около двухсот человек, заверил, что с его стороны нам будет оказана необходимая помощь. Для начала мы попросили выделить в распоряжение советского коменданта острова людей, хорошо знающих расположение главных немецких оборонительных объектов.

Вслед за этим в порту появился немецкий майор — адъютант коменданта борнхольмского гарнизона генерал-лейтенанта Вутмана. Коверкая, но все же довольно понятно произнося русские слова, этот тип довольно нахально заявил, что если через двадцать минут наши торпедные катера не покинут порта, они будут расстреляны. Капитан 2 ранга Шевцов спокойно ответил, что условия будем ставить мы, а не гитлеровцы. Их время кончилось. В случае же какой-либо провокации сюда тотчас будет вызвана наша авиация, и тогда немцы пусть пеняют на себя. Барражировавшие в это время над Борнхольмом наши истребители наглядно свидетельствовали, что это предупреждение — не пустые слова.

Адъютанту было заявлено, что никакие переговоры вестись не будут. Спасти немцев может только полная капитуляция.

Вечером мы двумя катерами вышли в Кольберг, оставив в Ренне звено лейтенанта Воскресенского. Вскоре к осту от Борнхольма был обнаружен немецкий транспорт, шедший в сопровождении четырех стотонных торпедных катеров. Мы связались по радио с Воскресенским, принявшим на себя обязанности старшего морского начальника Борнхольма, и передали указание завернуть этот транспорт в Ренне, а в случае неподчинения — торпедировать. Подробности этого, пожалуй, последнего в Великую Отечественную войну морского боя на Балтике я не знаю. Мы только получили доклад лейтенанта, что атака не удалась. На катере у него есть раненые. Ранен и сам Воскресенский. После этого, обнаружив довольно крупный конвой, мы вызвали нашу авиацию, указав ей примерные координаты целей.

Погода стала портиться. Шестибалльный ветер ра-

зогнал порядочную волну. Однако мы шли против волны на предельной скорости. Около 22 часов прибыли в Кольберг и доложили о выполнении приказа».

Спустя уже много лет после окончания войны мне удалось разыскать в Керчи участника того последнего морского боя на Балтике, о котором говорил Е. В. Осецкий, капитан-лейтенанта запаса Николая Дмитриевича Воскресенского. Привожу его письмо:

«...Получив тогда, 9 мая 1945 года, сообщение командира дивизиона о немецком транспорте, я сыграл боевую тревогу и, вместе с катером лейтенанта Моловствова, вышел из Ренне в пролив.

Отыскав транспорт -и сблизившись с ним, легли на параллельный курс в дистанции не более одного кабельтова. По международному своду сигналов я передал на транспорт приказание застопорить ход. Немцы делали вид, что поднятого нами сигнала не понимают, и хода не стопорили. Пришлось дать очередь из пулемета по носу судна. После этого транспорт остановился. Остановились и сопровождавшие его немецкие торпедные катера. Я подошел чуть ли не к самому борту транспорта и приказал капитану следовать в порт Ренне. Транспорт стал было разворачиваться в сторону Борнхольма. Но в это время к северу от нас показался еще один большой конвой. От него отделились семь торпедных катеров и направились в нашу сторону.

Увидев подходившее подкрепление, транспорт снова лег на прежний курс. Мне не хотелось использовать оружие — война-то ведь, по существу, закончилась, и лишние жертвы ничем, казалось бы, не оправдывались, — и я предпринял еще одну попытку образумить капитана немецкого транспорта. Он был предупрежден, что в случае неисполнения нашего приказа судно будет торпедировано. Однако эта наша гуманность по отношению к побежденному противнику дорого нам обошлась. Пока велись переговоры, четыре немецких катера заняли позицию между нами и транспортом, а семь подходивших вражеских катеров открыли огонь.

Я по радиотелефону приказал лейтенанту Моловstoffу атаковать транспорт, но услышал в ответ, что на катере неисправен мотор. Тогда, поставив короткую дымзаве-

су и развернувшись за ней, пошел в атаку сам. Однако атака была неудачной. В момент залпа на катере разорвался снаряд. Из двух торпед вышла только одна (у второй осколком срезало хвостовое оперение), и транспорт сумел от нее увернуться. Сам я к этому времени был ранен в ногу и в лопатку.

После нашей атаки все одиннадцать немецких катеров набросились на нас. Катер Моловствова был далеко в стороне и прикрылся дымзавесой. А мы и этого сделать не могли, потому что осколками снарядов дымаппаратура была выведена из строя. Кроме меня был тяжело ранен боцман старшина 1-й статьи Приходько и пулеметчик. Плохо, судя по всему, пришлось бы и всем остальным членам экипажа. Да в это время на выручку к нам подоспели штурмовики.

Вначале летчики никак не могли разобраться, где среди маневрирующих и ведущих огонь катеров свои, а где чужие. Я передал им по радио: «Я самый маленький. Бейте всех больших!» И наши штурмовики рассчитались с гитлеровцами за все. Транспорт и восемь из одиннадцати катеров противника были потоплены. Остальные удрали. Но недалеко. Подходили все новые и новые группы самолетов. Летчики потом сообщили, что будто бы один из немецких катеров потопили и мы. Но я этого утверждать не могу...»

Да, если враг не сдается — его уничтожают!

Вернувшись в порт Ренне, лейтенант Воскресенский, несмотря на серьезное ранение, остался на катере, а боцман был направлен в датский госпиталь. Там ему сделали операцию. Однако от большой потери крови старшина 1-й статьи Приходько скончался. Со всеми воинскими почестями его похоронили близ маяка в Кольберге.

Оставшиеся на Борнхольме десантники, во главе с майором П. И. Антонюком, не только удерживали в своих руках порт Ренне, но к вечеру 9 мая захватили также телеграфно-телефонную станцию, аэродром и другие важные объекты. Над островом все время барражировали наши самолеты. Немецкий гарнизон вел себя тихо. 10 мая в порт прибыл на катере командир советской дивизии полковник Коротков. Вутман отдал приказ о капитуляции гарнизона. В тот же день торпедные катера В. М. Старостина доставили на остров 600 пехо-

тинцев. Потом количество наших войск все время наращивалось.

Последняя крупная немецко-фашистская группировка на Южной Балтике была разоружена и пленена.

Интересная деталь: гитлеровцы так надоели датчанам — жителям Борнхольма, — что около ста частных судовладельцев по собственной инициативе предоставили в распоряжение нашего командования свои шхуны и моторботы, лишь бы только как можно скорее перевезти пленных с острова на материк, чем мы не преминули воспользоваться.

Когда торпедные катера Е. В. Осецкого уже шли с десантом к Борнхольму, мы получили от вице-адмирала Н. И. Виноградова подтверждение, что командующий флотом дал «добро» на прорыв в Либаву.

— Утром туда и направляйтесь, — закончил разговор Николай Игнатьевич. — Желаю успеха!

До выхода в море оставалось всего час-полтора, а дел разных было еще немало. Прежде всего нам нужен был человек, хорошо знающий либавский порт. Сам я до той поры ни разу там не был, а полагаться в таком деле лишь на карты было рискованно. Кто-то подсказал: С. А. Осипов до войны не раз бывал в Либаве.

Сергей Александрович был приглашен в штаб.

— Вы хорошо знаете либавский порт?

— Еще бы, — ответил Осипов. — В июне 1941 года отходил из него последним. За нами тогда еще немецкие торпедные катера гнались. Драться пришлось.

— Так вот. Отходили вы оттуда одним из последних, а входить в Либаву будете первым. Вас это устраивает?..

У Сергея Александровича даже глаза заблестели.

— Вполне!

— Значит, договорились.

С Осиповым, начальником политотдела Ильиным и начальником штаба Тимченко мы еще раз подробно обсудили детали предстоявшего прорыва.

А у пирса в это время готовились к походу шесть торпедных катеров и в их числе несколько «Комсомольцев» — новейших наших катеров.

Скоро мы вышли из базы, взяв курс на Либаву. На головном «Комсомольце» кроме меня находились ка-

питан 2 ранга Осипов и командир десантной группы морских пехотинцев, насчитывавшей всего 50 человек, подполковник О. С. Лейбович — великолепный организатор и большой храбрости человек. На остальных катерах кроме десантников шли начальник политотдела, начальник штаба и другие офицеры.

Не доходя двух-трех миль до порта, уменьшили ход и стали маневрировать. Тут к нам присоединился отряд катеров капитана 3 ранга И. Становного.

Перед нами за широкой золотистой полосой песчаного пляжа открывалась панорама залитой щедрым майским солнцем Либавы — города, который вместе с Брестом и Севастополем принял на себя первый удар немецко-фашистских захватчиков. В незабываемые июньские дни 1941 года, окруженная врагом, атакуемая с воздуха, моря и суши, мужественно оборонялась Либавка. В наскоро отрытых окопах, у противотанковых рвов, вместе с пехотинцами, пограничниками, артиллеристами, военными моряками стойко бились и жители города — металлурги, судоремонтники, рыбаки. Когда после многих трудных дней и ночей непрерывного боя у мужественных защитников города уже иссякли патроны и снаряды, они отбивались гранатами. А не стало гранат — дрались врукопашную!..

И вот теперь тут, где без малого четыре года назад была начата одна из первых страниц летописи великого подвига советского народа в Великой Отечественной войне, заканчивалась ее последняя страница.

В 10 часов 20 минут (так записано в моем дневнике) 9 мая 1945 года наши торпедные катера с вьющимися по ветру бело-голубыми флагами ворвались в гавань.

Мы видели растерянные лица солдат у четырехствольных крупнокалиберных автоматов, расставленных на молах, которые широкой подковой охватывали акваторию аванпорта. В расстоянии четверти километра, на берегу Коммерческой гавани, стояло еще с десятков таких же счетверенных автоматов. Один их залп, и нашим катерам, а вместе с ними и нам самим, нельзя бы было позавидовать. Но немецкие артиллеристы окаменели, пораженные нашей дерзостью. Мы, кстати сказать, на

это и рассчитывали, разрабатывая план прорыва в Либаву. По катерам не было произведено ни одного выстрела. А когда через минуту-две артиллеристы пришли в себя, было уже поздно. Наши катера разделились: отряд Становного (рыжеватая «макаровская» борода капитана 3 ранга развеивалась на ветру в рубке головного катера) повернул вправо, а наша шестерка — влево.

Оба берега узкого канала были густо усеяны немецкими солдатами, во все глаза глазевшими на неведомо откуда появившиеся советские корабли. А мы мчались сорокаузловым ходом, и после нас накатывала на берег высокая пенистая волна.

Катера, сбавив ход, ткнулись в берег. Выскочившие с них десантники, пулеметчики и комендоры катеров направили оружие в сторону солдат и офицеров, столпившихся на проезжей дороге и территории, примыкающей к пирсам.

Ко мне подскочил какой-то низкорослый немецкий ефрейтор и, четко пристукнув каблуками, на довольно сносном русском языке попросил:

— Господин полковник! Разрешите быть вашим переводчиком!

Хотя у нас был свой переводчик, но я все же решил воспользоваться услугами ефрейтора.

— Хорошо. Передайте офицерам приказание построить своих солдат.

Ловко повернувшись, ефрейтор направился к стоящей особняком группе офицеров. Над площадью зазвучали команды. Толпа солдат, дотоле молчаливая, загудела, зашевелилась и довольно быстро стала разбираться в строй по четыре. Тот же бравый ефрейтор громко, как команду, перевел мое приказание сдать оружие. Двинувшись, длинная колонна медленно проходила мимо нас, и солдаты бросали на землю автоматы, винтовки. Куча оружия с каждой минутой поднималась все выше.

Один за другим подходили немецкие офицеры, и ефрейтор добросовестно переводил их просьбы принять капитуляцию вверенных им частей.

Пока шла эта церемония, кто-то из десантников подполковника Лейбовича, взобравшись на крышу стоявшего напротив пирсов длинного кирпичного здания, сорвал полотнище с ненавистной гитлеровской свастики и

поднял на флагштоке наш красный советский флаг. Алые стяги и советские военно-морские флаги (выходя из Швентоя, мы предусмотрительно захватили с собой весь запас флагов, оказавшийся на складах береговой базы) были подняты на всех портовых зданиях и на мачтах стоявших здесь судов.

Связавшись по радио с командующим ЮЗМОРОм, я доложил, что мы в Либаве и ее гарнизон капитулировал.

Ко мне подошел русский парнишка лет пятнадцати. Любовно заглядывая в лицо, сказал:

— Дяденька! А там, в городе, в госпитале, наши русские матросы лежат. Раненые.

— А ты знаешь, где госпиталь? Покажешь, как туда проехать?

— Ага. Знаю. Покажу.

Забрав с собой мальчишку и двух автоматчиков, мы с начальником политотдела сели в первый попавшийся «оппель» (а машин тут было сколько угодно).

На протяжении нескольких километров, что отделяют порт от города, нам то и дело попадались идущие, сидящие, лежащие немецкие солдаты. Серые обросшие лица, воспаленные глаза, неряшливая одежда показывали, как много пришлось пережить этим людям в курляндском мешке, где они многие месяцы находились по воле гитлеровских генералов.

По дороге к госпиталю заехали в торговый порт к Становному. Удовлетворенно поглаживая бороду, капитан 3 ранга рассказал, что им тут вообще не пришлось иметь дело с представителями немецкой армии. Гражданские же власти порта не только не противодействовали, а напротив оказывали нашим катерникам всяческое содействие.

У ворот дома, занятого под госпиталь, нас с капитаном 2 ранга Ильиным встретили перепуганный врач-немец и медицинская сестра-латышка, выступавшая в роли переводчика. Заикаясь, врач доложил, что во вверенном ему госпитале находятся на излечении раненые советские моряки.

— Отношение к ним все это время, смею вас заверить, было самым гуманным, — поспешил заявить врач.

В большой палате, накрытые чистыми перинками, заменяющими в Германии одеяла, лежало около десяти наших матросов-катерников из числа экипажей тех двух

торпедных катеров, что в марте 1945 года в неравном бою с немецкими катерами были потоплены неподалеку от Либавы. Увидев нас, эти мужественные люди, смело бившиеся с врагом до последнего снаряда, не сгибаясь перенесшие все нелегкие испытания вражеского плена, заплакали, словно дети.

— Ничего друзья. Теперь зачем же плакать,—старались мы успокоить раненых.—Все самое трудное — позади...

Как оказалось, немецкий врач не случайно завел разговор о гуманности. В эту палату наши раненые моряки были переведены всего полчаса назад, а до этого лежали в подвале. Кормили их впроголодь. В тот же день мы доставили раненым продукты получше. А на второй день их перевезли в наш советский госпиталь.

Вернувшись в военный городок, мы, к немалому удивлению, уже не увидели еще недавно бродивших тут толпами немецких солдат. Оказалось, что предусмотрительный подполковник О. С. Лейбович собрал всех их и приказал разместиться на причалах, выставив охрану из своих десантников.

— Так-то оно спокойнее будет,—объяснил Оскар Соломонович,—тут они у нас все под надзором. И уйти некуда — вода кругом.

Спустя пять часов после нашего прорыва в Либаву вошли первые части Советской Армии. Мы им, как говорится, с рук на руки передали всех пленных.

А через несколько дней, сдав обязанности старшего морского начальника командиру Либавской военно-морской базы, я вернулся в свой штаб.

Балтийская Краснознаменная бригада торпедных катеров за успехи, достигнутые в последних боях, была награждена орденом Нахимова I степени.

Над землей царила весна — самая светлая и самая радостная для каждого советского человека — весна Победы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
За шестьдесят девятой параллелью	3
На действующий флот	5
Рождение бригады	14
«Свободная охота»	26
Есть «морской язык»! И не один!.. . . .	41
Сражаться до конца!	49
Боевое братство	59
Бьем туго сжатым кулаком	74
Наш КП — высота 200	100
Слава героев не умирает	114
Настоящие товарищи	128
Вопреки пословице	140
И с моря, и с воздуха	155
Операция «Вест»	179
Здравствуй, Печенга!	191
На южной Балтике	239
Балтийская бригада	241
Коса Фриш-Нерунг	252
Самая светлая весна	266

Александр Васильевич Кузьмин
В ПРИБРЕЖНЫХ ВОДАХ
(Военные мемуары)

Редактор *В. И. Милютин*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Художник *В. В. Васильев*
Технический редактор *И. Ф. Кузьмин*
Корректор *Г. А. Хвилевская*

Г-43303. Сдано в набор 3.4.67 г. Подписано к печати 20.6.67
Формат 84×108^{1/32} — 9 печ. л. (14,76 усл. печ. л.) + 3 наклейки —
2/3 печ. л. (0,615 усл. печ. л.) 14,894 уч.-изд. л.
Бумага типографская № 2. Тираж 75 000 экз.
Цена 67 коп. Изд. № 3/6917. Зак. 704

Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160

1-я типография Военного издательства
Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, 3

